Министерство науки и высшего образования Российской Федерции
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Кафедра истории России
Центр изучения истории средневековой Руси
Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура

Материалы IX Всероссийской, с международным участием,
научной конференции молодых ученых.
Ижевск, 23–24 ноября 2021 г.

Ижевск
2022

УДК 94(470)"04/19"(063)
ББК 63.3(4)я431+63.3(2)4я431
Е241

Рекомендовано к изданию Управлением развития научно-инновационной деятельности УдГУ

Рецензенты: д. и. н., проф. Р. А. Соколов,
д. и. н., проф. Г. П. Мягков

Редколлегия: А. Д. Байкова, В. В. Долгов, А. Е. Загребин, В. В. Иванов, А. Л. Колзина, Е. В. Охотникова, В. В. Пузанов, Т. М. Сабирова, И. А. Симонов, Е. О. Чигирёва.

Составитель и отв. ред. Пузанов Д. В.

Е241 Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы IX Всерос., с междунар. участием, науч. конф. молодых ученых (Ижевск, 23–24 нояб. 2021 г.) / сост., отв. ред. Д. В. Пузанов. – Ижевск : Удмуртский университет, 2022. – 207 с.

ISBN 978-5-4312-0988-8

В сборнике представлены материалы Девятой Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых, которая проходила 23–24 ноября 2021г. в г. Ижевске.

Издание подготовлено кафедрой истории России, Центром изучения истории средневековой Руси УдГУ и Отделом исторических исследований УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, всех интересующихся историей Средних веков и Нового времени.

УДК 94(470)"04/19"(063)
ББК 63.3(4)я431+63.3(2)4я431

ISBN 978-54312-0988-8

© ФГБО УВО «Удмуртский государственный университет, 2022
© Авторы статей, 2022
© Д. В. Пузанов, сост. 2022
© УдмФИЦ Уро РАН, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 7
Киселев Р.С. (г. С.-Петербург) Элементы архаики в повседневной жизни новгородцев (по материалам берестяных грамот и надписей XI–XIV вв.) 7
Ушаков А.В., Цветкова А.С. (г. В. Новгород) К проблеме сотрудничества ганзейских контор Лондона и Брюгге в середине XV в. 15
Шулятьева А.С. (г. Ижевск) Обязательства крестьян России в XVII в. (по материалам порядных, ссудных и поручных записей Замосковного края) 20
Выслоужилова Д.Л. (г. Брно) Парадокс чехов-панславистов: неосуществленный проект труда по истории России К. Гавличека-Боровского 26
Марфина Е.С. (г. Ижевск) Восприятие Достоевским Европы и европейцев: взгляд со стороны (на материалах документов личного происхождения А.Г. Достоевской) 31

ПЛЕНАРНО-СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ 36
Сироткина А.А. (г. Москва) Королевы Мерсии и Уэссекса в IX в.: различие статусов 36
Грозова В.А. (г. Н. Новгород) Византийский плен глазами арабского поэта X в. Абу Фираса аль-Хамдани 42
Николаева К.Д. (г. Ижевск) Качественные гендерные характеристики Повести временных лет: мужчины 47
Грозов С.С., Образцов Д.В. (г. Н. Новгород) Животные в «Хронике» Салимбене де Адам 53
Симонов И.А. (г. Ижевск) Образ монголо-татар в записях европейских путешественников XIII в. 58
Сельков Д.С. (г. Ижевск) Идеологическая легитимация государств крестоносцев в Романии 63
Якунина В.А. (г. В. Новгород) К вопросу о переводе термина «ordell» в письмах магистрата Нарвы в Ревель XV в. 67
Несин М.А. (г. С. Петербург) Поход Ивана III на В. Новгород 1475/76 гг. и чудо на Городище вечером 29, или в ночь на 30 ноября 1475 г. по псковским летописным данным 73
Непряхин И.Ю. (г. Москва) Следы ереси Феодосия Косого в землях Великого княжества Литовского 82
Новосёлов А.Л. (г. Казань) Антиеретический летописный свод конца XV в. — источник Софийской второй летописи 88
Преображенская А.А. (г. Москва) Тексты св. Августина в русской книжной традиции XV–XVIII вв.: к проблеме формирования корпуса 95

Керимова Д.Т. (г. Самара) «Свиток Роуза» и «История английских королей»: Джон Роуз как пример средневековой политической ангажированности 103
Сидорова В.А. (г. Ижевск) Иван III в сочинениях иностранцев конца XV–XVI в. 107
Байкова А.Д. (г. Ижевск) Идеологическое обоснование великокняжеской власти на заключительном этапе становления Русского единого государства в отечественной историографии 50–70-х гг. XX в. 112
Чигирёва Е.О. (г. Ижевск) Идеал русской женщины в XVI–XVII вв. 119
Ганина М.А. (г. Н. Новгород) Филипп Меланхтон: к вопросу об изучении магистрами естественных дисциплин 123
Попова Е.М. (г. В. Новгород) К вопросу о возвращении Новгорода в начале XVII в.: криминальная обстановка во время переговоров между Москвой и Стокгольмом 128
Циватый В.Г. (г. Киев) Замки Европы как институциональные центры коммуникативных и политико-дипломатических практик: особенности исторической урбанистики в период правления Франциска I Валуа (1515–1547) 133
Гафуров С.О. (г. Казань) Пражский мир и Габсбургский универсализм 143
Манин Д.О. (г. Екатеринбург) Миссия П.И. Потёмкина в Испанию, Францию и Англию 1680–1682 гг. и придворная борьба в России 150
Шаипов Т.К. (г. Москва) Русские послы в Италии в 1656–1657 гг.: споры о почестях 155
Домрачев Н.Е. (г. Москва) Состав польской постоянной миссии в Москве под руководством П.М. Свидерского (1673–1677 гг.) 160
Бохан Ф.Ю. (г. Минск) Политические технологии в борьбе магнатских группировок в Речи Посполитой в 1-й половине XVIII в. 169
Князев В.И. (г. Ижевск) Публичные дома Петербурга XVIII в. в воспоминаниях Дайкокуя Кодаю 175
Селиверстова П.М. (г. Москва) Фридрих и Вильгельмина: политические вопросы частной переписки 182
Ившин В.С. (г. Екатеринбург) Концепция Смутного времени Г.Р. Державина в политической культуре российского монархизма конца XVIII – начала XIX в. 187
Охотникова Е.В. (г. Ижевск) Движение толстовцев конца XIX – начала XX в. 193
Сперанский П.А. (г. Екатеринбург) Реформы П.А. Столыпина в свете современных дискуссий в истории России 197
Шуравин Е.В. (г. Ижевск) Источники по истории заселения бассейна р. Вала в Позднее средневековье и Новое время 202

CONTENTS

PLENARY SESSION 7
Kiselev R.S. (Saint Petersburg) Archaic Elements in the Everyday Life of Novgorodians (Based on the Materials of Birch Bark Manuscripts and Inscriptions of the 11th–14th Centuries) 7
Ushakov A.V., Tsvetkova A.S. (Veliky Novgorod) The Issue of Cooperation of Hanseatic Trading Posts (Kontor) in London and Bruges in the Middle of the 15th Century 15
Shulyatyeva A.S. (Izhevsk) Liabilities of the Russian Peasants in the 17th Century (According to the Matherials of the "Poryadnyye Zapisi" [Contracts], "Ssudnyye Zapisi" [Loaned Peasant Contracts] and "Poruchnyye Zapisi" [Contracts of Suretyship] in the Zamoskovnyj Region) 20
Vysloužilová D.l. (Brno) Paradox of the Czech Pan-Slavists: An Unfinished Work About the History of Russia by K. Havlíček Borovský 26
Marfina E.S. (Izhevsk) Dostoevsky's Perception of Europe and Europeans: An Outside Perspective (On the Materials of A.G. Dostoevskaya's Personal Documents) 31

PLENARY-SECTIONAL SESSIONS 36
Sirotkina A.A. (Moscow) Queens of Mercia and Wessex in the 9th Century: Difference of Statuses 36
Grozova V.A. (Nizhniy Novgorod) Byzantine Captivity Through the Eyes of the Arab Poet Abu Firas al-Hamdani 42
Nikolaeva K.D. (Izhevsk) Qualitative Gender Characteristics of the Tale of Bygone Years: Men 47
Grozov S.S., Obrazcov D.V. (Nizhny Novgorod) Animals in "The Cronica" of Salimbene de Adam 53
Simonov I.A. (Izhevsk) The Image of the Mongol-Tatars in the Records of European Travelers of the 13th Century 58
Selkov D.S. (Izhevsk) Ideological Legitimization of the Crusader State on the Territory of Byzantium 63
Yakunina V.A. (Veliky Novgorod) On the Translation of a Term "Ordell" in Letters of the Narva's Town Council to Reval in the 15th Century 67
Nesin M.A. (Saint Petersburg) Ivan III's Campaign in V. Novgorod in 1475/76. And a Miracle at the Gorodishche on the Evening of 29, or on the Night of November 30, 1475 According to Pskov Chronicle 73
Nepryakhin I.Y. (Moscow) Marks of the Heresy of Feodosy Kosoy in the Lands of the Grand Duchy of Lithuania 82
Novoselov A.L. (Kazan) Antiheretical Chronicle of the End of the Fifteenth Century — the Source of Sofia's Second Chronicle 88

Preobrazhenskaya A.A. (Moscow) Texts of the Saint Augustine in the Russian Literary Tradition of the 15th–18th Centuries: To the Problem of Building a Corpus 95
Kerimova D.T. (Samara) "Rous Roll" and "Historia Regum Angliae": John Rous as an Example of Medieval Political Bias 103
Sidorova V.A. (Izhevsk) Ivan III in the Writings of Foreigners at the End of the 15th–16th Centuries 107
Baykova A.D. (Izhevsk) Ideological Justification of the Grand-Ducal Power at the Final Stage of the Formation of a Russian Unified State in Domestic Historiography of the 50–70ss 20th Century 112
Chigiryova E.O. (Izhevsk) Ideal of Russian Woman in 16th–17th Centuries 119
Ganina M.A. (Nizhny Novgorod) Philip Melanchton: To the Question of Studying Masters of Natural Disciplines 123
Popova E.M. (Veliky Novgorod) On the Question of the Return of Novgorod at the Beginning of the 17th Century: The Criminal Situation During the Negotiations Between Moscow and Stockholm 128
Tsivatyi V.G. (Kyiv) Castles of Europe as Institutional Centers of Communicative and Political-Diplomatic Practices: Features of Historical Urbanism During the Rule of Francis I of Valois (1515–1547) 133
Gafurov S.O. (Kazan) The Peace of Prague and the Habsburg Universalism 143
Manin D.O. (Yekaterinburg) Potemkin's Mission to Spain, France and England in 1680–1682. And the Court Struggle in Russia 150
Shaipov T.K. (Moscow) The Russian Ambassadors in Italy in 1656–1657: Honours Disputes 155
Domrachev N.E. (Moscow) The Structure of Polish Permanent Diplomatic Mission at Muscovite Court Under the Leadership of Paweł Michał Swiderski (1673–1677) 160
Bokhan F.Yu. (Minsk) Political Techonogies in Struggle of Magnate Groups of Polish-Lithuanian Commonwealth in First Half of 18th Century 169
Knyazev V.I. (Izhevsk) Whorehouses 18th Century Peterpurg in Memories of Daikokuy Kodayu 175
Seliverstova P.M. (Moscow) Frederick and Wilhelmine: Political Issues of Private Correspondence 182
Ivshin V.S. (Yekaterinburg) G.R. Derzhavin's Concept of the Time of Troubles in the Political Culture of Russian Monarchism in the Late 18th — Early 19th Centuries 187
Okhotnikova E.V. (Izhevsk) Movements of Tolstoyans in Late 19th and Early 20th Century 193
Speranskiy P.A. (Yekaterinburg) Stolypin's Reforms in Contemporary Discussions in the History of Russia 197
Shuravin E.V. (Izhevsk) Sources on the History of Settlement of the Vala River Basin in the Late Middle Ages and Modern Times 202

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Р.С. Киселев
г. Санкт-Петербург (Россия)
Санкт-Петербургский гос. ун-т

ЭЛЕМЕНТЫ АРХАИКИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НОВГОРОДЦЕВ (ПО МАТЕРИАЛАМ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ И НАДПИСЕЙ XI–XIV вв.)

Статья посвящена элементам архаики в повседневной жизни жителя средневекового Новгорода, которые содержатся в уникальном корпусе исторических документов — новгородских берестяных грамотах. Анализируя корпус источников в целом, автор выявляет ряд документов, в текстах которых отчетливо проявляются элементы архаической культуры, языческих культов и обычного права, восходящих к дохристианскому периоду истории Новгородской земли.

Ключевые слова: Новгородская земля, Новгород, берестяные грамоты, язычество, архаические традиции, двоеверие, обереги, заговоры, волхвы, повседневная жизнь.

В этом году мы отмечаем 70-летие с момента находки первой берестяной грамоты в Новгороде. Трудно переоценить то значение, которое привнесли берестяные грамоты в историческую науку. Они дополнили столбцы «официальных» летописей, где практически не было места обычному человеку, яркими штрихами из повседневной жизни горожан: бояр и посадников, ремесленников и купцов, священников и монахов, крестьян-смердов и даже школьников.

На сегодняшний день в реестре значится уже 1254 берестяных грамот, 1143 из них обнаружены при раскопках в Новгороде. Было бы логичным предположить, что именно в берестяных грамотах, не подвергавшихся какому-либо контролю со стороны церкви, могли бы в той или иной степени сохраниться упоминания архаических традиций, столь долгое время бытовавших в Новгороде и после принятия христианства в 989 г. Задача данной статьи состоит в том, чтобы, во-первых, выявить эти упоминания, во-вторых, проанализировать их частотность, в-третьих, сделать вывод о степени

проникновения новой христианской религии в повседневный мир обычного человека.

Говоря об историографии вопроса, в первую очередь упомянем многотомное академическое издание берестяных грамот [Янин и др. 2015], монографии Л.П. Жуковской [Жуковская 1959], Л.В. Черепнина [Черепнин 1969], В.Л. Янина [Янин 1998], А.А. Зализняка [Зализняк 2004], а также ряд отдельных статей, написанных за последние годы [Гиппиус 2005, с. 136–142; Силина 2013, с. 121–122; Голева 2014, с. 77–114; Брицкая 2016, с. 10–12; Солодухин 2018, с. 83–90; Алпатов 2020, с. 123–128; Сичинава 2020, с. 297–313; Гиппиус 2021, с. 66–92] и, конечно же, общие работы по истории духовной культуры и этнографии древних славян, как дореволюционных, так и современных авторов [Виноградов 1908; Зелинский 1908; Аничков 1915; Гальковский 1916; Рыбаков Б.А. 1987; Левин 2004].

Всего на данный момент мы выявили 13 берестяных грамот или их фрагментов и одну берестяную иконку-оберег, в которых можно найти следы архаических традиций. Предлагаем разделить их на четыре на группы, исходя из их содержания.

Грамоты-обереги (№ 915-и, 674, 1131)

Самой ранней из всех рассматриваемых нами берестяных грамот является берестяная иконка-оберег № 915-и с изображением св. Варвары (1 треть XI в.) [НГБ XI, с. 108–109]. Было выдвинуто несколько версий касательно написанной на ней даты [Там же]. А последние исследования текста вообще отрицают, что в тексте грамоты указана какая-либо дата [Сичинава 2020, с. 305]. Но нас же в большей степени интересует даже не это, а то, что рядом с изображением Иисуса Христа перед его каноническим именем и҃с х҃с был зачем-то добавлен символ ᾰ҃ (в кружке) (от греч. ἅγιος «святой»), что явно выбивается из христианской традиции, и как подмечает А.А. Зализняк «в данном случае весьма необычно» [Зализняк 2004, с. 276].

Действительно, согласно Никео-Константинопольскому Символу веры, принятому на 2-м Вселенском соборе в Константинополе в 381 г., Иисус Христос это не просто «святой», а Сын Божий, единородный, сошедший на землю и воплотившийся в теле человека, чтобы принять на себя все грехи всего человечества, обеспечив людям спасение [Деяния Вселенских соборов… 1908, с. 47]. А для писавшего надпись на берестяной иконке, похоже, особой разницы не было (что, впрочем, вполне простительно, если принять во внимание, что с момента принятия христианства в Новгороде прошло не более 30–40 лет). Таким образом, мы вполне можем предположить, что создатель грамоты механически перенес на образ Христа эпитет ἅγιος

«святой»; для него что Иисус, что св. Варвара в сущности были «новыми» богами, заменившими собой «старых», в том числе и на оберегах. «Двоеверец хочет быть христианином» [Аничков 1915, с. 303], пишет известный дореволюционный исследователь язычества Е.В. Аничков, и нельзя с ним не согласиться.

Вторая берестяная грамота-оберег № 674 (сер. 50-х гг. XII в. — нач. 1210-х гг.) представляет из себя небольшой отрывок из 54-го псалма Давида, причем записанный справа налево, очевидно, для усиления магического эффекта: «...и ѡ гласа вражиѧ и ѿ сотуожьниѧ грѣшьницѧ» (в русском переводе — «внемли мне и услышь меня; я стенаю в горести моей и смущаюсь от голоса врага, от притеснения нечестивого») [НГБ IX, с. 61–62]. То, что обычай записи заговоров и заклинаний справа налево ведет свое происхождение со времен античности, было известно еще дореволюционным авторам [Зелинский 1908, с. 191]. В данном случае мы видим яркий пример «двоеверия», т.е. слияния, объединения христианских и архаических языческих элементов, что сразу же было подмечено и исследователями берестяных грамот [Зализняк 2004, с. 463].

Переходим к последней, самой загадочной находке археологов, уже вызвавшей немало научных дискуссий. В 2020 г. была найдена целая берестяная грамота № 1131 (XIV в.). Это нестандартное обращение автора к адресату с упоминанием отчеств и первого и второго (поклон от Юрия Жидилова к Александру (по видимому, тоже Жидилову), и последующий, на первый взгляд бессвязный, т.н. глоссолалический набор символов [Берестяная грамота № 1131]. Подробный лингвистический анализ этой уникальной грамоты недавно дал А.А. Гиппиус, придя к выводу, что перед нами, по-видимому, результат не то детской забавы, имитации писем, подсмотренной маленьким Юрием у взрослых, не то нечто более сложное, возможно, какая-то языковая игра с не вполне ясными нам целями [Гиппиус 2021, с. 66–92].

А что, если предположить, что текст на этой берестяной грамоте, это отголосок древней архаической традиции, т.н. «писем к лешему» (они же «кабалы»). Практика написания подобных писем на северо-западе и севере европейской части России известна вплоть до нач. XX в. и довольно подробно описана учеными-этнографами. Одним из самых распространенных вариантов написания кабалы был бессвязный текст, имитирующий письмо, и писался он в большинстве случаев именно на бересте (лыке, дощечках) *справа налево* [Виноградов 1908, с. 75; Голева 2014, с. 82–83]. В частности, подобное предположение прозвучало на традиционном ежегодном семинаре А.А. Гиппиуса, подводящим итоги археологических изысканий 2020 г., но дальнейшего развития эта гипотеза не получила. И вопрос с расшифровкой грамоты № 1131 все еще окончательно не закрыт и ждет своего исследователя.

Грамоты с текстами заговоров от лихорадки (№ 715, 734, 930, 1022)

Следующие четыре берестяные грамоты были найдены в разное время и в разных стратиграфических слоях: грамота № 734 (40-е — нач. 60-х гг. XII в.) [НГБ X, с. 33], грамота № 1022 (60-е — сер. 90-х гг. XII в.) [НГБ XII, с. 119], грамота № 715 (вероятно, 1 пол. — сер. XIII в.) [НГБ X, с. 14–15] и грамота № 930 (рубеж XIV/XV вв. — 1-я пол. 1420-х гг.) [НГБ XII, с. 24–26]. Всех их объединяет то, что на них записаны тексты заговоров от лихорадки, т.н. «Сисиниевой легенды», некоторые варианты которых сохранились вплоть до начала прошлого века [Забылин, 1990, с. 353]. Обычно в них св. Сисиний и св. Сихаил противостоят 12 дочерям Ирода, трясовицам (олицетворениям «лихорадки»), заставляют открыть их свои имена и побеждают с помощью слова Божьего и четверых евангелистов: Иоанна, Луки, Марка и Матфея.

Любой заговор является проявлением древнего архаического наследия, он может включать в себя элементы как христианской, так и языческой молитвы, по структуре все больше приближаясь к последней [Гальковский 1916, с. 291; Брицкая 2016, с. 11]. В трех грамотах из четырех фигурирует имя известного по апокрифическим текстам ангела Сихаила. А.А. Гиппиус приходит к выводу, что «неканонический» Сихаил и «первый среди ангелов» архангел Михаил, культ которого был очень распространен именно в Новгороде, это один и тот же персонаж [Гиппиус 2005, с. 140].

Грамоты с упоминанием архаических ритуалов, обрядов, волхвов (№ 131, 317, 378, 389, 1063)

В берестяной грамоте № 131 (70-е — нач. 80-х гг. XIV в.) [НГБ III, с. 68–71] и берестяной грамоте № 389 (1300–1330-е гг.) [НГБ VI, с. 88–90], упоминаются т.н. «русалии». Русалии или «русальи недели» в Древней Руси были кульминационной точкой языческих празднеств [Рыбаков 1987, с. 676]. Ив Левин отмечает, что в первое время после принятия христианства Русалии были синонимом праздника Троицы-Семидесятницы, который отмечался примерно в то же время (на 50-й день после Пасхи) [Левин 2004, с. 55]. И в связи с этим, не очень понятно, в каком контексте авторы грамот употребляли слова «русалєѧхо» и «роусаль». Было ли это упоминанием языческих праздников, празднуемых на момент написания авторами своих посланий, либо просто обозначением календарного промежутка времени второй половины июня, нам неизвестно. Во всяком случае, даже, если предположить второй вариант, перед нами свидетельство того, что даже в нач. XIV в. в Новгороде при решении повседневных вопросов параллельно использовались как христианский, так и архаичный языческий календари.

Это ли не еще одно подтверждение для столь длительной «консервации» архаических обычаев в Новгородской земле?

Автор следующей грамоты № 317 (40–60-е гг. XIV в.) дает выход своему раздражению против язычников, названных «погаными» в форме наставления или увещевания [НГБ V, с. 151]. А.А. Зализняк предполагает, что предметом такого гневного осуждения может быть исполнение тех или иных языческих обрядов [Зализняк 2004, с. 558]. Впрочем, Л.В. Черепнин считает, что, возможно, речь идет о еретиках, отрицавших учение православной церкви [Черепнин 1969, с. 392]. Того же мнения придерживается Ив Левин, отмечая, что в Средневековье эпитеты, с помощью которых описывали язычество, колдовство, сатанизм, ереси, часто смешивались друг с другом [Левин 2004, с. 56].

Наконец, обратимся к двум грамотам, где прямо упоминаются служители языческих культов. Первая из них, это небольшая грамота № 378 (конец 60-х — 70-е гг. XIII в.), которая содержит всего четыре слова «серицѧ сава ведуно лазота» [НГБ VI, с. 77–78; НГБ XII, с. 233]. Сегодня мы уже практически можем быть уверены, что здесь записаны попарно христианское (скорее всего крестильное) и языческое имена, или прозвища, причем в данной коннотации прозвища достаточно обидные: Сава — серица (смола, нечто липкое), Лазота — колдун [Там же]. «Двойное» имянаречение также, как параллельное употребление календарей, о котором шла речь выше, это очередной пример длительного и вполне обыденного сосуществования христианской и архаической традиции в средневековом Новгороде.

И, наконец, грамота № 1063 (40–90-е гг. XII в., предпочтительно 60–90-е гг.), где впервые (в берестяных грамотах) встречается слово «волхв» [НГБ XII, с. 233]. Конечно, это может быть как прямым обозначением служителя языческого культа, так и просто прозвищем человека. Но что такое прозвище, как не «дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или какой-либо аналогии» [Подольская 1978, с. 115]? Следовательно, волхвы, вполне зримо присутствовали в повседневной жизни новгородцев XII в, а не просто были отголоском «былых времен», о чем свидетельствуют упоминания о них и в других источниках, рассматриваемых нами ранее [Киселев 2021, с. 169].

Грамоты с упоминанием архаических правовых норм, восходящих к обычному праву (№ 238, 705)

К последней группе относятся берестяные грамоты, в текстах которых упоминаются архаические правовые нормы, восходящие к обычному праву. Так, в грамоте № 238 (конец XI — сер. 10-х гг. XII в.) идет речь о т.н. «Бо-

жьем суде» в виде испытания водой [НГБ V, с. 60]. Отметим, что изначально А.В. Арциховский предположил, что слова «могоу сѧ съ тобою ѧти на водоу» в тексте грамоты могут означать намерение совершить речную поездку [Там же]. Но спустя некоторое время В.Л. Янин и А.А. Зализняк внесли коррективы в это предположение, уточнив, что в данном случае речь идет именно о процедуре вызова истцом ответчика на «Божий суд» [НГБ VIII, с.196–197; Зализняк 2004, с. 259]. Такой способ доказательства вины (или невиновности) восходит к архаическому праву раннего Средневековья, и нашел свое отражение во многих варварских правдах, в том числе и в Русской правде, в частности, в ст. 22 Пространной редакции (по Троицкому списку) [Памятники русского права 1952 с. 110, 147].

В грамоте № 705 (вероятно, первое 20-летие XIII в.: стратигр. 1 пол. XIII в.) новгородец Домажир просит своего зятя Якова в случае смерти его жены (т.е. сестры Домажира) отослать ему племянника, чтобы «утешиться» (сгладить горечь потери). А в случае отказа Якова, Домажир грозит «ѧ тѧ передамо свѧтее богородице ко нее же еси заходиле роте» [НГБ IX, с. 95–98]. Здесь идет речь о т.н. «роте», языческой клятве, приносимой перед лицом Бога или Богородицы (точно так же, как когда-то приносимой перед изваянием Перуна или Велеса), что строго преследовалось христианской церковью [Там же, с. 96; Зализняк 2004, с. 424].

Итак, после анализа содержания вышеупомянутых берестяных грамот мы можем прийти к следующему выводу: в Новгороде на протяжении XI–XIV вв. влияние новой христианской религии на повседневную жизнь горожан, безусловно, шло, но очень медленно. В волховской столице параллельно существовало два мира, тесно соприкасающихся друг с другом и в процессе этого взаимодействия перенимавших черты друг друга. Первый — это принятое на официальном государственном уровне христианство, которое выражалось в поддержке его властью, обширным строительством церквей и монастырей, активной христианизацией соседних финно-угорских народов, повсеместным изучением базовых основ христианства, начиная еще со школьного уровня и пропаганде христианского образа жизни. Второй — это архаические языческие культы, которые, конечно, во многом трансформировались, эволюционировали, но все же сохранялись в народной культуре, повседневной жизни новгородцев последующие 300–400 лет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Берестяная грамота № 1131. URL: http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/1131

Деяния Вселенских соборов: изданные в русском переводе при Казанской духовной академии: в 7 т. Т. 4. Казань, 1908.

Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X–XII вв. М., 1952.

Алпатов С.В. Берестяные грамоты в контексте фольклорной и литературной традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4 (18).

Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1915.

Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.) [**НГБ III**]. Т. 3. М., 1958.

Арциховский А.В. Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.) [**НГБ V**]. Т. 5. М., 1963.

Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.) [**НГБ VI**]. Т. 6. М., 1963.

Брицкая А.Л. Тексты языческих заговоров как источник по истории медицины в Древней Руси // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2016. № 1 (9).

Виноградов Н.Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. // Живая старина. 1908. Вып. 4.

Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. Харьков, 1916.

Гиппиус А.А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г. // Вопросы языкознания. 2021. № 5.

Гиппиус А.А. «Сисиниева легенда» в новгородской берестяной грамоте // Заговорный текст: Генезис и структура. М., 2005.

Голева Т.Г. «Прошения» лесному о возвращении пропавшего скота у коми-пермяков // Коми-пермяцкий этнографический сборник. СПб., 2014. Вып. 10.

Жуковская Л.П. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959.

Забылин М.М. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1990.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей. СПб., 1908.

Киселев Р.С. К вопросу о двоеверии в Новгородской земле XI–XIII вв. (по материалам летописных источников и памятникам канонического права) // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы VIII Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых. Ижевск, 24–25 ноября 2020 г. Ижевск, 2021.

Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России. М., 2004.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.

Силина В.Б. Новгородские берестяные грамоты как исторический и лингвистический источник // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3.

Сичинава Д.В. К интерпретации некоторых берестяных грамот // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2020. Вып. 23.

Солодухин Д.В. Смешение христианских и языческих начал как фактор секуляризации (на материалах быта новгородцев XI–XII вв.) // Новгородика — 2018. Повседневная жизнь новгородцев: история и современность. Материалы VI Международной научной конференции: в 2 т. Т. 2. В. Новгород, 2018.

Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.) [**НГБ VIII**]. Т. 8. М., 1986.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.) [**НГБ IX**]. Т. 9. М., 1993.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.) [**НГБ X**]. Т. 10. М., 2000.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.) [**НГБ XI**]. Т. 11. М., 2004.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.) [**НГБ XII**]. Т. 12. М., 2015.

Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М., 1998.

R.S. Kiselev
Saint Petersburg (Russia)
Saint Petersburg State University

ARCHAIC ELEMENTS IN THE EVERYDAY LIFE OF NOVGORODIANS (BASED ON THE MATERIALS OF BIRCH BARK MANUSCRIPTS AND INSCRIPTIONS OF THE 11th–14th CENTURIES)

The article deals with the archaic elements in the everyday life of a resident of medieval Novgorod, which are contained in a unique corpus of historical documents — the birch-bark manuscripts of Novgorod. Analyzing the corpus of sources as a whole, the author identifies a number of documents which clearly show elements of archaic culture, pagan cults and customary law, dating back to the pre-Christian period of the history of the land of Novgorod.

Keywords: Novgorod land, Novgorod, birch-bark manuscripts, paganism, archaic traditions, dual faith, amulets, conspiracies, magicians, everyday life.

А.В. Ушаков
г. Великий Новгород (Россия)
НИЦ Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого
А.С. Цветкова
г. Великий Новгород (Россия)
Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого

К ПРОБЛЕМЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ГАНЗЕЙСКИХ КОНТОР ЛОНДОНА И БРЮГГЕ В СЕРЕДИНЕ XV в.*

В данной статье представлен анализ ганзейской документации, позволяющей определить специфику взаимоотношений ганзейских контор Лондона и Брюгге в условиях кризисной ситуации, имевшей место в 1461 г. и связанной с проблемой сохранения ганзейских торговых привилегий в Англии. Путем синтеза отдельных фрагментов купеческой переписки в единый исторический контекст, авторы предприняли попытку определить особенности функционирования ганзейской торговли на Западе Балтики, степень вовлеченность вендских и прусских городов Ганзы в англо-ганзейский товарообмен, а также влияние фламандской конторы на его организацию. Выводы, представленные в исследовании, дополняют имеющиеся исторические знания по затрагиваемой проблематике и могут быть использованы при дальнейшем ее изучении.

Ключевые слова: Ганзейский союз, Стальной двор, ганзейские конторы, ганзейская торговля, Лондон, Брюгге, Фландрия, Пруссия.

В сер. XV в. Ганзейский союз пребывал на вершине своего торгового могущества [Daenell 1906], однако именно к этому времени относится начало коренной перестройки механизмов ганзейской торговли [Jahnke 2014]. В рассматриваемый период Ганза не имела жесткой внутренней структуры: противоречия отдельных ганзейских зон проявлялись наиболее остро [Puhle 2006, s. 198], а Любек, формально являвшийся главой торгового союза, не обладал всей полнотой распорядительных функций [Jahnke 2017, p. 232]. Отдельное место в Ганзейском союзе занимали 4 купеческие конторы, организованные для защиты интересов купцов при торговле на чужбине

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-18-00183.

[Schubert 2000, Burkhardt 2015]. 2 из них — фламандская и лондонская — с давних пор были коммерчески связаны на основе суконной торговли [Vandewalle 2001, p. 199]. При этом сложившаяся к сер. XV в. специфичная система взаимоотношений контор Лондона и Брюгге в рамках функционирования ганзейской торговли на Западе представляется особенно интересной темой для исследования.

Изучение ганзейской торговли в Лондоне имеет давнюю историю [Schulz 1911], однако наиболее важные исследования, касающиеся данной проблематики, относятся ко 2-й пол. XX в. В этой связи стоит выделить монографии Т. Ллойда [Lloyd 1991] и С. Йенкса [Jenks 1992], в которых детально рассмотрены особенности англо-ганзейской торговли. Специфике функционирования ганзейской конторы в Лондоне посвящена фундаментальная работа Н. Йорна, отразившая наиболее актуальный взгляд на особенности коммерческих отношений англичан и ганзейцев [Jorn 2000]. В тоже время, рассматриваемый в настоящей статье эпизод на сегодняшний день остается неизученным.

В процессе исследования был проанализирован ряд источников, представленный фрагментами купеческой переписки, опубликованный в многотомных собраниях ганзейских актов (Hansisches Urkundenbuch, HUB) [HUB. Bd. 8], а также в изданиях протоколов и сопутствующих документов ганзейских съездов (Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage, HR) [HR 2. Bd. 5]. Кроме того, к исследованию были привлечены неопубликованные источники, хранящиеся в архиве ганзейского города Любека (Archiv der Hansestadt Lübeck, AHL). Указанные документы являются деловой перепиской купцов, в связи с чем отличаются объективностью и информативностью.

К сер. XV в. ганзейская контора в Лондоне (Стальной двор, Stalhof) функционировала на основании привилегий, дарованных ганзейским купцам английским королем Генрихом VI (1422–1461) в 1437 г. Сохранение торговых привилегий являлось первостепенной заботой ганзейцев, так как англичане испокон веков требовали для себя равных условий торговли в ганзейских городах и раз за разом стремились к отмене свобод Стального двора [Jorn 2000, s. 17]. В 1461 г., во время войны Алой и Белой розы (1455–1485), вопрос сохранения купеческих привилегий встал наиболее остро, так как действующий английский король Генрих VI был низложен и на его место взошел Эдуард IV (1461–1470). Ситуация складывалась не в пользу нового короля: для продолжения войны требовались соответствующие средства, которые можно было получить с ганзейцев, однако поддерживаемые парламентом английские купцы требовали от короля добиться для них беспошлинной торговли в ганзейских городах. В этой связи Эдуард IV распорядился лишить Стальной двор торговых привилегий 2 февраля 1462 г., до того времени сохранив их действие [HR 2. Bd. 5. № 117].

Купцы лондонской конторы незамедлительно обратились к городскому совету Любека, как к главе Ганзейского союза, с просьбой поспособствовать сохранению торговых привилегий в Лондоне. В письме от 22 мая 1461 г. купцы просили любечан созвать представителей ганзейских городов на собрание (ганзетаг), чтобы те обдумали письмо Эдуарду IV [Ibid]. На ганзетаге в Любеке 15 июня 1461 г. было принято решение ответить купцам Стального двора, но о подготовке послания английскому королю сведений нет [HR 2. Bd. 5. № 121. § 11]. Любечане не стремились к помощи английскому подворью. Действия англичан рассматривались в Любеке как очередная попытка давления на ганзейские, в основном, прусские города [Jenks 1992, s. 683]. Имеет место быть также предположение Ф. Шульца, согласно которому любекские ратманы сомневались, что Эдуард IV задержится на английском троне, в связи с чем не торопились укреплять с ним отношения [Schulz 1911, s. 102].

Так или иначе 16 июля 1461 г. купцы Стального двора написали олдерменам ганзейской конторы в Брюгге и попросили тех поспособствовать созыву ганзетага, а также довести до сведения магистрата Любека тяжелое положение купцов в Лондоне [HR 2. Bd. 5. № 147]. Письмо фламандской конторы к городскому совету Любека было направлено 25 июля. Из его содержания стоит выделить указание олдерменов отправить копию послания в Данциг, так как прусские купцы вели активную торговлю на лондонском подворье, а отмена ганзейских привилегий в Лондоне сулила кризис англо-прусского товарообмена [AHL, fol. 1]. В связи с тем, что Польша была тесно экономически связана с прусскими городами, 12 сентября король Казимир IV написал Эдуарду IV с настоятельной просьбой сохранить права Стального двора ради давних и добрых отношений двух королевств [HR 2. Bd. 5. № 166]. Таким образом, благодаря вмешательству фламандской конторы ситуация вокруг сохранения торговых привилегий Стального двора сдвинулась с мертвой точки.

Данная проблема активно обсуждалась на ганзетаге в Везеле 10 сентября 1461 г. Одним из итогов собрания являлось решение представителей ганзейских городов обратиться к английскому королю с официальным посланием [HR 2. Bd. 5. № 161. § 7]. Но первоначально любекские ратманы отправили письма к советам Кельна и Гамбурга — городов, чьи бюргеры вели активную предпринимательскую деятельность в Лондоне [HR 2. Bd. 5. № 169–170]. Несмотря на это, положение ганзейских купцов в Лондоне оставалось шатким, и 23 октября они снова написали олдерменам фламандской конторы, указав на то, что проблему сохранения привилегий следует решить до начала заседаний английского парламента [HR 2. Bd. 5. № 171]. И здесь можно наблюдать повторение описанного выше механизма: купцы подворья в Брюгге переслали письмо купцов Стального двора в Любек и попросили отправить копию в Данциг [HR 2. Bd. 5. № 172].

Таким образом, есть все основания предполагать, что взаимоотношения ганзейских контор Лондона и Брюгге были основаны не только на коммерческих связях двух регионов. Криз англо-ганзейских отношений развивался и после событий, изложенных выше. Эдуарду IV писали и кельнские ратманы [HR 2. Bd. 5. № 175], и император Фридрих III (1440–1493) [HUB. Bd. 8. № 1079], и дальнейшее описание рассматриваемых событий выходит далеко за рамки настоящего исследования. Фламандская контора в сер. XV в. активно отстаивала интересы Стального двора и являлась своеобразным посредником между ганзейским торговым представительством в Лондоне и городами Ганзы. Купцы лондонского подворья старались донести информацию о трудностях, связанных с сохранением торговых привилегий ганзейцев в Лондоне, именно через олдерменов фламандской конторы. Последующее изучение данной проблематики позволит яснее обозначить мотивы и основания для подобного тесного и не всегда паритетного сотрудничества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Archiv der Hansestadt Lübeck. Altes Senat-Archiv. Externa Anglicana (01.1–03.02) **[AHL]**. № 768. Fol. 1.

Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Ab. 2 **[HR 2]**. Bd. 5. Leipzig, 1888.

Hansisches Urkundenbuch **[HUB]**. Bd. 8. Leipzig, 1899.

Burkhardt M. Kontors and Outpost // A Companion to the Hanseatic League. Leiden; Boston, 2015.

Daenell E. Die Blütezeit der deutschen Hanse. Hansische Geschichte von der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts bis zum letzten Viertel des 15. Jahrhunderts. Bd. 2. Berlin, 1906.

Jahnke C. Lübeck and the Hanse: a queen without body // The Routledge handbook of maritime trade around Europe. 1300–1600. Cornwall, 2017.

Jahnke C. Moderne Netzwerkforschung in der regionalen Hansegeschichte: Möglichkeiten, Gefahren und Perspektiven // Hansegeschichte als Regionalgeschichte. Frankfurt, 2014.

Jenks S. England, die Hanse und Preußen. Handel und Diplomatie. 1377–1474. Köln; Wien, 1992.

Jorn N. “With Money and Bloode”. Der Londoner Stalhof im Spannungsfeld der englisch-hansischen Beziehungen im 15. und 16. Jahrhundert // Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte. Bd. 50. Köln; Weimar; Wien, 2000.

Lloyd T.H. England and the German Hanse, 1157–1611. Cambridge, 1991.

Puhle M. Organisationsmerkmale der Hanse // Die Hans. Lebenswirklichkeit und Mythos. Lübeck, 2006.

Schubert E. Novgorod, Brügge, Bergen und London: Die Kontore der Hanse // Concilium medii aevi. 2002. Bd. 5.

Schulz F. Die Hanse und England. Von Eduards III. bis auf Heinrichs VIII. Zeit. Berlin, 1911.

Vandewalle A. The Bruges Hansa Office, Keystone for a Cosmopolitan City // Hansa yesterday — Hansa tomorrow. Riga, 2001.

A.V. Ushakov
Veliky Novgorod (Russia)
SRC of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
A.S. Tsvetkova
Veliky Novgorod (Russia)
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

THE ISSUE OF COOPERATION OF HANSEATIC TRADING POSTS (KONTOR) IN LONDON AND BRUGES IN THE MIDDLE OF THE 15th CENTURY

This article presents an analysis of the Hanseatic documents, which allows us to define the relationship specifics between the Hanseatic trade posts (kontor) of London and Bruges in crisis situation in 1461 and connected with protection of Hanseatic trade privileges in England. By merging of separate fragments of merchant correspondence into a single historical context, the authors made an effort to define the function specifics of the Hanseatic trade in the Western Baltic, the involvement stage of the Vendian and Prussian Hanseatic cities into the Hanseatic-English exchange of merchandise, as well as the influence of the Flemish trade post on its organization. The conclusions represented in this study enlarge the existing historical knowledge on issues in question and can be used in its further study.

Keywords: Hanseatic League, Steelyard, Hanseatic trading posts (kontor), Hanseatic trade, London, Bruges, Flanders, Prussia.

А.С. Шулятьева
г. Ижевск (Россия)
Гос. архив общественно-политической истории

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА КРЕСТЬЯН РОССИИ В XVII в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОРЯДНЫХ, ССУДНЫХ И ПОРУЧНЫХ ЗАПИСЕЙ ЗАМОСКОВНОГО КРАЯ)

В статье анализируются обязательства русских крестьян XVII в., характеризующие их правовое положение в обществе. Источниковой базой послужили опубликованные порядные, ссудные и поручные записи Замосковного края. Методологическую основу исследования составили структурный и сравнительный методы. На основе исследуемых записей автор выделил группы обязательств, в зависимости от сословной принадлежности лиц, выступавших на стороне крестьян, причин, побудивших крестьян вступить в договорные отношения, предмета договора. Отмечено, что в исследуемых актах зачастую не устанавливался срок прекращения обязательств. Преобладающей мерой ответственности за нарушение договоренности являлась выплата денежных средств. Произведено сопоставление условий записей с нормами действовавшего законодательства.

Ключевые слова: крестьянство, порядные записи, ссудные записи, поручные записи, Замосковный край, XVII в.

С «бунташным» XVII в. российской истории связано начало оформления сословной структуры общества. Издаются многочисленные законодательные акты (прежде всего Соборное Уложение 1649 г.), которые, наряду с иными задачами, устанавливают сословные перегородки, определяют права и обязанности российских подданных.

Инициатива по фиксации обязанностей исходила не только от правительства Московской Руси, но и от других членов русского общества. Одним из свидетельств тому служат многочисленные частные акты служилых людей, священнослужителей, посадских людей и др.

В этой связи интерес представляют частные акты, в основе которых изложены взаимоотношения крестьян и землевладельцев. Посредством этих исторических источников представляется возможным установить обязательства, которые крестьяне или люди, переходившие в крестьянское

сословие, самостоятельно на себя возлагали. Рамки данного исследования очерчиваются анализом актов, созданных на территории Замосковного края [Готье 1937, с. 84–88] в виде таких частных актов как порядные, ссудные и поручные записи.

Многочисленные обязательства крестьян в исследуемых исторических источниках следует разделить на следующие группы. В зависимости от того, кто заключал договор с землевладельцем в интересах крестьян, выделяются:

— акты самих крестьян с землевладельцами (как правило, о предоставлении первым ссуды);

— акты вольных государевых людей о переходе в крестьянское сословие;

— акты священнослужителей, посадских людей и представителей других сословий, поручавшихся за крестьян.

Исходя из содержания частных актов, совокупность обязательств можно разделить по причинам, побудившим стороны к заключению договора. Со стороны землевладельцев наблюдается стремление:

— зафиксировать прикрепление крестьянина к своему землевладению, с вытекающими из этого обязательствами для крестьян;

— предотвратить побег крестьянина, обеспечить его прибытие к землевладельцу благодаря поручителям [Акты... 1895. Вып. 1, с. 3–4, 58; Акты юридические… 1838, с. 296–297, Владимирский сборник… 1857, с. 160–161];

— создать документ, подтверждающий предоставление ссудных средств [Акты… 1895. Вып. 1, с. 49–50, 58–59, 62–63, 66–67, 72–73, 75; Белевская вивлиофика… 1858. Т. 2. Прилож. II; Акты юридического быта 1857. Т. 1, стб. 602–603; Акты юридического быта 1884. Т. 3, стб. 426–428; Санкт-Петербургский зритель 1828. Ч. 1. Кн. 1, с. 44–45; Описание… 1851, с. 405–406; Воронежские губернские ведомости … 1863, с. 278; Чтения… 1847, с. 23];

— оформить переход вольных государевых людей в крестьянское сословие [Акты… 1895. Вып. 1, с. 70–71];

— урегулировать порядок распоряжения имуществом при заключении брака крестьян [Акты… 1895. Вып. 1, с. 19–20];

— обрести гарантию от убытков на случай, когда есть риск повторного совершения крестьянином преступления [Акты юридические… 1838, с. 297–298].

Крестьян (и вольных государевых людей, переходивших в положение тяглецов) к заключению исследуемых актов побуждали следующие обстоятельства:

— трудное материальное положение, вынуждавшее взять ссуду [Акты… 1895. Вып. 1, с. 49–50, 58–59, 62–63, 66–67, 72–73, 75; Белевская вивлиофика… 1858. Т. 2. Прилож. II; Акты юридического быта 1857. Т. 1, стб. 602–603; Акты юридического быта 1884. Т. 3, стб. 426–428; Санкт-Петербургский

зритель. 1828. Ч. 1. Кн. 1, с. 44–45; Описание… 1851, с. 405–406; Воронежские губернские ведомости… 1863, с. 278; Чтения… 1847, с. 23];

— возможность обработки земельных участков в своих интересах [Акты… 1895. Вып. 1, с. 58];

— перспектива получения постоянного источника дохода [Акты… 1895. Вып. 1, с. 70–71];

— хлебный голод [Акты юридического быта 1884. Т. 3, стб. 426];

— оседание на территории Московского государства [Акты… 1895. Вып. 1, с. 75–76].

Исторические источники, к сожалению, не дают ответа на вопрос о причинах, побуждавших лиц различных сословий (в т.ч. крестьян) выступать в качестве поручителей в исследуемых обязательствах.

По содержанию обязательства наиболее часто подразделяются на договоренности о:

— проживании крестьянина в определенном месте;

— недопустимости смены землевладельца (в формах «не выйти, не заложиться, не сбежать»);

— недопустимости причинения дополнительных неудобств землевладельцу («убытков не чинить», «жить тихо и смирно») и личном послушании («работать без ослушания»);

— соблюдении норм законодательства в области правопорядка (корчм не содержать, воровством не заниматься, «ножем не дерзати»);

— полной уплате государевых повинностей;

— полной уплате податей землевладельцу;

— производстве работ в пользу землевладельца:

- сельскохозяйственных работ (пашню пахать, поле огораживать, пожни чистить);
- строительных работ («двор строить», хоромы старые ремонтировать);
- иных видов работ («всякое изделье делать»);

— выплате ссуды своему землевладельцу и недопустимости вступления в заемные обязательства с другими лицами.

Следует отметить, что исследованные частные акты в отношении содержания обязательств носят комплексных характер. В каждом договоре указываются, как минимум, три [Акты… 1895. Вып. 1, с. 62–63] из представленных выше обязательств.

Как правило, в частные акты включались положения об ответственности крестьян за ненадлежащее исполнение ими обязательств. Для поручителей ответственность заключалась в выплате пени и исполнении повинностей в пользу государя и землевладельца (вплоть до «выдачи головой») [Акты… 1895. Вып. 1, с. 3–4]. Когда крестьянин нарушал условия ссудной записи, то он был обязан возвратить землевладельцу всю сумму ссуды

(иногда в двукратном размере [Белевская вивлиофика… 1858. Т. 2. Прилож. II]). В случаях составления порядной записи крестьянину за нарушение обязательств следовало выплатить некоторую сумму причиненных землевладельцу «убытков» [Акты… 1895. Вып. 1, с. 58] (в источниках иногда встречается сумма в размере 3 руб.).

Обязательства крестьян зачастую носят неопределенный по сроку характер, между тем встречаются ограничения в виде 10 лет [Акты… 1895. Вып. 1, с. 58] или соблюдения государевых выходных лет [Акты… 1895. Вып. 1, с. 24–25]. Часто отмечается, что даже при нарушении обязательств крестьянином (будь то отказ от выплаты ссуды, бегство с землевладения и др.), его социальный статус и закрепление за конкретным землевладением остаются неизменными («а крестьянство в крестьянство»).

Рассмотрев всю совокупность крестьянских обязательств в целом, остановимся на особенностях отдельных договоренностей крестьян и землевладельцев.

В обязательствах крестьян о предоставлении денежных средств размер ссуды всегда четко указывался в записях. В подавляющем большинстве случаев (16 из 18) ссуда составляла 10 руб. В отдельных случаях она равнялась 15 и даже 50 руб. Распространенной была практика указания на целевое назначение ссудных средств (покупка крупного и мелкого скота, семян, предметов быта). Иногда же составители записей ограничивались простым упоминанием того, что деньги предоставлялись для «всякого крестьянского завода». Тем не менее стороны предпочитали не включать в содержание договора условие об ответственности за нецелевое использование средств. Лишь единожды крестьянин брал на себя обязательство потратить деньги именно на «крестьянский завод» и, в случае нарушения данного условия, выплатить ссуду сполна [Акты юридического быта 1857. Т. 1, стб. 602–603].

В отдельных ссудных записях встречаются положения, которые представляют собой отказ крестьян от своих же прав на грани нарушения законодательства. Ярким примером тому служит ссудная запись от 3 ноября 1679 г. вольного человека Киприяна Владимировича с семьей Федоровскому монастырю Тверского уезда. Получив сравнительно большую ссуду (размер ссуды — 50 руб.), порядившиеся крестьяне обязались не оспаривать законность данной записи («сей записи ничем не спорить, и великому государю не бить челом») [Акты… 1895. Вып. 1, с. 62]. Иными словами, крестьянин отказывался от защиты своих прав в суде или посредством челобития, предусмотренной ст. 1 и 20 гл. X Соборного Уложения [Соборное Уложение… 1987, с. 31, 33].

В этой связи также представляет интерес санкция, предусмотренная ссудной записью от 15 декабря 1691 г. крестьянина Ивана Кондратьевича Большакова и стольника Тверского уезда Ивана Григорьевича Неронова.

Стольнику, согласно ссудной записи, дозволялось крестьянина «продать и заложить, и самому владеть» [Акты юридического быта 1857. Т. 1, стб. 602–603] тяглецом. Таким образом, крестьянин отрекался от своей сословной принадлежности, допускал переход в холопство. Однако в ст. 113 гл. XX Соборного Уложения установлено, что «ни кому на крестьян своих … кабал имать не велено» [Соборное Уложение… 1987, с. 116], а значит и продажа и другие сделки, объектом которых является личность крестьянина, недопустимы.

Вышеизложенное позволяет прийти к следующим заключениям. Правовое положение крестьянства на практике нередко конкретизировалось составлением частных актов, таких как поручные, ссудные и порядные записи. Основной причиной, побуждавшей крестьян возлагать на себя обязательства, являлось неудовлетворительное материальное положение. Сами обязательства касались вопросов выполнения повинностей в пользу землевладельцев и государя, а также закрепления крестьян за землевладением конкретного землевладельца. Ответственность при неисполнении обязательств выражалась в большинстве случаев денежной компенсацией. Обязательства зачастую носили бессрочный характер. При ведущей роли землевладельцев в составлении исследуемых актов (их грамотности, почти полном отсутствии обязательств с их стороны) наблюдается включение в записи условий, противоречащих действовавшему законодательству.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.

Акты, относящиеся до *юридического быта* Древней России. Т. 1. СПб., 1857.

Акты, относящиеся до *юридического быта* Древней России. Т. 3. СПб., 1884.

Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. 1. Крестьянския порядные. Юрьев, 1895.

Белевская вивлиофика, издаваемая Николаем Елагиным: собрание древних памятников об истории Белева и Белевского уезда. Т. 2. М., 1858.

Владимирский сборник: материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М., 1857.

Воронежские губернские ведомости. № 33. Часть неофициальная. Воронеж, 1863.

Описание города Шуи и его окрестностей, с приложением старинных актов. М., 1851.

Санкт-Петербургский зритель. Ч. 1. Кн. 1. За январь и февраль. СПб., 1828.

Соборное Уложение 1649 г. Текст. Комментарии. Л., 1987.

Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Заседание 28-го декабря 1846 года. № 5. М., 1847.

Готье Ю.В. Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937.

Дьяконов М.А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI–XVII вв.). СПб., 1898.

A.S. Shulyatyeva
Izhevsk (Russia)
State archive of socio-political history

LIABILITIES OF THE RUSSIAN PEASANTS IN THE 17th CENTURY (ACCORDING TO THE MATHERIALS OF THE "PORYADNYYE ZAPISI" [CONTRACTS], "SSUDNYYE ZAPISI" [LOANED PEASANT CONTRACTS] AND "PORUCHNYYE ZAPISI" [CONTRACTS OF SURETYSHIP] IN THE ZAMOSKOVNYJ REGION)

The article is devoted to the analysis of the obligations peasants as one of the aspects of the social status of the peasantry. The methodological basis for the study of published "poryadnyye zapisi" (contracts), "ssudnyye zapisi" (loaned peasant contracts) and "poruchnyye zapisi" (contracts of suretyship) of the Zamoskovnyj region is made up of structural and comparative methods. Based on them, the author singled out groups of obligations depending on the parties to the contracts, the reasons that prompted the peasants to enter into contractual relations, the subject of the contract. It was noted that the obligations were predominantly of an unlimited nature and such measures of liability for breach of agreement as the payment of funds prevailed. Comparison of conditions of records with norms of the current legislation is made.

Keywords: peasantry, "poryadnyye zapisi" (contracts), "ssudnyye zapisi" (loaned peasant contracts), "poruchnyye zapisi" (contracts of suretyship), the Zamoskovnyj region, 17th century.

Д.Л. Выслоужилова
г. Брно (Чехия)
Ун-т им. Масарика

ПАРАДОКС ЧЕХОВ-ПАНСЛАВИСТОВ: НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ПРОЕКТ ТРУДА ПО ИСТОРИИ РОССИИ К. ГАВЛИЧЕКА-БОРОВСКОГО

В сер. XIX в. значительная часть чешской интеллигенции поддерживала идеи панславизма, которые проявлялись в том числе в идеализации древней истории России, как примера сильного славянского государства. Образ России в глазах чешских народных будителей сильно отличался от реальности. Вернувшийся из «настоящей» России журналист и сатирик К. Гавличек-Боровский обнаружил — несмотря на общее прославянское и прорусское настроение — отсутствующие труды об истории России на чешском языке. Несмотря на тот факт, что после поездки Гавличек превратился в жесткого критика русской политики, в течение нескольких лет (во время пребывания в политической ссылке) он пытался создать труд о древней Руси и заполнить пустое место в чешской историографии. В реализации задуманной идеи Гавличеку помешало ухудшающееся здоровье и прогрессирующий туберкулез, сохранившаяся корреспонденция дает четкое представление о серьезности его стремления, предоставляет сведения о начальном этапе изучения истории России и также показывает, насколько ограниченным был тогда в Чехии доступ к русской научной литературе и источникам.

Ключевые слова: Карел Гавличек-Боровский, чешская историография, будители, панславизм, XIX в.

Несмотря на долгие отношения между Чешским государством и Россией, которые отразились в научных сферах многих дисциплин, начало исследований древней истории Руси представляет собой немного ироничный и малоизвестный исторический парадокс. В течение XIX в. чешское общество, включенное в полиэтничную Австро-Венгрию, испытывало бурный подъем интереса к самым различным идеям государственного управления и занималось поиском идеальной формы правления [Bělina, Pokorný 1997, p. 79]. Процесс национального возрождения чешского народа, начавшийся в конце XVIII в., выявил множество проблем, мешающих чехам реализо-

вать себя. Комплекс неполноценности, подпитываемый небольшой географической площадью рядом с соседней Германией, заставил представителей чешской интеллигенции искать способы, как включить чехов в политическую карту Европы. Первое поколение народных будителей, прежде всего Й. Юнгманн, А. Марек и Я. Коллар, поддерживали идеи панславизма. В центре их внимания находилась Россия, как самое крупное государство, населенное славянскими народами, и как недавний победитель над Наполеоном [Šťastný 1968, p. 87]. В глазах первых чешских будителей образ России казался не только позитивным и светлым, но абсолютно идеальным и безошибочным. Некритическое воспевание Российской империи, как прототипа государства, перекрыло своим энтузиазмом все проблемы русского политического строя. Мечтая о загадочной стране на востоке, чешские интеллигенты с редкими исключениями никогда в России не находились. Под влиянием Я. Коллара отправился в январе 1843 г. в Россию и К. Гавличек-Боровский. Когда он после восемнадцати месяцев вернулся в Прагу, осознал, что представления о совместном славянском государстве нереальны, и образ Руси в мыслях чешских интеллигентов более не должен отличаться от реальности [Havlíček Borovský 2018, p. 107]. Свои впечатления Гавличек-Боровский опубликовал в чешской газете в том же году, позже его воспоминания напечатали под общим названием «Образы из Руси».

Следующие годы Гавличек посвятил своей карьере журналиста и редактора газет [Drašner 2003, p. 308], принимал активное участие в революционных событиях 1848 г., за свои критические замечания против официальной власти был в конце 1851 г. отправлен в политическую ссылку. Опасаясь популярного Гавличека, император лично изменил место отбывания ссылки, Зальцбург сменился на отдаленный город Бриксен (ныне Брессаноне, Италия) в тогдашней провинции Южный Тироль [Mahler 1999, p. 30]. Оказавшись в полной изоляции в местах «где человек близко цивилизации как в забитом шалаше» [Quis 1903, p. 650], лишен возможности поддерживать своих партийных соратников и публиковать политические памфлеты, Гавличек искал возможности, как осмысленно и полезно проводить свободное время.

Какое «пригодное и увлекательное дело» [Ibid, p. 654] Гавличек придумал, раскрывает письмо Франтишеку Палацкому (чешскому историку и политическому деятелю) от 25 августа 1852 г. Отправитель сообщает, что одним из его намерений является «написать обобщающий труд по истории возникновения и дальнейшего расцвета Руси» [Ibid, p. 655]. Гавличек иронично замечает, что чехи, которые «громче остальных кричат о том, что они славянофилы» [Ibid, p. 656] не обладают ни одним научным трудом об истории России, что «как минимум невежливо и неприлично» [Ibid]. Понимая нехватку профессионального образования, Гавличек сообщал, что

не в его силах написать собственное сочинение на основе источников, но вполне возможно создать синтез на основе трудов Н.М. Карамзина. Чтобы осуществить этот план, Гавличек просил Палацкого прислать ему издание Карамзина и также любую историю России от немецкого автора, созданную на латинских источниках [Ibid], чтобы — прибегая к сравнению русского и немецкого текстов — создать объективную картину Руси, лишенную русофильных и русофобских взглядов. 18 октября того же года Палацкий ответил, что полностью одобряет намерение своего друга и советует ему не ограничиваться только одним томом, а создать сразу двух или трехтомное издание. Для выполнения этой задачи Палацкий прислал все доступные издания русских летописей и также «Повествование о России» Н.С. Арцыбашева. Отправить Карамзина Палацкий не смог, так как из-за смены политического курса ему запретили вход в библиотеку, но обещал приобрести его труд лично у купца, когда вернется в Прагу из Ниццы [Ibid, p. 661]. В ответе на это письмо от 26 октября Гавличек подробнее высказывается о своем плане, уточняя, что для создания непредвзятой истории надо к изложению событий на территории России добавить и замечания об истории стран, входящих в состав Российской империи, прежде всего Польши и Литвы [Ibid, p. 665–666]. Особое место выделил истории казачества, свобода и гордость которых привлекла Гавличека уже в период его пребывания в России. В том же письме автор признает, что ему уже сейчас стыдно за качество будущего труда, но необходимость создания книги о русской истории для него важнее, чем недостатки ее содержания [Ibid, p. 667–668].

11 марта 1853 г. Палацкий в очередном письме интересуется, какого прогресса Гавличек добился в своем стремлении написать труд по истории России и получил ли сочинения Карамзина, которые Палацкий после года стараний смог наконец-то приобрести [Ibid, p. 673]. В ответном письме Гавличек сообщил, что писать он до сих пор не начал, а занимается переписыванием ключевых событий на основе Карамзина и Арцыбашева. Также посетовал на недостаточный темп своей работы ввиду того, что почти весь древнейший период русской истории представляет собой княжеские междоусобицы, и источники не приносят никаких известий о жизни простого народа [Ibid, p. 677]. Письмо содержит также неодобрительные замечания к деятельности русских историков, Гавличек считает, что «ни Карамзин, ни Арцыбашев не приступали к летописям критически: научно и подробно рассматривают значение использованных слов, но не задумываются о степени их достоверности» [Ibid, p. 677–678]. Чтобы разъяснить картину мотива призвания варягов, автор попросил Палацкого прислать дополнительные публикации шведского историка Э.Г. Гейера [Ibid, p. 678]. Расплетая сложные соотношения русских летописей, Гавличек очередной

раз столкнулся с проблемой отсутствующего образования и рассказал Палацкому, что когда истечет срок его ссылки, он намерен стать его учеником [Ibid, p. 680].

Последнее письмо, в котором затрагивается вопрос создания труда по истории России, Гавличек отправил из Бриксена в августе 1853 г. В нем он извиняется перед Палацким, что летом ему не удалось начать составлять труд по русской истории, но серьезно намерен заняться этим осенью [Ibid, p. 686]. К осуществлению своей мечты Гавличек уже не вернулся. В 1854 г. у его жены Юлии обнаружили туберкулез, в связи с чем она вместе с дочерью Зденкой уехала обратно в Прагу [Ravik 1991, p. 137]. Спустя короткое время после их отъезда стало понятно, что заразилась не только Юлия Гавличекова, но также ее муж и дочь [Morava 1981, p. 184]. В мае 1855 г. Гавличек подписал договор, что отказывается от любой политической деятельности и публичных выступлений против власти, после чего ему было разрешено вернуться в Чехию. По пути в Прагу его достигли известия о смерти жены [Stolzing 1921, p. 14]. В течение следующих месяцев состояние Гавличека стремительно ухудшалось, развивающееся заболевание не давало никакой возможности продолжать труд над историей России. Жизнь К. Гавличека-Боровского закончилась в июле 1856 г. в возрасте 34 лет [Stanislav 1954, p. 409].

Запланированный проект истории России К. Гавличек-Боровский не воплотил в реальность, имеющаяся его корреспонденция передает довольно печальную картину о чешских библиотеках того времени. Доступ к русским источникам и научной литературе был весьма ограничен, в национальной библиотеке в Праге из русских историков XIX в. имелись лишь сочинения Н.М. Карамзина, Н.С. Арцыбашева и М.П. Погодина (сочинения Погодина Гавличек не просил прислать в Бриксен, т. к. был лично знаком с Погодиным со времен проживания в Москве). Данные труды были все написаны на русском языке, первые чешские переводы появились спустя много лет после смерти Гавличека (самые ранние переводы относятся к нач. XX в.). Отсутствие источниковой и литературной базы сказывалось на почти незаметном интересе чешских историков к древней Руси. Первую попытку синтеза начальной фазы русской истории опубликовал только в 1889 г. Й.Л. Пич. Критические замечания Гавличека по поводу недостатка объективных исследований по истории России не теряют актуальность и в нач. XXI в., чешская историография до сих пор сталкивается с огромными пробелами в изучении русской истории, не обладает переводами работ современных русских ученых и располагает переводом всего двух летописей. Парадокс о чехах, занимающих крайние позиции в отношении к России, но зачастую не знающих ее истории, верно подмеченный Гавличеком-Боровским, таким образом продолжает резонировать в чешской научной сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Quis L. Korrespondence Karla Havlíčka. Spořádal, úvody a poznámky opatřil Ladislav Quis. Praha, 1903.

Bělina P., Pokorný J. Dějiny zemí Koruny české. Praha; Litomyšl, 1997.

Drašner F. Karel Havlíček Borovský na Vysočině. Havlíčkův Brod, 2003.

Havlíček Borovský K. Obrazy z Rus. Brno, 2008.

Mahler Z. Kdo svůj národ miluje, nešetří ho: esej o Karlu Havlíčkovi Borovském. Praha, 1999.

Morava J. Exilová léta Karla Havlíčka Borovského. Zürich, 1981.

Ravik S. Karel Havlíček Borovský: Portrét bojovníka. Praha, 1991.

Stanislav B. Karel Havlíček Borovský. Praha, 1954.

Stolzing J. Karel Havlíček Borovský: politický buditel a učitel našeho národa. Praha, 1921.

Šťastný V. Slovanství v národním životě Čechů a Slováků. Praha, 1968.

D.l. Vysloužilová
Brno (Czech Republic)
Masaryk University

PARADOX OF THE CZECH PAN-SLAVISTS:
AN UNFINISHED WORK ABOUT THE HISTORY OF RUSSIA
BY K. HAVLÍČEK BOROVSKÝ

In the middle of the 19th century, a significant part of the Czech intellectuals supported the ideas of Pan-Slavism, which were manifested, among others, by the idealization of the ancient history of Russia as an example of a strong Slavic state. The portrait of Russia in the eyes of members of the Czech National Revival was significantly different from reality. The journalist and satirist Karel Havlíček Borovský, who returned from "real" Russia, discovered that despite the general pro-Slavic and pro-Russian moods, there are no works on the history of Russia in the Czech language. Despite the fact that after his voyage Havlíček turned into a harsh critic of Russian politics, he tried for several years during his forced exile in Tyrol to create a synthesis about ancient Russia and fill the empty space in Czech historiography. Havlíček was prevented by deteriorating health and progressive tuberculosis to finish his planned publication, nevertheless, his preserved correspondence gives a clear idea of the seriousness of his aspirations, brings information about the initial stage of studying the history of Russia and also shows how limited access to Russian scientific literature and sources was in the Czech lands in those days.

Keywords: Karel Havlíček Borovský, Czech historiography, revivalists, Pan-Slavism, 19th century.

Е.С. Марфина
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ВОСПРИЯТИЕ ДОСТОЕВСКИМ ЕВРОПЫ И ЕВРОПЕЙЦЕВ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ДОКУМЕНТОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ А.Г. ДОСТОЕВСКОЙ)

В статье анализируется восприятие Ф.М. Достоевским Европы и ее жителей на основе воспоминаний А.Г. Достоевской. В 1867 г. они вместе посетили Европу, и прожили там 4 года. Их пребывание в Европе не могло не оставить личных впечатлений Достоевского об ее жителях. Автор делает выводы о том, что информация из дневника совпадает с эпистолярными источниками писателя, способствует полному пониманию восприятия Достоевским европейцев и Европы в целом.

Ключевые слова: взгляды Ф.М. Достоевского, Дневник А.Г. Достоевской, европейское искусство, европейцы и Европа.

Ф.М. Достоевский часто выезжал за границу, он посетил многие страны: Германию, Францию, Англию, Швейцарию, Италию и Австрию. Во время этих поездок у него сложилось определенное восприятие Европы и ее жителей. Достоевский не раз противопоставляет западную цивилизацию славянской, и чаще всего говорит о Европе в целом. Специальных исследований о восприятии Достоевским иностранцев в источниках личного происхождения близких ему людей не проводилось.

В своей самой длительной поездке в Европу (1867–1871), Достоевский находился вместе со своей второй супругой, Анной Григорьевной. Изначально воспоминания Анны представляли собой несколько записных книжек, заполненных стенографическим методом письма. Исследователи отмечают, что у нее был свой метод стенографии, который затрудняет расшифровку ее записок на сегодняшний день [Андрианова, Сосновская]. Она начала заниматься расшифровкой своих записей в 1910 г. с целью «обелить» имя мужа, потому что современники высказывались о нем как о болезненном и мрачном страдальце, искажали облик писателя противоречащими действительности фактами. Она старалась быть объективной при написании текста, перечитывала записные книжки мужа, подкрепляла свои воспоминания газетными

заметками и письмами [Белов, Туниманов 1981, с. 15]. Ее работа является ценным источником, который может многое рассказать не только об Анне, но и о Достоевском, который занимал центральное место в ее жизни.

Итак, 1867 г. Достоевские были вынуждены отправиться в Европу. Писатель отмечал в письмах А.Н. Майкову, что поездка заграницу ему жизненно необходима по двум причинам: спасать не только здоровье, но и жизнь; кредиторы ждать больше не могут [Достоевский 1996. № 118]. Достоевскому было тяжело покидать Россию, он боялся потерять вдохновение в Европе и вернуться к игре в рулетку.

По приезде в Берлин Достоевские в первую очередь отправились посетить несколько культурных мест города [Достоевская 1981, с. 156]. Позже они переехали в Дрезден. Этот город очень нравился писателю, потому что там находилась большая картинная галерея и красивые сады. Далее Анна приводит анекдот, произошедший с ними по пути в галерею, который ярко показывает «основательность и тяжеловесность немецкого ума» [Там же, с. 158]. Достоевские заблудились, и обратились за помощью к интеллигентному на вид господину, между ними произошел диалог:

« – Пожалуйста, милостивый государь, где находится картинная галерея?

– Картинная галерея?

– Да, картинная галерея

– Королевская картинная галерея?

– Да, Королевская картинная галерея

– Я не знаю».

Неизвестно, зачем этот немец так долго их расспрашивал, если все равно не знал, где находится нужное им место. Позже Анна описывает другой курьезный случай с немцем. Как-то на прогулке Достоевский сидел под деревом и пил пиво, туда упала веточка, на которой сидел огромный жук. Федор Михайлович был человеком брезгливым, и попросил пиво заменить. Позже он спросил немца, вылил ли тот содержимое стакана, немец, с улыбкой на лице, сообщил, что выпил его. Оба случая показывают, что Достоевский относился к немцам с юмором, считал их людьми практичными, предприимчивыми, возможно, немного медлительными в своих рассуждениях.

«Сикстинская мадонна» — картина, которую Достоевский признавал высочайшим произведением человеческого гения. Анна отмечает, что он мог часами смотреть на нее. Он ценил творчество Рафаэля, Тициана, Мурильо, Корреджо, Рембранта, Ван Дейка. Глядя на них, он испытывал высокое наслаждение, особое значение он придавал изображениям Христа [Там же, с. 160]. В Милане Достоевский любовался Венерой Медицейской, скульптора Клеомена и находил ее гениальным произведением. Достоевский, хотя и не разбирался в музыке, предпочтение отдавал Моцарту, Бетховену, Мендельсону-Бартольди, Россини. Но произведения Вагнера очень сильно не любил [Там же, с. 161].

Достоевский также особо ценил природу Европы. Он любил обедать у берегов Эльбы, гулять по парку Grossen Garten, потому что там были широкие луга на английский манер, и роскошная растительность. [Там же, с. 174]. Анна отмечает, что в немецких ресторанах Достоевский часто читал французские газеты. Кроме того, он любил французских писателей и следил за тем, чтобы Анна тоже читала произведения Бальзака и Жорж Санда. Сам Федор Михайлович читал роман Гюго «Униженные и оскорбленные», Вольтера и Дидро [Там же, с. 176]. Любовь Достоевского к Жорж Санда подтверждается некрологом в «Дневнике писателя», там он достаточно подробно анализирует стихи этой писательницы и дает им высокую художественную оценку.

После Дрездена они отправляются в Баден-Баден, где от игры в рулетку Анна Григорьевна Достоевского уберечь не смогла. Эти пять недель были очень тяжелыми для их семьи, Достоевский все время проигрывал, тянул деньги, закладывал их, влезал в долги. Хозяйка квартиры не смогла отнестись к ним с пониманием, «вздорная баба», видя их затрудненное положение, не стеснялась быть к ним небрежной и лишать их разных удобств за неуплату [Там же, с. 172].

Они отправились в Базель, чтобы посмотреть картину Ганса Гольбейна, на которой был изображен Иисус Христос после распятия на кресте. Картина произвела большое впечатление на Достоевского, он долго смотрел на нее, а потом, как показалось Анне, чуть не впал в приступ падучей. Этот случай так же показывает, насколько сильно он ценил европейское искусство, потому что был готов поехать в другой город только ради одной картины [Там же, с. 175].

Во время пребывания Достоевских в Женеве состоялся Конгресс мира, на открытие которого приезжал Джузеппе Гарибальди. Достоевский нашел его чрезвычайно симпатичным с доброй улыбкой. Он выразил желание посетить второе заседание Конгресса, где они слушали ораторские выступления. Заседание это произвело на него тягостное представление, речь ораторов он интерпретировал так: «для достижения мира на земле нужно истребить христианскую веру, государства поделить на маленькие, капиталы сделать общими». Эту идею он находил устаревшей, не имеющей какие-либо доказательства. Такие европейские настроения не располагали к себе Достоевского, позднее он начинает задумываться о переезде в Прагу, которая казалась ему оплотом славянства.

В Женеве произошло радостное для семьи Достоевских событие — Анна родила дочь. По законам Швейцарии о рождении ребенка нужно было обязательно заявить в полицию, чтобы оформить законное свидетельство. В качестве свидетелей выступили два сотрудника полиции, которые любезно согласились оказать Достоевскому помощь. После оба швейцарца

направились с писателем в ближайший ресторан, заказали там вино и рассказывали интересные истории, долго поздравляли Федора Михайловича с пополнением в семье. После этого случая у него могло бы сложиться впечатление о швейцарцах, как о людях дружелюбных и отзывчивых. Однако впоследствии положительное впечатление затмилось отрицательным.

Семью Достоевских настигло большое горе, их четырехмесячная дочь погибла от тяжелой болезни. В этот момент они, конечно же, нуждались в поддержке окружающих, но все их близкие люди были далеко. Хозяева квартиры только лишь сделали замечание Достоевским за шум и плач по ночам [Там же, с. 187]. Анна отмечает, что Достоевский и ранее недолюбливал швейцарцев, они всегда казались ему «самодовольными мрачными пьяницами» [Достоевский Ф.М. — Майкову А.Н…], но после начал воспринимать их как людей черствых, не способных на сочувствие. В смерти ребенка он винил изменчивый климат, самонадеянность доктора, неумелость няньки. Больше находиться в Женеве они не смогли, все казалось им враждебным.

Решено было переехать в Италию. Эта страна Достоевскому очень нравилась, особенно за местную архитектуру, он любил посещать Миланский собор Il Duomo, церкви, музеи и дворцы. Его впечатлили бронзовые двери Battistero работы Гиберти. Он даже поделился мыслью о том, что следовало бы купить большое изображение этих ворот и повесить в своем кабинете. Ломбардцы-крестьяне напоминали Достоевскому русских крестьян, они напоминали ему о родине и этим нравились ему [Достоевская, 1981, с. 192]. В целом, об Италии у него остались хорошие впечатления.

Спустя несколько лет пребывания заграницей Достоевский начал тосковать по России. Он был не в состоянии больше писать, скучал по своим родным и близким друзьям. Кроме того, он отмечал, что эмигранты со временем перестают понимать русских людей, для него подобная перспектива была нежелательна. В июне 1871 г. Достоевские начали готовиться к отъезду, их заграничное путешествие подходило к концу.

Таким образом, в складывании впечатления об иностранцах для Достоевского большую роль играли личные обстоятельства. Швейцарцы остались в его памяти как бесчувственные, равнодушные к чужому горю люди. Итальянцы оказались людьми приятными, общительными и дружелюбными. Немцы были предприимчивыми и экономными.

Анна отмечает, что у них не было цели завести какие-то знакомства за границей. Достоевские были предоставлены сами себе, для них эта поездка была вроде «медового месяца», большое значение она имела именно для поддержания теплых отношений друг с другом. Все их общение было ограничено старыми друзьями, матерью и братом Анны, а также европейцами, к которым они были вынуждены обращаться по необходимости. Они не раз сменили жилье за четыре года пребывания в Европе, им приходилось об-

щаться с врачами и акушерками, торговцами. Поэтому Достоевский редко высказывается о жителях Европы. Многим больше его интересовало искусство. Он каждый день гулял по улицам европейских городов, посещал картинные галереи, соборы и церкви. Для него было обычным делом съездить в соседний город, только чтобы посмотреть одну картину кисти Рафаэля. Все эти факты говорят о том, что Достоевский очень ценил европейское искусство. Таким образом, можно говорить о том, что Дневник А.Г. Достоевской является ценным источником информации о восприятии Достоевским не только Европы и европейцев, но и других аспектов его жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1981.

Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 15. Письма 1834–1881. Л., 1996. URL: https://ruslit.traumlibrary.net/book/dostoevsky-pss15-15/dostoevsky-pss15-15.html

Достоевский Ф.М. — Майкову А.Н., 9 (21) октября 1867. URL: http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-majkovu-9-21-oktyabrya-1867.htm

Андрианова И.С., Сосновская О.А. Стенографическая система Анны Достоевской: проблема дешифровки // Неизвестный Достоевский. 2018. № 1.

Белов С.В., Туниманов В.А. А.Г. Достоевская и ее воспоминания // *Достоевская А.Г.* Воспоминания. М., 1981.

E.S. Marfina
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

DOSTOEVSKY'S PERCEPTION OF EUROPE AND EUROPEANS: AN OUTSIDE PERSPECTIVE (ON THE MATERIALS OF A.G. DOSTOEVSKAYA'S PERSONAL DOCUMENTS)

The article analyzes F.M. Dostoevsky's perception of Europe and Europeans based on materials from A.G. Dostoevskaya's diary. In 1867 they visited Europe together and lived there for 4 years. Their trip to Europe left Dostoevsky's personal impressions of its inhabitants. The author concludes that the information from the diary coincides with the writer's epistolary sources, contributes to a complete understanding of Dostoevsky's perception of Europeans and Europe as a whole.

Keywords: the views of F.M. Dostoevsky, Diary of A.G. Dostoevsky, European art, Europeans, Europe.

ПЛЕНАРНО-СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

А.А. Сироткина
г. Москва (Россия)
Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова

КОРОЛЕВЫ МЕРСИИ И УЭССЕКСА В IX в.: РАЗЛИЧИЕ СТАТУСОВ

В статье рассматриваются особенности социально-политического статуса королевских жен в Мерсии и Уэссексе в IX в. Выявляются различия статусов местных королев, а также совершается попытка определения причин сложившихся различий. Автор приходит к выводу, что основную роль особенности положения королевских жен при дворе того или иного королевства обуславливались личными стремлениями правителей, а также существующей политической обстановкой.

Ключевые слова: англосаксонская королева, Мерсия, Уэссекс, Этельфледа, Ассер.

IX в. — неспокойное время на туманном Альбионе. За гегемонию на острове борются два крупнейших и сильнейших королевства — Мерсия и Уэссекс. Нам интересны не столько эпизоды противостояния двух королевств, сколько различие статусов жен местных правителей. Таким образом, цель настоящей статьи — рассмотреть различия в положении королевы в Мерсии и Уэссексе, а также проследить причины сложившейся ситуации.

В нач. IX в. в Мерсии оставались актуальными и имели силу традиции, заложенные в VIII в. Речь идет о значительной активности королевской жены при дворе. Такая ситуация сложилась во время правления конунга Оффы. Его жена Кинетрита была замечена в качестве свидетеля многих хартий и грамот [Anglo-Saxon Charters 1968. S 116, 117, 118, 120, 121, 122, 124, 125, 127 etc.], что было не свойственно королевским супругам того времени. Также Кинетрита единственная из англосаксонских королев, чье изображение было запечатлено на монете.

Исследователи полагают, что ключевой причиной возросшей в VIII в. роли мерсийской королевы при дворе являлись имперские амбиции конунга Оффы, что стремился построить могущественное государство, не уступающее империи Августа. Вероятно, в подражание ему Оффа и изобразил свою супругу на монете, а также «возвысил» ее при дворе.

После Оффы мерсийские королевы продолжали играть активную роль при дворе, они были свидетелями и заверителями многих документов [Ibid. S 163–184, 191–205, 206–214, 1201, 1271 etc.]. Жены мерсийских правителей в грамотах фигурируют как «regina» и «regina Merciorum».

В 1-й пол. IX в. мерсийская и уэссекская правящие династии начинают сближаться вследствие необходимости консолидации против набегов викингов [Глебов 2007, с. 42]. В качестве еще одной возможной причины подобного сближения можно выделить постепенное поглощение Уэссексом Мерсии в результате усиления западных саксов в ходе борьбы с викингами.

Начиная уже с X в. прослеживается зависимость Мерсии от Уэссекса. Например, в грамотах Этельреда II он подписывается не как «rex», а как «dux» [Anglo-Saxon Charters 1968. S 217, 218], «gubernans» [Ibid. S 219] и «procurator» [Ibid. S 220]. Титулом «rex» подписывался Альфред Великий [Ibid. S 218.]. Отметим также преамбулу грамоты S 218 — «Этельред, эл-дормен Мерсии, с согласия короля Альфреда и всего мерсийского витана…» [Ibid. S 218].

Однако в нач. X в. зависимость Мерсии от Уэссекса не означала коренных изменений в положении и статусе мерсийских королев. Самым ярким примером служит Этельфледа, дочь уэссекского правителя Альфреда Великого, супруга короля Этельреда II.

Этельфледа — самая активная и деятельная мерсийская королева за все время существование Мерсии. Во-первых, в документах мы впервые встретили указание на королеву как на равноправного правителя, а не как на супругу короля. Например, в преамбуле грамоты S 221 Этельфледа и Этельред II называются «правителями Мерсии» [Ibid. S 221].

Этельфледа, наравне с супругом, участвует в земельных сделках, о чем свидетельствуют преамбулы документов, упоминающих и Этельреда, и Этельфледу в качестве равноправных дарителей земли [Ibid. S 367, 367a, 371].

В 912 г. Этельред II умирает и мерсийский трон занимает Этельфледа, названная в «Мерсийском регистре» Англосаксонской хроники как «Леди мерсийцев» [ACX 2010. Рукопись «A»]. Возможно, Этельфледа смогла занять мерсийский трон, поскольку были живы старые традиции выбора правителя из числа наиболее достойных представителей правящей семьи [Глебов 2009, с. 16].

С этого момента начинается активная деятельность Этельфледы. Она, в качестве самостоятельного правителя, принимала участие в различных земельных сделках, таких как обмен, продажа и дарение [Anglo-Saxon Charters 1968. S 224, 225]. В этих документах Этельфледа называется как «domina» и «gubernacula regens Merciorum».

Также Этельфледа сыграла активную роль в борьбе против викингов. Ее военные походы остались в истории благодаря записям «Мерсийского регистра» Англосаксонской хроники. Среди деяний Этельфледы упоминается строительство бургов, которые ее брат король Уэссекса Эдуард использовал в качестве баз для военных действий против викингов [АСХ 2010, с. 12].

В 918 г. Этельфледа скончалась. Место мерсийского правителя заняла ее дочь Эльфвюн, которая, однако, правила лишь 3 месяца. По сведениями «Мерсийского регистра», ее владения были отняты, а сама она была насильно увезена в Уэссекс [АСХ 2010. Рукопись «С»].

Пока в Мерсии королевы активно заверяли грамоты, участвовали в земельных отношениях и сами являлись владелицами земель, в Уэссексе подобная активность королевских жен не прослеживается. Один из важнейших источников, свидетельствующих нам о положении королевы в Уэссексе — Житие Альфреда Великого, созданное епископом Ассером в конце IX в.

Ассер пишет, что в Уэссексе королева имеет приниженное положение — она не имеет права восседать рядом с королем и даже называться «королевой», но только супругой короля [Ассерий 2001, с. 228]. Причина этому — деяния одной королевы, что из-за своего дурного характера обратила против себя знать и народ.

Той королевой, что возненавидели уэссексы, была дочь мерсийского правителя Оффы Эадбурга. Она, исходя их рассказа Ассера, отравляла неугодных ей людей и, однажды, ее случайной жертвой стал собственный супруг Беортрик.

Эадбурга, по официальной версии уэссексев, была недостойной королевой, поскольку «тиранствовала по отцовскому обычаю», лишала людей жизни и даже в монастыре она продолжала вести себя распутно. Эадбурга, описанная Ассером, явно далека от образов добродетельной королевы, описанных в народной и религиозной литературе англосаксов. Отметим, что для Ассера пример достойной королевы — Осбурга — мать Альфреда Великого. Она религиозна, «благородна не по одному происхождению, но и по качествам души» [Там же, с. 225], она умна и занимается духовным и умственным воспитанием своих детей.

Возможно также негативная риторика Ассера относительно Оффы и его дочери была связана с общей антимерсийской политикой Уэсскса, а также с целью дискредитировать правителей Мерсии. Для Ассера Оффа — суровый и жестокий правитель, тиран, стремившийся распространить свою власть на весь остров [Там же].

Еще одной возможной причиной могло быть непринятие уэссекской правящей династии того высокого положения, которое занимала королева в Мерсии. Паулина Стэффорд о том, как в труде Ассера была показана

Эадбурга, пишет следующее: «Ее деяния, несомненно, были преувеличены в интересах более поздней западносаксонской пропаганды: против Мерсии, против Беортрика (что решил взять в жены мерсийскую принцессу, дочь тирана Оффы. — *А.С.*), а также в оправдание той ограниченной роли, которую отводили королевским женам» [Stafford 1981, p. 4].

Та же Эадбурга, например, будучи мерсийской принцессой, являлась свидетельницей грамот своего отца [Anglo-Saxon Charters 1968. S 127]. Соответственно, она могла быть довольно активной, влиятельной и деятельной при дворе уэссекского правителя, что, однако не соответствовало местным представлениям о роли королевы.

Уэссекские королевы не являлись активными заверительницами грамот своих супругов-королей. Свидетельские списки документов уэссекских правителей не упоминают имен королев. В нашем распоряжении за период IX — 1-й пол. X в. есть лишь пять грамот, упоминающих уэссекских королев. Речь о документах S 1274 от 858 г., S 326 от 860 г., S 349 от 895 г., S 363 от 901 г. и S 514 упоминающих Юдифь, Эльсвиту, супругу Альфреда Великого, и Эльфледу, вторую жену короля Эдуарда Старшего и Эльфгифу, первую жену короля Эдмунда [Ibid. S 326, 349, 363, 514, 1274]. В документах они называются как «regina».

Среди упомянутых королев наибольший интерес представляет собой Юдифь. Ее имя нам известно благодаря упоминаниям в труде Ассера [Ассерий 2001, с. 229], Англосаксонской хронике [АСХ 2010. Рукопись «А»] и анналах Бертинского монастыря. В последнем упомянутом источнике отмечается то, что Юдифь была коронована на родине в Западно-Франкском королевстве, и что этот обряд не свойственен для уэссекских королевских невест [Annals of St. Bertin 1955, p. 342]. Таким образом мы видим подтверждение слов Ассера о том, что у западных саксов не может быть королев, могут быть лишь супруги королей.

Отметим, что, с одной стороны, коронация Юдифи была проведена в качестве уже традиционного для франков обряда помазания в королевы. С другой стороны, этот обряд имел и политическое значение. Дело в том, что Юдифь, которой на момент женитьбы было 12 лет, не имела каких-либо союзников и влиятельных друзей в незнакомой ей стране. Ее семья оставалась на континенте, без реальной возможности каким-либо образом повлиять на ее положение при дворе. Ее возможные дети вряд ли стали бы правителями Уэссексе, поскольку были более выгодные кандидаты на престол — речь о взрослых сыновьях Этельвульфа от его первой жены Осбурги. Однако коронованная невеста имела больше прерогатив перед другими, не помазанными королевскими женами. Сыновья коронованной королевской супруги имели более обоснованные и легитимные права на престол [Stafford 1981, p. 16–17]. Вероятно, из-за опасения, что возможные сыновья Юдифи

получат больше шансов на престол, Этельбальд, один из сыновей короля Этельвульфа от первого брака, восстал через год после второй женитьбы своего отца, поскольку существовала реальная угроза его притязаниям на западносакский престол со стороны возможных сыновей Юдифи. Возможно, эпизод с внутрисемейным раздором, в результате которого королевство было разделено, мог убедить Альфреда Великого, с чьих слов в последствии Ассер и записал историю про Эадбургу, в том, что приниженное положение королевы при дворе не ведет к таким последствиям. Подобное предположение не беспочвенно и опирается на особенности уэссекского престолонаследования.

Судя по генеалогии западно-саксонских правителей, у них на протяжении VIII–X вв. не было устоявшегося принципа престолонаследия — власть могла передаваться как и от брата к брату, так и от отца к сыну. К тому же нередки были разводы и повторные заключения брака. В результате подобных практик возрастало число претендентов на корону. Однако, как было отмечено выше, сыновья помазанной женщины имели больше прав на престол. Поэтому, по такой логике, одинаковый приниженный статус королевских жен должен был предотвратить какие-либо междоусобицы на этой почве.

Подводя итоги, отметим следующее: в двух самых могущественных англосаксонских королевствах IX в. существовало явное различие в положении королев при дворе. В обоих случаях положение королевской супруги зависело от стремлений местных правителей, а также от сложившейся политической обстановки. В Мерсии VIII–IX вв. сложившиеся условия и стремления местного правителя привели к укреплению положения королевы при дворе. В то же время в Уэссексе нестабильный порядок престолонаследия, а также случившийся политический кризис привели к стремлению правителей не позволять местным королевам играть какую-либо важную роль при дворе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Англосаксонская хроника **[АСХ]**. СПб., 2010.

Ассерий. Жизнь Альфреда Великого. М., 2001.

Anglo-Saxon Charters. L., 1968.

Annals of St. Bertin // English historical documents c. 500–1042. NY, 1955.

Глебов А.Г. Англия в раннее средневековье. СПб., 2007.

Глебов А.Г. Королевская власть и основные тенденции ее развития у англосаксов в VII — начале IX века // Известия Саратовского Университета. 2009. Т. 9. №. 1.

Stafford P. The King’s Wife in Wessex 800–1066 // Past & Present. 1981. № 91.

A.A. Sirotkina
Moscow (Russia)
Lomonosov Moscow State University

QUEENS OF MERCIA AND WESSEX IN THE 9th CENTURY:
DIFFERENCE OF STATUSES

The article examines the features of the socio-political status of royal wives in Mercia and Wessex in the 9th century. Differences in the statuses of local queens are identified, and an attempt is made to determine the reasons for the existing differences. The author comes to the conclusion that the main role of the peculiarities of the position of royal wives at the court of this or that kingdom was determined by the personal aspirations of the rulers, as well as by the existing political situation.

Keywords: Anglo-Saxon Queen, Mercia, Wessex, Ethelfleda, Asser.

В.А. Грозова
г. Нижний Новгород (Россия)
Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского

ВИЗАНТИЙСКИЙ ПЛЕН ГЛАЗАМИ АРАБСКОГО ПОЭТА X в. АБУ ФИРАСА АЛЬ-ХАМДАНИ

В докладе поднимается проблематика плена как малоизученного аспекта военной истории Византийской империи. Автор на основании фрагментарных сведений о пребывании арабского поэта и государственного деятеля халифата Аббасидов X в. Абу Фираса аль-Хамдани стремится отразить специфику его восприятия византийского пленения. Кроме того, автор стремится привлечь внимание к малоизвестному в отечественной историографии источнику — циклу стихов «Румийят», написанному самим Абу Фирасом в византийском плену, отразив перспективы и специфику исследования корпуса этих стихов.

Ключевые слова: византийский плен, арабская поэзия, Абу Фирас Аль-Хамдани, Арабо-Византийские войны, Византийская империя, антропология плена.

Военная история и дипломатический опыт Византии во время Арабо-Византийских войн в отечественной и зарубежной науке представлены большим количеством исследований. Одновременно с этим, такой важный аспект как плен зачастую остается за пределами научных изысканий, хотя плен сам по себе является неотъемлемой частью византийской военной истории как важный элемент и в тактических действиях, и в последующих дипломатических акциях. «Быт» пленника и отношение к нему позволяет исследователям понять не только тактику ведения военных действий и тонкости средневековой дипломатии, но и уровень социального и духовного развития изучаемого общества в целом. Сложность данной темы заключается в том, что источники, дошедшие до нашего времени, не в полной мере способны продемонстрировать положение пленников, условия их содержания и выкупа, а объемы подобной информации очень скупы. Очевидно, что на данный момент основными документами остаются военные трактаты византийских императоров, которые диктовали те или иные правила поведения в отношении пленников. Наиболее известный и хорошо изучен-

ный пример — «Тактика» Льва Мудрого [Тактика Льва 2012]. С арабской стороны мы можем найти сведения об условиях и месте обмена и о количестве пленных в знаменитой «Истории пророков и царей» Ибн Джарира ат-Табари в 40 т. [al-Tabari, 1985–2007], но сведения эти ограничиваются нач. X в. Наиболее сложно обстоит вопрос с т.н. источниками личного происхождения, написанными непосредственными участниками и очевидцами военных действий между Византийской империей и арабами. В этой связи особую ценность приобретают литературные произведения, среди которых мы можем выделить корпус стихотворений арабского поэта X в. — Абу Фираса аль-Хамдани, он был не только свидетелем и участником военных конфликтов, происходивших на границах Византийской империи, но и принимал на себя роль пленника. Жизнь и творчество поэта приковали интерес чешского исследователя Рудольфа Дворжака в конце XIX в., результатом его работы стало издание монографии на немецком языке «Абу Фирас, арабский поэт и герой» [Dvorak 1895], куда также вошли переводы стихов. В отечественной историографии некоторые произведения поэта были переведены на русский язык в сборнике «Арабской поэзии средних веков» [Арабская поэзия… 1975, с. 709], однако с точки зрения исторической науки крупных исследований, посвященных жизненному пути Абу Фираса и анализу его произведений ранее предпринято не было.

Цель доклада — отразить специфику восприятия византийского пленения арабским поэтом Абу Фирасом и очертить перспективы исследования корпуса его стихов.

Прежде всего, необходимо отметить, что Абу Фирас принадлежал к правящему в Алеппо роду Хамданидов и являлся двоюродным братом эмира Сейфа ад-Даулы, который впоследствии назначил его комендантом в одну из пограничных с Византией крепостей Манбидж [Арабская поэзия… 1975, с. 709]. Р. Дворжак указывает, что Абу Фирас дважды побывал в плену византийцев [Dvorak 1895, s. 97] — в 959 г. и с 962 по 966/967 гг. со ссылкой на арабского историка XIII в. Ибн Халликана. Но более современное исследование А. Коли-Дермицаки повествует о его единичном пребывании в плену в Константинополе на протяжении 4-х лет с 962 по 966 гг. [Kolia-Dermitzaki 2002, p.144]. Тем не менее за это время Абу Фирас смог создать корпус стихов, который позднее стал известен под заголовком «Румийят»[1]. Тяжелый отпечаток на пребывание в плену наложило серьезное ранение в бедро, которое было получено поэтом во время битвы. Известно, что во время столкновения Абу Фираса с византийскими всадниками, его спутники посоветовали ему бежать, однако он отказался, так об этом писал сам поэт: «Напрасно товарищи в голос твердили: «Беги! // Жестокой расправой

[1] От араб. «рум» — собирательное название византийцев или греков.

тебе угрожают враги» … Свидетелем будь: изо всех угрожавших мне зол // Я то, что всего безобиднее, — плен, — предпочел» [Арабская поэзия… 1975, с. 428]. Вероятно, это был осознанный выбор, поскольку практика выкупа пленных была широко известна и на решение также могло повлиять серьезное ранение героя. Также такая формулировка может обоснована тем, что уже к сер. IX в. для Византийской империи было характерно особое отношение к знатным пленным, которые занимали высокие посты в своих землях. У пленных, не имеющих высоких титулов, вероятность выжить в плену тоже была высока. «Тактика» Льва Мудрого это подтверждает: пленников не следует убивать до окончательного исхода военных действий, поскольку их впоследствии можно обменять на более выгодные условия мира [Тактика Льва 2012, с. 248]. Переговоры об обмене Абу Фираса на некоторых греческих пленников, которые находились у Сейф ад-Даулы, начались практически сразу по прибытии поэта в Константинополь, однако инициатива не была поддержана с арабской стороны, вероятно, по причине нестабильной политической ситуации в эмирате и захвата столицы эмирата — Алеппо — византийцами под предводительством Никифора Фоки в 962 г.

Дальнейшие события о прибытии Абу Фираса в Константинополь в его творчестве не были запечатлены, однако имеются сведения персидского грамматиста, который со слов поэта после его возвращения на родину записал следующее: «В столице меня встретили с почестями, которые ранее не были оказаны никому из узников-мусульман. Правитель Византии[2] проводил меня в дом, где дал мне на службу партизана и приказал привести ко мне любого из мусульманских пленников, кого я пожелаю» [Dvorak 1895, s. 101] — так позднее был описан прием Абу Фираса Ибн Халавайхом, который работал при дворе Сейф ад-Даулы. Мы можем предположить, на основании этого отрывка, что рядовые пленные, не имеющие политического влияния, содержались в характерных для пленников условиях — это могли быть общие камеры, подобные тем, что были описаны с арабской стороны Ибн Хордадбехом в «Книге путей и стран», это были подземные хранилища под крепостями, арабы называли их «матамир»[3], куда заключались пленные или христианские рабы [Ибн Хордадбех 1988, с. 284].

Несмотря на доброжелательное отношение и достаточно высокий уровень содержания в плену, Абу Фирас выражает свою неприязнь к врагу и христианской религии [Dvorak 1895, s. 293]. Это кажется особенно интересным аспектом для дальнейшего развития темы плена Византийской империи, поскольку появляется возможность привлечения имагологических исследований о восприятии «чужого» или «иного». В тексте стихов

[2] Вероятнее всего, речь идет об императоре Романе II.

[3] С араб. «матамир» — потайное место, погреб.

есть единичное, но достаточно яркое упоминание о религиозных различиях: «Мне ль страшиться, что чашу сию изопью? // Лишь хотел бы, как братья, погибнуть в бою // На лихом скакуне, весь изрублен, иссечен, // А не здесь, христианами раненный в печень» [Арабская поэзия… 1975, с. 422]. Нахождение среди христиан в статусе пленного было унизительным, но неопасным для знатного мусульманина.

Обстоятельства пребывания в плену и негативная их оценка находят свое отражение в некоторых стихах в корпусе сочинений «Румийят», но в большинстве случаев они связаны с его переживаниями и проволочкой вопроса относительно дальнейшего выкупа или обмена и с личными переживаниями по поводу тяжелой болезни матери, о которой он узнал из писем.

Мы можем предполагать, что на родине Абу Фирас был признан героем во многом благодаря созданному им образу тяжелого плена, отраженному в стихах. Вне зависимости от реальных условий, которые, вероятно, были не так плохи. На деле же, анализируя его восприятие плена, мы можем говорить о том, что более всего его волновал не сам факт неволи, а судьба его рода, утрата близких людей и военные поражения своих соотечественников. Именно это приводило его к смирению в византийском плену: «Отныне удары судьбы я сношу, не противясь. // О муках, которые выдержал я, терпеливец» [Там же, с. 426]. В этом заключается основная особенность его работ — искреннее и трудное переживание разлуки с семьей, службой и неопределенности будущего.

Таким образом, пример Абу Фираса демонстрирует нам, что знатные пленники в Византийской империи имели статус, близкий к «почетным заложникам» или «квази-подданным» [Ramadan 2009, p. 155], на этом же сходятся и ряд других исследователей. О доброжелательном отношении к пленным мусульманам мы можем говорить только в том случае, если они имели значительное влияние на родине. Абу Фирас не был исключением, наоборот — он является ярким примером устоявшейся практики Византии. Обмен знатными пленниками (аристократы, военная и государственная элита) был важной частью дипломатических отношений между Византийской империей и Халифатом. Титулованные пленники не продавались в рабство, как это было принято по отношению к обычным заключенным, их не предавали казни, а содержали до более удобного момента, чтобы в конечном итоге получить существенную выгоду.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Арабская поэзия средних веков. М., 1975.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку, 1988.

Тактика Льва. СПб., 2012.

The History of *al-Tabari*. 39 vol. N.Y., 1985–2007.

Dvorak R. Abu Firas, ein arabischer Dichter und Held. Leiden, 1895.

Kolia-Dermitzaki A. The Execution of the Forty-two Martyrs of Amorion: Proposing an interpretation // Al-Masaq Islam and the Medieval Mediterranean. 2002. № 14.

Ramadan Abd Al-Aziz M.A. The Treatment of Arab Prisoners of War in Byzantium, 9th–10th Centuries // Annales islamologiques. 2009. № 43.

V.A. Grozova
Nizhniy Novgorod (Russia)
N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

BYZANTINE CAPTIVITY THROUGH THE EYES OF THE ARAB POET ABU FIRAS AL-HAMDANI

The report raises the issue of captivity as a little-studied aspect of the military history of the Byzantine Empire. The author, based on fragmentary information about the stay of the Arab poet and statesman of the 10th century Abu Firas al-Hamdani, seeks to reflect the specifics of his perception of the Byzantine captivity. In addition, the author seeks to draw attention to a little–known source in Russian historiography — the cycle of poems “Rumiyyat”, written by Abu Firas himself in Byzantine captivity, reflecting the prospects and specifics of the study of the corpus of these poems.

Keywords: Byzantine captivity, Arabic poetry, Abu Firas Al-Hamdani, Arab-Byzantine wars, Byzantine Empire, anthropology of captivity.

К.Д. Николаева
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

КАЧЕСТВЕННЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ: МУЖЧИНЫ

В статье анализируются гендерные характеристики мужских персонажей Повести временных лет. Выделяются социально-одобряемые и социально-порицаемые мужские качества. Показано существенное влияние Священного Писания на представления древнерусских книжников.

Ключевые слова: Повесть временных лет, гендер, социальные роли, мужские образы, качественные характеристики.

В настоящее время исследования в области гендерной истории привлекают все большее внимание исследователей. Однако преобладает «женская» проблематика, тогда как мужские образы в контексте гендера изучены в гораздо меньшей степени [см., напр.: Романов 1966; Львов 1975; Фроянов 1980; Толочко 1992; Колесов 2000; Вендина 2002; Милютенко 2006; Долгов 2007]. И это, прежде всего, образы княжеские. Это неудивительно, поскольку именно князья, наряду с черноризцами, являются основными героями древнерусских произведений. В этой связи особое значение, в условиях скудости источников по истории Древней Руси, представляет изучение качественных мужских характеристик в древнерусских произведениях [Пузанов 2007, с. 91–107], что позволяет выделить как социально одобряемые, так и порицаемые мужские типажи. Исследование целесообразно проводить путем анализа отдельных произведений, с последующим сопоставлением полученных результатов. Настоящая статья посвящена реконструкции «мужских характеристик» Повести временных лет (*Далее* — ПВЛ).

Большое значение для формирования качественных мужских характеристик в древнерусской литературной традиции оказало Священное Писание. ПВЛ не является здесь исключением. Данный источник насыщен самыми разнообразными персонажами, многие из которых впоследствии были восприняты общественным сознанием как положительный или отрицательный эталон, канонизированы или приводились в пример для устрашения

людей в качестве отъявленных грешников. В основном это многообразные княжеские образы, но не только. Встречаются колоритные образы воевод, волхвов, монахов, простых общинников с самыми разнообразными качественными характеристиками.

Основные качества, которые были присущи положительным мужским персонажам в ПВЛ — прежде всего, богопочитание и веропослушание. Эти качества ценились в любом христианине, независимо от его социального статуса, но особенно в духовных лицах, что понятно, и князьях, поскольку они не только подавали пример всему обществу, но и от их силы веры зависело общее благополучие земли. Поэтому составители ПВЛ в первую очередь обращают на эти качества князей. Особую важность здесь представляет образ Владимира Святославича, который с принятием христианства, стал идеалом благодетели: «Се есть новый Костянтинъ великого Рима, иже крестивъся сам и люди своя: тако и сь створи подобно ему. Аще бо бѣ и преже на скверньную похоть желая, но послѣ же прилежа к покаянью, яко же апостолъ вѣщаваеть: “Идеже умножиться грѣхъ, ту изобильствуеть благодать”. Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьстѣй земли, крестивъ ю. <...> яко же Соломонъ рече: “Умершю мужю праведну, не погыбаеть упованье”» [Повесть… 1996, с. 58].

Милостыня, нищелюбие и доброта были основной составляющей христианской добродетели: «Бѣ бо любя словеса книжная, слыша бо единою, еуангелье чтомо: “Блажении милостивии, яко ти помиловани будуть”; и пакы: “Продайте имѣнья ваша и дадите нищим”; и пакы: “Не скрывайте собѣ скровищь на земли, идеже тля тлить и татье подъкоповають, но скрывайте собѣ скровище на небесѣх, идеже ни тля тлить, ни татье крадуть”; и Давыда глаголюща: “Блаженъ мужь милуя и дая”; Соломона же слыша глаголюща: “Вдаяй нищему, Богу в заимъ даеть”. Си слышавъ, повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и от скотьниць кунами» [Там же, с. 56].

Также к добродетели относилась и мудрость, которую летописец ПВЛ особо выделяет в полянах, потому что именно они жили на тех территориях, с которых на Руси пошло распространение христианства: «Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киевѣ и до сего дне» [Там же, с. 9].

Особое внимание книжник уделяет такому качеству в мужчинах как братская любовь. Эти качества прежде всего проявлялись во время войн с «погаными» либо во время княжеских междоусобиц. ПВЛ особо выделяет тему братской любви среди князей. Князья, когда они заступались друг за друга, уважали своих братьев, следовали советам отцов, могли договориться и предотвратить междоусобия, защитить Русь от врагов: «Преставися великый князь русьскый Ярославъ. И еще бо живущю ему, наряди сыны своя,

рекъ имъ: “Се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте в собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере. Да аще будете в любви межю собою, Богъ будеть в васъ, и покорить вы противныя подъ вы. И будете мирно живуще. Аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ и которающеся, то погыбнете сами, и погубите землю отець своихъ и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша трудомь своимь великымъ; но пребывайте мирно, послушающе брат брата» [Там же, с. 70] или «И сѣдящю ему пакы на столѣ своемь, Всеволоду пришедшю побѣжену к нему, не рече ему: “Колико от ваю прияхъ?”, не вдасть зла за зло, но утѣши, рек: “Елма же ты, брате мой, показа ко мнѣ любовь, введе мя на столъ мой и нарек мя старѣйшину собѣ, се азъ не помяну злобы первыя, ты ми еси братъ, а я тобѣ, и положю главу свою за тя”, еже и бысть» [Там же, с. 86].

С давних, еще языческих времен, почиталась в мужчине телесная сила, сопряжённая с храбростью, воинская доблесть, что особо важно было в условиях частых браней: «“Княже! есть у мене единъ сынъ меншей дома <…> От дѣтьства бо его нѣсть кто имъ ударилъ <…>”. Князь же се слышавъ радъ бысть, и посла по нь <…> И наутрия придоша печенѣзи, почаша звати: “Нѣ ли мужа? Се нашь доспѣлъ”. Володимѣръ же повелѣ той нощи облещися въ оружие <...> Выпустиша печенѣзи мужь свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ. И выступи мужь Володимерь, и узрѣ и печенѣзинъ и посмѣяся, — бѣ бо средний тѣломь. И размѣривше межи обѣма полкома, пустиша я к собѣ <…> и удави печенѣзина в руку до смерти. И удари имь о землю. <…> Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томь, и нарче и Переяславль, зане перея славу отроко тъ. Володимеръ же великимь мужемъ створи того и отца его. Володимеръ же възвратися вь Кыевъ с побѣдою и съ славою великою» [Там же, с. 55]. Показательно, что герой должен был быть с виду обычным человеком («средний тѣломъ»), тогда как аномально высокий (как у печенежина)[1] или низкий рост считались аномалией.

Ценилась справедливость, которая помогала в борьбе с язычеством и ересью тем, что обличала тех, кто хотел нажиться на доверчивых людях. Здесь можно отметить воеводу Яна Вышатича, который освободил Белоозёрские земли от «дьявольских» волхвов, убивавших девушек и женщин.

Таким образом, большинство положительных качеств, которыми должен был обладать мужчина, связано с христианской доктриной. В то же время неизменно с древнейших времен высоко ценились сила и храбрость, столь важные в условиях тяжких физических трудов и постоянных ратей и, особенно, мудрость, ум, как залог успеха в любом деле.

Много в ПВЛ выделяется и отрицательных качеств, которые были присущи мужским персонажам самого разного положения, от князей и их

[1] Ср. библейских Давида и Голиафа.

дружинников до волхвов. Прежде всего, порицались противоречащие христианским ценностям качества, такие как похоть. Здесь отрицательным героем перед нами предстаёт Владимир, который в язычестве был побеждён похотью: «Бѣ же Володимеръ побѣженъ похотью женьскою, и быша ему водимыя: Рогънѣдь, юже посади на Лыбеди, иде же ныне стоить сельце Предъславино, от нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; от грекинѣ — Святополка; от чехинѣ — Вышеслава; а от другоѣ — Святослава и Мьстислава; а от болгарыни — Бориса и Глѣба; а наложьниць бѣ у него 300 Вышегородѣ, а 300 в Бѣлѣгородѣ, а 200 на Берестовѣ в селци, еже зоуть ныне Берестовое. И бѣ несытъ блуда, и приводя к собѣ мужьски жены и дѣвицѣ растьляя» [Там же, с. 37].

Как в язычестве, так и в христианстве порицались такие качества мужчинах, как жадность, враньё, хитрость, плутовство. Здесь особенно выделяются волхвы, которые своими антихристианскими воззрениями обманывали людей, вводили их в заблуждение. В ПВЛ представлено несколько сюжетов, описывающих их злодеяния. Например, история о волхве, который возомнил себя богом, или о волхве, который якобы предсказывал будущее. Летописец ярко описывает, что ими движет дьявольская сила и что они несут вред людям: «Сиця ти есть бѣсовьская сила, и лѣпота, и немощь. Тѣм же прелщають человѣкы, веляще имъ глаголати видѣнья, являющеся имъ, несвершенымъ вѣрою, являющеся во снѣ, инѣмъ в мечтѣ, и тако волхвують наученьемь бѣсовьскым» [Там же, с. 77]. Самым ярким примером жадности в ПВЛ представляется поход Игоря на древлян с целью сбора дани во второй раз: «рекоша дружина Игореви: “Отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы”. И послуша ихъ Игорь, иде в Дерева в дань, и примышляше къ первой дани, и насиляше имъ и мужи его. Возьемавъ дань, поиде въ градъ свой. Идущу же ему въспять, размысливъ, рече дружинѣ своей: “Идѣте съ данью домови, а я возъвращюся, похожю и еще”. Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины возъвратися, желая болшая имѣнья» [Там же, с. 26–27].

Особо порицаемым качеством считается братоненавистничество, оно было распространено среди мужчин разного положения, но летописец обратил на него внимание, прежде всего, в отношении князей, поскольку они, как было сказано выше, должны были быть примером для подражания и распространение среди них этого явления было особенно губительно для общества. Крайней формой братоненавистничества было братоубийство, считавшееся большим грехом и особо порицаемое. Всё это происходило из желания того или иного князя одному владеть землями и зачастую приводило к междоусобицам: «усобная же рать бываеть от соблажненья дьяволя. Богъ бо не хощеть зла человѣкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злому

убийству и крови пролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы» [Там же, с. 73]. Самым ярким отрицательным примером считается Святополк Окаянный, который ради овладения землями и единоличного правления в них, убил собственных братьев Бориса и Глеба, которые впоследствии стали первыми русскими святыми. Также братья часто сговаривались друг с другом, чтобы пойти против другого брата. Здесь в пример можно привести сюжет с ослеплением Василька Святополком и Давыдом: «Вълодимеръ же слышавъ, яко ятъ бысть Василко и слѣпленъ, ужасеся, и всплакавъ и рече: “Сего не бывало есть в Русьскѣй земьли ни при дѣдѣхъ наших, ни при отцихъ наших, сякого зла”» [Там же, с. 111–112]. Большим воспринималось привлечение князьями «поганых» к борьбе со своими братьями.

В ПВЛ часто встречается упоминание о предательстве со стороны мужчин разного социального статуса. Особое внимание в этой связи уделяется воеводам, чье предательство было особо пагубно и порицаемо. Самым ярким примером здесь выступает Блуд, воевода Ярополка перешедший на сторону Владимира и подстроивший убийство своего князя: «Якоже Блудъ преда князя своего, и приимъ от него чьти многи, се бо бысть повиненъ крови той. Се бо Блудъ затворися съ Ярополкомъ, льстя ему, слаше къ Володимеру часто, веля ему пристряпати къ граду бранью, а самъ мысля убити Ярополка» [Там же, с. 36].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в ПВЛ представлено множество самых разнообразных отрицательных образов, в том числе и для того, чтобы ярче выделить образы положительные.

В заключение важно отметить, что персонажи, которые бы обладали только положительными или только отрицательными, встречаются в ПВЛ довольно редко, зачастую один персонаж обладал набором самых разнообразных качеств. Одни качества преобладали над другими в зависимости от условий и ситуаций, в которых в то или иное время находился герой. К положительным качествам относились богопочитание, доброта, мудрость, храбрость, братолюбие… К отрицательным — похоть, жадность, враньё, братоненавистничество, предательство... Эти характеристики можно разделить на конкретно христианские и универсальные, то есть такие, которые были присущи и язычеству. Например, большинство положительных качеств относятся к христианским, а отрицательные, такие как жадность и враньё можно отнести к универсальным, то есть порицались они не только в христианстве, но и в язычестве. Многие из качеств, присущих мужчинам того времени и представленных в ПВЛ, определялись прежде всего Священным писанием. Поэтому, можно сказать, что данный источник ценен тем, что в нём можно проследить каким в представлениях людей того времени должен был быть мужчина, какими качествами он должен был обладать, как он должен и не должен был поступать в той или иной ситуации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Повесть временных лет. СПб., 1996.

Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.

Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси: миры повседневности XI–XIII вв. М., 2007.

Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.

Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975.

Милютенко Н.И. Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб., 2006.

Пузанов В.В. Качественные характеристики великокняжеской и «племенной» элиты IX–X вв. в «Повести временных лет»: социальные образы и этнический фактор // Общественно-политическая мысль в России: традиции и новации. Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 24–25 октября 2006 г. Т. 1. Средневековая Русь: проблемы идентичности. Ижевск, 2007.

Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси: Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. 2-е изд. М.; Л., 1966.

Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992.

Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

K.D. Nikolaeva
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

QUALITATIVE GENDER CHARACTERISTICS
OF THE TALE OF BYGONE YEARS: MEN

The article analyzes the gender characteristics of male characters in the Tale of Bygone Years. Socially approved and reprehensible masculine qualities are distinguished. The significant influence of the Holy Scripture on the ideas of the Old Russian scribes is shown. Examples of characters from the Tale of Bygone Years are given, in which they vividly reflect certain characteristics.

Keywords: The Tale of Bygone Years, gender, social roles, male images, qualitative characteristics.

С.С. Грозов, Д.В. Образцов
г. Нижний Новгород (Россия)
Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского

ЖИВОТНЫЕ В «ХРОНИКЕ» САЛИМБЕНЕ ДЕ АДАМ

В докладе актуализируется проблематика восприятия животного мира в средневековой Италии XII–XIII вв. Анализируются упоминания животных на страницах «Хроники» Салимбене де Адам. Авторами поставлена цель определить роль упоминаний животных в «Хронике» Салимбене де Адама и выявить само отношение автора к животным как к неотъемлемой части природы.

Ключевые слова: Салимбене де Адам, «Хроника», животные, средневековые бестиарии, средневековая Италия.

Одним из самых интересных литературных памятников Италии XII–XIII вв. можно назвать «Хронику» францисканца Салимбене де Адама. Данное произведение вызывало интерес исследователей с самого своего обнаружения, и до сих пор многие ее элементы досконально не изучены — особенно это касается природы. Между тем на страницах самой «Хроники» мы находим многочисленные упоминания о разных аспектах природы. Салимбене упоминал и всевозможные природные катаклизмы и аномалии, а также особое внимание (преимущественно из-за их редкости) уделял астрономическим явлениям. Часть данных проявлений природы использовалась Салимбене в угоду историчности, в то время как другая часть привносила в текст определенный символизм (не всегда обладая реалистичностью).

Животный мир также не мог остаться в стороне от внимания хрониста — на страницах «Хроники» мы находим целый бестиарий разнообразных созданий, реальных и вымышленных. В связи с этим, цель нашего доклада — определить роль упоминаний животных в «Хронике» Салимбене де Адама и выявить само отношение автора к животным как к неотъемлемой части природы.

Несмотря на достаточное разнообразие животных в «Хронике», классифицировать их упоминания без пристального их изучения затруднительно. Условно мы можем разделить лишь фрагменты, где животные подаются «действующими лицами» «Хроники» и напрямую связаны с описанными

событиями, и те фрагменты, где к животным Салимбене прибегает в качестве тропов.

Стоит заметить, что непосредственно описания животных практически не встречаются, а те, что имеются, ограничиваются очень короткой характеристикой. Всё это объясняется тем, что в абсолютном большинстве фрагментов, где как-либо затрагивается животный мир, Салимбене прибегает к достаточно узнаваемым образам. Диковинные животные, к примеру, леопард, мифические единороги и драконы не были чужды Средневековью — их образы использовались практически повсеместно: от храмовой архитектуры до литературы разных жанров. Что же касается животных, более близких к быту, то лучше всего по этому поводу выразился К.С. Льюис: «Иначе и не могло быть в обществе, где каждый, кто мог себе это позволить, был всадником, охотником или сокольником, а все остальные ставили капканы, ловили рыбу, пасли коров, овец и свиней, ходили за гусями, курами или разводили пчел» [Льюис 2015, с. 774] .

Рассматривая упоминания животных в тексте «Хроники» в большинстве своем нам будет встречаться скот, под которым обычно подразумевались волы и свиньи [Салимбене де Адам 2004, с. 209]. В их упоминаниях мы видим один из самых фундаментальных видов взаимоотношений между людьми и животными — отношения собственности [подробнее см.: Salisbury 1994]. Именно из этого следуют многочисленные упоминания домашних животных в описаниях населенных пунктов, замков или знатных людей. К примеру: «Сассуоло был замком богатым и изобилующим продовольствием, а именно пшеницей, вином и скотом» [Салимбене де Адам 2004, с.707]. Более того, основная причина упоминания домашних животных — это именно фиксации ущерба, нанесенного теми или иными обстоятельствами «рогатой» и «пернатой» собственности [Там же, с. 696]. Абсолютно естественно, что упоминания животных как собственности численно преобладают среди всех прочих. Они являются наиболее значимыми для Салимбене в роли хрониста, скрупулезно фиксирующего события и тем самым подчеркивающего степень «ущерба», который понесли люди из-за природных катаклизмов или войн.

Дикие же животные, в отличие от домашних, являются вариацией природных явлений. Однако дикие звери вызывают у Салимбене несомненно больший интерес — их упоминания сопровождаются куда более обширным текстом, в котором присутствует и определенная красочность, а главное точность — дикие звери зачастую конкретизируются: «И “умножилось зло на земле”; и умножились чрезмерно птицы и лесные звери — фазаны и куропатки и перепела, зайцы и козы, олени, буйволы, кабаны и хищные волки...» [Там же, с. 209].

Очевидно, редко имеющий дело с дикими животными, Салимбене невольно уделяет им больше внимания — именно они для него представляют,

на наш взгляд, первозданных представителей животного мира. В отличие от скота они не являются чьей-то собственностью и подчиняются лишь законам природы, установленным Богом. Благодаря этому Салимбене в исключительных случаях позволяет себе интерпретировать и подавать события, в связи с которыми было отмечено необычное поведение животных, как удивительных и значимых. Наиболее явно это заметно в главе «О множестве скворцов в год сражения войска Карла с войском Конрадина», где все внимание Салимбене уделено непосредственно странному поведению птиц и их большому количеству, и автор сам признается: «если бы я сам не видел, то вряд ли смог бы поверить рассказывающему такое» [Там же, с. 522].

Таким образом, роль упоминаний «обыденных» животных, диких или домашних не вполне идентична в контексте «Хроники». Скот — это, прежде всего, собственность, а только потом — божье творение. В свою очередь, для диких животных характеристика тварности будет первична. Необходимо заметить, что в обоих случаях для животных не так важны их символические коннотации. Даже в описаниях нападения волков на города Салимбене в тексте не демонизирует животных, а объясняет их поведение: «Ведь волки не находили по старой привычке в селах животных для своей поживы — ягнят или овец, ибо села полностью были сожжены. И потому они… страшно выли от сильного голода. А ночью проникали в города и пожирали людей, спящих под портиками или в повозках, а также женщин и детей» [Там же, с. 209].

Отстраняясь от описания зверей, Салимбене нередко обращался к животным в роли метафор для изображения людей. Такие характеристики нельзя назвать положительными: «Ведь необразованный прелат — все равно что коронованный осел» [Там же, с. 135]. Мы можем предполагать, что в некоторых случаях, такие метафоры могли придавать описанию некую комичность. Сравнение с животным само по себе «снижало» человечность описываемых людей — поэтому в случаях, когда Салимбене использует обобщенное сравнение людей с животными [Там же, с. 703], то акцентирует и подчеркивает именно «недочеловечность» и дикость.

На примере метафоричного описания некоторых людей мы видим, что далеко не всегда в «Хронике» животные — это непосредственно животные. В тексте Салимбене животные облекаются в форму различных аллегорий: от дидактических примеров, напоминающих по стилю своего изложения «Физиолог» или латинские бестиарии, до туманных пророчеств.

Разберем ряд примеров. Мы встречаем эпизод «о короле, творившем милостыню», позаимствованный Салимбене из «Истории лангобардов» Павла Диакона. Текст повествует о неком короле, обеспокоенном тем, что у него кончаются сокровища на раздачу бедным. Он поделился своими переживаниями с рыцарем, после чего на него напала дремота, и он уснул. Во время

сна изо рта его вылез зверек — *bestiola* — указавший путь к сокровищам в горе. В образе зверька мы видим не что иное, как аллегорию самой души, облеченную в материальную форму безымянного зверька и наделенную неким подобием собственной воли. Помимо того, что данная история хорошо иллюстрирует представления о душе, она позволяет сделать вывод о допустимости в представлениях автора «Хроники» животной формы для души.

Иной пример аллегории дидактического характера, восходящий к Вульгате, мы находим в уподоблении Сына Божьего курице: «Сын Божий уподобляется также курице, имеющей цыплят. Природа ее такова, что она изнемогает от любви к детям. Так должен поступать и прелат из любви к подчиненным, кои есть его дети» [Там же, с. 129]. Для нас в данном случае важно не происхождение подобной аллегории, а её структура. Курица предстает перед читателем не столько животным, сколько идеей, облеченной в форму птицы. Такая идея выводится Салимбене из поведенческих особенностей курицы. Подобная форма изложения имеет определенное сходство с Физиологом — именно это позднеантичное произведение заложило длинную традицию толкования физиологических и поведенческих особенностей животных с целью познания Бога и мудрости, заключенной во «второй книге», написанной Богом, — Природе.

Наиболее же загадочный эпизод, насыщенный аллегориями животных, — это туманное пророчество, к которому сам Салимбене призывает относиться «в меру своего разумения» [Там же, с. 595]. Стиль этого фрагмента, вероятно, восходит к библейским пророческим текстам и Сивиллиным книгам. В нём описывается борьба грифона и гадюки, при этом в грифоне угадывается Карл, граф Анжу и Прованса, впоследствии король Сицилии. Также встречаются там соколы и орлы, леопард с клювом пеликана. Помимо животных, в тексте встречаются и аллегории из мира растений. Само описание событий позволяет первоначально предположить о том, что пророчество построено на неком геральдическом коде, хотя, по всей видимости, геральдика отходит на второй план перед аллегорией, учитывая специфические иносказания. К сожалению, в рамках доклада было бы ошибочно пытаться осуществить фундаментальный разбор этого пророчества. Тем не менее, мы можем отметить, что «код», использованный Салимбене, многослоен и опирается не только на образ описываемых существ, но и на их природу. Животные-символы сами состоят из символических элементов, будь то хвост, перья, клюв и проч. Подобный пример демонстрирует нам многогранное восприятие Салимбене животного как сложного символа.

Таким образом, нам необходимо отметить следующее. Животные в «Хронике» упоминаются в качестве собственности, метафоры и аллегории, а также попросту в качестве творений божьих. Каждый из этих аспектов может раскрываться практически на любых животных в разных

ситуациях. Все это не только позволяло Салимбене де Адам использовать животных в качестве тропов, но и само по себе отражало многогранное восприятие животных автором «Хроники». Продолжение изучения животных в контексте «Хроники» остается очень перспективным, поскольку помимо разобранных нами случаев, упоминания животных могут позволить более широко трактовать исторические события, зафиксированные «Хроникой», как встречу Педро Арагонского с драконом [Там же, с. 650] или упоминания приезда некого младенца верхом на осле [Там же, с. 186].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Салимбене де Адам. Хроника. М., 2004.
Salimbene de Adam. Chronica. 2 vol. Bari, 1966.
Льюис К.С. Избранные работы по истории культуры. М., 2015.
Salisbury J.E. The Beast Within. Animals in the Middle Ages. N.Y., 1994.

S.S. Grozov, D.V. Obrazcov
Nizhny Novgorod (Russia)
N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

ANIMALS IN “THE CRONICA” OF SALIMBENE DE ADAM

The report actualizes the problem of reception of the Animal world in the 12th–13th centuries Medieval Italy. Mentions of animals on the pages of “The Chronicle” of Salimbene de Adam are analyzed. The authors aim to determine the role of references to animals in “The Chronicle” of Salimben de Adam and to reveal the attitude of the author to animals as an integral part of nature.

Keywords: Salimbene de Adam, Chronicle, animals, medieval bestiaries, the Medieval Italy.

И.А. Симонов
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ОБРАЗ МОНГОЛО-ТАТАР В ЗАПИСЯХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIII в.

В статье проводится сравнительный анализ сведений о монголо-татарах, представленных в трудах европейских авторов, лично побывавших на территории Золотой Орды и Монгольской империи. Критериями сравнения выступили информация о взаимоотношениях монголо-татар, их отношении к другим народам, личные качества, элементы быта.

Ключевые слова: монголо-татары, Плано де Карпини, Гильом де Рубрук, Марко Поло, Монгольская империя, Золотая Орда.

Монгольская империя является одним из крупнейших государств Средневековья. Так или иначе, весь континент знал об огромной силе монголо-татар или по собственному опыту, или по страшным рассказам своих соседей. Европа была потрясена Западным походом монголов; современники события опасались огромной разрушительной силы, которая может в любой момент вновь захлестнуть их. По соседству появился новый, пока еще непобедимый враг, чужой веры и с неизвестными намерениями. Для сбора информации о неизведанных землях и народах, установления дипломатических отношений или в качестве миссионеров в Монгольскую империю отправились европейцы. Кроме того, представителей Европейского континента всегда манили богатства Востока, торговцы и мореплаватели искали выгодные маршруты, и некоторые из них проникали и в Монгольскую империю.

Контакты с Востоком европейцы установили давно. Если мусульмане, несмотря на их религию и постоянные войны с христианами, считались носителями своей собственной, но все же культуры, то мир кочевников был совершенно непонятен европейцам. Кочевники считались варварами-язычниками, не имеющими собственной культуры. Но с ними приходилось считаться, особенно со времени начала монгольских завоеваний. В XIII в. начинается сбор информации о Монгольской империи и ее населении. Особое внимание, естественно, уделялось собственно монголо-татарам. Поэтому

целью настоящей статьи является реконструкция первоначального, но далеко не конечного образа монголо-татар, сложившегося в сочинениях европейцев, первыми посетивших Монгольскую империю. Основной вопрос — одинаков ли этот образ? Существует довольно много исследований, основанных на сведениях из источников, рассматриваемых в данной работе. Однако не было еще сравнительного изучения образа монголо-татар в сочинениях европейских авторов. Лишь Г.Г. Пиков косвенно касается заявленной темы в своей статье, посвященной поиску причин появления монгольского феномена в европейской культуре [Пиков 2011, с. 73].

Одним из первых Монгольскую империю посетил итальянский францисканец Иоанн де Плано Карпини. Его отправил Папа Римский Иннокентий IV с дипломатической миссией [Майоров 2012, с. 196]. Угроза монголо-татарского нашествия никуда не исчезла, потому необходимо было подготовиться к нему, собрать всевозможную информацию о Монгольской империи. По итогу путешествия была составлена книга «История Монгалов, именуемых нами Татарами». В ней Карпини описал нравы монголов, религию, уклад жизни, государственное устройство и т. д. Стоит отметить, что сочинение построено по тематическому принципу, удобному для читателя (по названиям глав можно легко сориентироваться, найти нужную информацию о том или ином аспекте жизни монголов).

Перейдем непосредственно к описанию образа монголо-татар в представлениях Плано Карпини. В общих чертах обозначен внешний вид, который, хотя и отличается от привычного, не вызывает никакого отвращения или страха у автора [Карпини 1911, с. 21]. Карпини обращает внимание читателя на нравы монголо-татар. Он разделяет их на «хорошие» и «дурные». Автор восхищается выносливостью монголов в суровых климатических условиях [Там же, с. 29]. Женщины монголо-татар, по его словам, целомудренны и непорочны [Там же, с. 29]. Автору симпатичны взаимоотношения монголо-татар друг с другом. По его словам, они редко ссорятся, охотно делятся пищей, хотя имеют ее в небольшом количестве, у них нет взаимной зависти, они повинуются своим владыкам «более, чем какие бы то ни было люди». Их жизнь представлялась ему похожей на жизнь внутри монашеского ордена [Там же, с. 28–29]. Неудивительно, что Карпини восхищен этим. К «дурным» нравам Карпини относит гордыню: монголо-татары считают себя выше других народов. Кроме того, они вспыльчивы, раздражительны, лживы и льстительны. Они выпрашивают какие бы то ни было понравившиеся вещи и забирают их навсегда. При всем этом сами являются весьма скупыми дарителями [Там же, с. 29]. Пьянство у них считается в почете: уважаем тот, кто может выпить много, не пьянея при этом [Там же, с. 29]. Они едят мясо разных животных, могут из нужды есть человеческое мясо, а также вшей, мышей, очищения, исходящие из кобылы вместе с жеребятами. Пьют кобылье молоко (а так же вер-

блюжье, коровье, овечье). Едят мало, дважды в день, при этом могут голодать несколько дней, не выказывая никакого нетерпения [Там же, с. 29].

Карпини описал прием у ханов. Прежде чем попасть в шатер хана, необходимо пройти между двух огней, поднести ему подарки и преклонить оба колена. Все, что происходит с пришедшими далее, зависит лишь от воли хана. Могут, например, принуждать пить кобылье молоко, которое Карпини не понравилось, но могут и оказать почет, предложив привычное монахам пиво [Там же, с. 70–71]. Автор дает смешанные оценки всему происходящему в ханских шатрах. Ханский прием не кажется Карпини радушным, но и негативно он о нем не отзывается.

Другой монах-францисканец, Гильом де Рубрук, отправился с дипломатической миссией по поручению короля Франции Людовика IX. Целью было установить дипломатические отношения и, если получится, военный союз с монголами. Рубрук посетил ставки Сартака, Батыя и великого кагана Мункэ [Рубрук 1911, с. 80]. По итогу путешествия был составлен отчет для короля Людовика IX, не предназначенный для чтения в широких аудиториях и ставший основой для книги «Путешествие в восточные страны». В отличие от «Истории монголов» Карпини, сочинение построено по хронологическому принципу, является как бы дневником путешественника.

Какими видит Рубрук монголо-татар? Здесь есть огромные сходства с Карпини. Однако Рубрук в некоторых моментах дает более детальное описание с собственной оценкой. Так, при описании внешнего вида татарских женщин наблюдается некоторая неприязнь в указании, что они «безобразят себя, позорно разрисовывая себе лицо» [Там же, с. 92]. Что касается нравов монголо-татар, то первое впечатление о них у автора было резко негативным. Из отрицательных черт монголов он выделял надоедливость, лживость, постоянное выпрашивание всевозможных вещей, еды, питья, изрядное любопытство [Там же, с. 96]. Все это вызывало у наблюдателя негодование и гнев. Тем не менее к положительным качествам Рубрук отнес веротерпимость монголо-татар: его поражает наличие в одном городе и христианских, и мусульманских приходов и кварталов [Там же, с. 161–162]. Также автор одобряет соблюдение всех собственных обрядов и ритуалов [Там же, с. 87].

Говоря о взаимоотношениях монголо-татар друг с другом, Рубрук отмечает высокую степень подчинения владыкам [Там же, с. 105], обычай долго скорбеть по усопшим родственникам. Что касается отношений монголо-татар к представителям других народов, то они, по словам автора, считают себя владыками мира, которым никто ни в чем не должен отказывать [Там же, с. 96]. На приеме у ханов Рубрука заставляют преклонить оба колена, как перед Богом. Ханы на приемах, разумеется, понимают статус посла Рубрука, но все равно относятся к нему и его братьям пренебрежительно [Там же, с. 113]. Упоминал автор и о пище: едят без разбору всякую падаль, мясо разных животных, из питья у них

напиток из риса, проса, ячменя; кумыс [Там же, с. 88]. Особенно Рубруку пришлось не по нраву принуждение пить кумыс на ханских приемах [Там же, с. 114].

Одним из известнейших путешественников является Марко Поло. Сын венецианского купца еще в молодом возрасте приехал в Монгольскую империю к великому хану Хубилаю и прожил там 17 лет. Все, что он повидал в своем путешествии, он запечатлел в своих книгах [Пиков 2011, с. 74].

Марко Поло описывает жителей Монгольской империи следующим образом. В связи с суровым климатом и недостатком пищи они ведут кочевой образ жизни. Питаются всяким мясом (дичью, мясом скота, лошадьми, собаками, верблюдами), пьют кобылье молоко, кумыс [Поло 1873, с. 64]. Женщины целомудренны и непорочны [Там же, с. 61]. Взаимоотношения монголо-татар друг с другом очень теплые, раздоров почти нет, живут в согласии. Браки очень крепкие [Там же, с. 63]. Поло так же отмечает высокую степень покорности начальникам и владыкам [Там же, с. 63]. В отличие от Рубрука, у Марко Поло сложнее определить отрицательные черты монголов. Тем не менее, он отмечает, что первоначальные нравы татар с завоеванием богатых стран испортились [Там же, с. 63]. Принятие в отдельных областях империи ислама так же порицается автором [Там же, с. 122].

Итак, обобщая все сказанное, можно составить образ монголо-татар глазами европейских путешественников. Это выносливые люди, привыкшие жить в суровых условиях, употребляющие в пищу в основном мясо и молоко. У них присутствует многоженство, но их женщины целомудренны, а браки крепки. Друг с другом они находятся в теплых, дружеских, можно даже сказать, в братских отношениях. Безоговорочно подчиняются своим начальникам. Однако к другим народам монголо-татары относятся если не как к рабам, то как к вассалам. Они часто обманывают, вымогают вещи и ценности, что показывает их алчность и склонность к грабежам. Ханы считают себя властителями мира, поэтому требуют покорности и постоянных подношений. На территории империи живет много представителей различных вероисповеданий, которые свободно могут проповедовать собственное учение.

Безусловно, перечисленные признаки дают основания полагать, что образ монголо-татар у перечисленных путешественников примерно одинаков. Но есть и характерные авторские особенности. Так, Карпини подходит к исследованию критически и довольно основательно, что подтверждается и четким разделением его книги на тематические главы. Рубрук же описывает много занимательных сюжетов, включая в свой труд собственный вымысел. Марко Поло составляет целую энциклопедию своего времени, где есть и ценные сведения, не указанные нигде ранее, и собственные впечатления — при этом к рассказу о географии или истории империи он старался относиться беспристрастно [Пиков 2011, с. 74]. Главное же отличие — отношение самих авторов к монголам [Там же, с. 74]. Так, Карпини опасается, даже

боится их; Рубрук же напротив, уверен в превосходстве Европы и, согласно его утверждениям, порой высказывал дерзкие слова монголам. Поло не воспринимает монголов как противников: наоборот, он и его родственники установили с великим ханом дружественные и доверительные отношения на долгие годы. Кроме того, его интересует и экономическое положение земель империи. Потому в образе, к примеру, Рубрука, довольно трудно проследить положительные черты, а в образе Поло — отрицательные.

Рассматриваемые авторы уже в XIII в. показали Европе, что монголо-татары — это не племена диких варваров, нахлынувших в качестве божественной кары за человеческие грехи, а представители другого мира. Их открытия будут продолжены, преобразованы, дополнены последующими исследователями, путешественниками и торговцами из разных уголков Европы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Марко Поло. Путешествие в 1286 году по Татарии и другим странам Востока Марко Поло, венецианского дворянина, прозванного миллионером. СПб., 1873.

Плано де Карпини. История монголов // *Рубрук Вильгельм, Карпини Иоанн Плано.* История Монголов. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911.

Рубрук Вильгельм. Путешествие в восточные страны // *Рубрук Вильгельм, Карпини Иоанн Плано.* История Монголов. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911.

Майоров А.В. Монголы, Никея и Рим в середине XIII столетия // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2012. № 5.

Пиков Г.Г. Европейцы XIII века о Монгольской империи и Чингисхане // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 2 (19).

I.A. Simonov
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

THE IMAGE OF THE MONGOL-TATARS IN THE RECORDS OF EUROPEAN TRAVELERS OF THE 13th CENTURY

The article provides a comparative analysis of information about the Mongol-Tatars, gleaned from the works of European authors who personally visited the territory of the Golden Horde and the Mongol Empire. The criteria for comparison were information about the relationship between the Mongol-Tatars, their attitude towards other peoples, personal qualities, elements of everyday life.

Keywords: Mongol-Tatars, Plano de Carpini, Guillaume de Rubruk, Marco Polo, Mongol Empire, Golden Horde.

Д.С. Сельков
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ ГОСУДАРСТВ КРЕСТОНОСЦЕВ В РОМАНИИ

В данной статье содержится анализ обоснований, которые крестоносцы приводили в качестве идеи основания Латинской империи на землях Романии (Византийской империи). Эпоха наемников еще не наступила и крестоносцам, как и их новым греческим подданным, необходимы были обоснования латинских претензий на новые земли. Кроме того, новые государства нуждались в притоке рыцарей из Западной Европы, для чего также нужна была определенная идея, которой можно было бы оправдать экспансию на Балканы и в Малой Азии. Сумела ли Латинская империя доказать свою легитимность как крестоносцам, так и грекам?

Ключевые слова: история Византии, Латинская империя, Четвертый Крестовый поход.

В российской историографии Четвертого Крестового похода вторжение крестоносцев рассматривается исключительно как акт силового вмешательства — еще в дореволюционной историографии Ф.И. Успенский дал нелицеприятную оценку действиям крестоносцев [Успенский 2000, с. 229]. Позднее традиция продолжилась и в советской историографии. Так, крайне негативное отношение к крестоносцам мы можем увидеть в работе М.А. Заборова «Папство и крестовые походы» [Заборов, с. 98].

Мнение этих авторов имело под собой серьезное основание — действительно, Византия крайне пострадала. Нельзя не сочувствовать жителям Константинополя, читая описания Никитой Хониатом буйств крестоносцев в захваченной столице.

Но нельзя забывать, что крестоносцы Четвертого крестового похода, несмотря на свои действия, все еще чувствовали себя «воинами Христовыми», а вовсе не наемниками и грабителями. Необходимо было сохранить имеющихся крестоносцев, привлечь новых, дабы закрепиться в завоеванных землях, а затем встала очевидной необходимость и привлечения греков на

свою сторону. Для самих крестоносцев легитимность нового режима была в принципе очевидна — трусливые и вероломные греки, по мнению латинских летописцев, потеряли любые права на престол Константинопольской империи, о чем писал маршал Виллардуэн [Жоффруа де Виллардуэн, с. 53].

Во-первых, им вменялось в вину убийство императора Алексея Ангела. За это, по утверждению Виллардуэна, был казнен Алексей V Мурзуфл [Жоффруа де Виллардуэн, с. 60]. Вторит ему Робер де Клари, считающий казнь Мурзуфла «отмщением предателю» [Робер де Клари, с. 48]. Во-вторых, упреком в адрес греков было их «отпадение» от римского престола. К примеру, об этом говорилось у Виллардуэна [Жоффруа де Виллардуэн, с. 43].

В-третьих, Византия препятствовала крестовым походам и одной из целей крестоносцев было создание оплота католического мира неподалеку от Леванта. Так, рыцарь и трубадур Рембо де Вакейрас считал, что все грехи крестоносцев оправдываются борьбой за судьбу Иерусалима в будущем [Филипс 2010, с. 456]. В представлении крестоносцев именно константинопольские императоры стали легитимной властью, которая имела право претендовать на земли, бывшие когда-либо под властью Византийской империи. Эта линия хорошо раскрывается описанием Иоанна Болгарского у де Клари [Робер де Клари, с. 29]. Встречались и более экзотические идеи, объясняющие справедливость вторжения крестоносцев в Романию. К примеру, на переговорах с Иоанном, царем Болгарии, Пьер де Брашейль обосновывал легитимность вторжения преемственностью государств Запада по отношению к Трое, которую в свое время, по легендам, покинул Эней, мифический основатель Рима [Там же, с. 47]. Кроме того, искали легитимность крестоносцы и в пророчествах. Так, Робер де Клари писал о двух статуях, предсказавших приход крестоносцев с Запада [Там же, с. 40].

Таким образом, теперь место греков заняли западные рыцари, которые не скрывали преемственности от Византийской империи, о чем свидетельствует, к примеру, коронационный ритуал Балдуина I, который детально описывает де Клари [Там же, с. 44]. Внушить же идеи легитимности населению бывшей Византийской империи было намного сложнее. На весь православный мир произвело огромное впечатление событие в Константинополе в 1204 г.: кроме того, сама власть крестоносцев также не была особенно комфортной [Никита Хониат, с. 243].

«Пионером» в приобретении симпатий православного населения был, безусловно, Бонифаций Монферратский, который, став королем Фессалоник, лишь укрепил свои связи с Византией посредством брачного союза с Маргаритой Венгерской, женой императора Исаака Ангела. Общий сын их носил греческое имя Димитрий. В свите Бонифация имелись греческие архонты: так, Михаил Дука поначалу был приближенным короля Фессало-

ник [Жоффруа де Виллардуэн, с. 58]. Но после гибели Бонифация в 1207 г. попытка соединить латинскую и греческую преемственность при дворе фессалоникских королей потерпела крах: ломбардские феодалы всячески боролись против франков в Константинополе и королевы Маргариты. К сожалению, борьба ломбардцев с Константинополем и греками стала причиной падения королевства уже в 1220-х гг.

Положение франков в Константинополе поначалу было совершенно иным. После битвы при Адрианополе франки вынуждены были искать союза с греками и, очевидно, стали необходимы новые инструменты, кроме грубой силы. Политика Генриха Фландрского по отношению к грекам была куда более мягкой, нежели у его предшественника и преемников. Генриха крайне положительно охарактеризовал византийский историк Георгий Акрополит [Акрополит 2005, с. 59], но после смерти Генриха его политика была постепенно свернута.

Однако Латинская империя не смогла увлечь ни рыцарей Запада, ни греков на свою сторону надолго. Уже в период осады Константинополя от лагеря откололась часть крестоносцев: один отряд ушел на службу к королю Венгрии, в то время как второй отряд, посчитав задачу Крестового Похода неосуществленной, отправился в Утремер пешим путем и был уничтожен турками [Жоффруа де Виллардуэн, с. 44]. Другой отряд в 1205 г. бежал из Родосто на Запад [Там же, с. 72]. Кроме того, другим центром притяжения латинян была Никейская империя. К примеру, на стороне никейцев воевали латиняне, 800 из которых погибли в сражении с сельджуками у Антиохии-на-Меандре в 1211 г. П.И. Жаворонков охарактеризовывает их как наемников [Жаворонков 1999, с. 208]. Однако существуют другие мнения: так, С. Гаген в своей работе «Византийское право» охарактеризовывает этих 800 латинян, как крестоносцев, «по соображениям совести» добровольно перешедших на сторону Феодора Ласкариса [Гаген 2012, с. 57]. Папе Иннокентию пришлось выпустить в 1210 г. буллу, запрещающую переход латинян на сторону никейского императора под угрозой отлучения.

Еще более скептическим было отношение местного населения. Политика Бонифация, Генриха, а также князей Греции позволила привлечь на свою сторону местных греческих архонтов. Хониат охарактеризовывал их крайне негативно [Никита Хониат, с. 261]. Всего двадцать лет спустя после битвы при Пиманионе (1222 г.) Никейская империя практически полностью изгнала латинян из Азии.

Таким образом, для ответа на вопрос, зачем же крестоносцы пришли в христианскую Византию, ими самими было придумано приличное число ответов. По сути, можно сказать, что со стороны крестоносцев вторжение в Византию выглядело как наведение порядка, возвращение Византии в лоно Римской церкви и передача власти в стране от «недостойных» гре-

ков тем, кто действительно этого заслуживает. Крестоносцы предполагали, что стали новыми хозяевами Константинопольской империи, получившими право на все ее земли, и вряд ли им могло прийти в голову, что их вторжение стало началом той медленной агонии, что позднее приведет к гибели Византийского государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Георгий Акрополит. История. СПб., 2005.

Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя. URL: https://royallib.com/book/villarduen_goffrua/zavoevanie_konstantinopolya.html

Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина. URL: https://royallib.com/book/honiat_nikita/istoriya.html

Робер де Клари. Завоевание Константинополя. URL: https://royallib.com/read/klari_rober/zavoevanie_konstantinopolya.html#0

Гаген С.Я. Византийское правосознание IV–XV вв. М., 2012.

Жаворонков П.И. Западные и восточные реалии в социально-политической и духовной жизни Никейской империи // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999.

Заборов М.А. Папство и крестовые походы. URL: https://royallib.com/book/zaborov_mihail/papstvo_i_krestovie_pohodi.html

Успенский Ф.И. История крестовых походов. СПб., 2000.

Филипс Дж. Четвертый крестовый поход. М., 2010.

D.S. Selkov
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

IDEOLOGICAL LEGITIMIZATION OF THE CRUSADER STATE ON THE TERRITORY OF BYZANTIUM

This article analyzes the justifications that the crusaders cited as the idea of founding the Latin Empire on the lands of Romania (Byzantine Empire). The era of mercenaries had not arrived, and the crusaders, like their new Greek subjects, needed to establish Latin claims to new lands. New states needed an increase in the number of knights from Western Europe, which also needed a certain attractive idea that could justify expansion into the Balkans and Asia Minor. Did the Latin Empire manage to prove its legitimacy to both the crusaders and the Greeks?

Keywords: History of Byzantium, Latin Empire, Fourth Crusade.

В.А. Якунина
г. Великий Новгород (Россия)
НИЦ Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ТЕРМИНА «ORDELL» В ПИСЬМАХ МАГИСТРАТА НАРВЫ В РЕВЕЛЬ XV в.*

Одной из главных проблем исторического перевода является сохранение специфики значения термина, который должен быть органично вписан в исторический контекст и понятен читателю, при этом эквивалент в другом языке не всегда имеется. Примером такой смысловой неоднозначности является слово «ordell» (das Urteil) в нижненемецком диалекте XV в., которое в зависимости от контекста может принимать различные смысловые оттенки. Для грамотного перевода и понимания текста необходимо разобраться в юридической терминологии исторического периода и региона. Данному вопросу и посвящена статья, в которой автор на примере официальных писем магистрата Нарвы в Ревель анализирует случаи употребления данного слова и предлагает несколько контекстных вариантов перевода.

Ключевые слова: источниковедение, проблемы перевода, магистрат, das Urteil, Нарва, Ревель.

При изучении истории Нарвы исследователь-медиевист сталкивается с проблемой — архив средневековой Нарвы не сохранился. Отдельные части архива существовали еще к концу Ливонской войны, но и они погибли в пожарах 1610 и 1659 гг. либо во время Северной войны 1700–1721 гг. [Кивимяэ 1981, с. 15–16]. Полностью не сохранился и архив Нарвского замка, принадлежащий орденской администрации, хотя еще в преддверии XIX в. в одной из башен замка хранился архив фогтов Нарвы вместе с грамотами XVII в., который в 1823 г. за ненадобностью был отослан на бумажную фабрику на переработку [Dieckhoff 1930, s. 96–115].

В этой связи неоценима значимость архивного наследия, хранящегося в Таллиннском городском архиве в фонде Ревельского магистрата (фонд 230)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-18-00183.

[Tallinna Linnaarhiiv, f. 230], который содержит письма орденской администрации (фогтов и хаускомтуров) и городских властей (магистрата) Нарвы, адресованные магистрату Ревеля. Документация нарвского магистрата [TLA. 230, BD 8 II] содержит 66 писем, охватывая временной отрезок с 1473 по 1494 гг. Часть писем опубликована в транскрипциях на средненижненемецком (33 письма) в изданиях «Liv, -Esth -und Curländisches Urkundenbuch» [Neitmann K. u.a. 2018; Gahlbeck C. u.a. 2019], «Hansisches Urkundenbuch» [Stein 1907; Stein 1916], вторую часть транскрибирована и переведена автором.

Работа по транскрипции и переводу данных материалов осложняется рядом факторов, однако в данной статье хотелось бы обратиться к проблеме перевода термина «*ordell*», что со средненижненемецкого на немецкий означает das Urteil (вердикт, приговор, судебное решение, либо мнение, суждение, решение). В корреспонденции магистрата Нарвы в Ревель термин употребляется более 80 раз. Мы наблюдаем два наиболее частых значения: первое — приговор, судебное постановление, второе — судебный иск. Для обозначения приговора по делу, который был вынесен судом также используются термины «delinghe» (die Teilung) и «affsprake» (das Aussprache). В словаре под редакцией Карла Шиллера и Августа Люббена [Schiller, Lübben 1875, s. 499] для термина «delinghe» со знаком вопроса встречается еще определение «Antrag auf ein Urteil» (ходатайство на вынесение приговора), однако в указанном комплексе источников данное значение отсутствует. В значении «иск», «жалоба» у нас имеется указанный выше термин «ordell», а также «clage» (die Klage), при этом частота использования «ordell» гораздо выше, у нас имеется лишь менее десяти употреблений существительного «clage».

Целесообразно привести ряд примеров использования указанных терминов. Перевод приведен в соответствие с нормами русского языка, стараясь избегать буквализмов:

№	сигнатура	средненижненемецкий	перевод
1	TLA. 230. BD 8 II, fol. 5.	…unde dar so enß mit ***ordel*** unde rechte von gescheden iß. Des iß nu upt nye gekomen vor unß in sittende rade von gerichte mit boschulden ***ordelen*** <…> hiir to stede…	…и в соответствии с этим был принят ***приговор*** и дана управа. В настоящее время в связи с этим на судебном заседании [городского] совета с обвинительными ***исками*** здесь предстали.

2	TLA. 230. BD 8 II, fol. 5.	Duth heft de frowe boschulden an juwe ersamheit, de unß wedder na older, geloveliker wonheit dar ere ***delinge*** und ***affsproke*** up gesant hebben und sodan unse ***delinge*** unde ***affsproke*** geconfermeret unde bostediget.	Поскольку женщина пожаловалась на то вашим почтенствам, которые, в свою очередь, в соответствии со стариной, достохвальным обычаем прислали нам на это свои ***решение*** и ***приговор*** и затем утвердили, и приняли наше ***решение*** и ***приговор.***
3	TLA. 230. BD 8 II, fol. 5.	Dar wii denne na ***clage*** unde antworde vorscreven na Lubesschem rechte unse ***delinge*** unde ***affsproke*** up gedan hebben.	Затем в ответ на вышеназванные ***жалобы*** и ответы мы в соответствии с любекским правом вынесли наше ***решение*** и ***приговор.***
4	TLA. 230. BD 8 II, fol. 7.	…de gnante Bertram dar wedder up antwordet, iß egentlick unde clar uthgedrucket in desser <und> anderen insgesloten cedulen unde ***ordel*** dessulven Bertrams, de wii ock hiirynne senden vorsloten juwer ersamheit, alß sodan cedulen unde ***ordel*** von beyden vorscreven parten clage unde antwort von gerichte in den raet gelecht is	…названный Бертрам, в свою очередь, ответил, что все по этому делу выражено по существу и ясно в этой [и] других вложенных записках и в ***иске*** этого самого Бертрама, который мы также отправили вложением вашему почтенству. Наряду с этими записками и ***исками*** обеих вышеназванных сторон жалобы и ответ суда представлены в [городской] совет.
5	TLA. 230. BD 8 II, fol. 12.	…unde deßhalven vor unß mit ***ordel*** unde mit rechte gescheden syn unde ock boschulden an iuwe ersamheit	…и поэтому он должен был с ***приговором*** и по праву явиться к нам, а также обратиться к вашему почтенству с жалобой.

6	TLA. 230. BD 8 II, fol. 31.	…vor uns in sitte[nde] m rade van gerichte myt beschuldeden ***ordellen*** gekomen syn, alze myt name Arnt Erlerdes, borger unde inwoner dusser stede, van deme enen vor eynen anclegher, van deme andern dele vor enen antwerdesman myt name Engelbrecht Hemmynck	…к нам на судебное заседание совета с обвинительными ***исками*** прибыли некто по имени Арнт Эрлердес, бюргер и житель этого города, с одной стороны, как обвинитель, и, с другой стороны, как ответчик некто по имени Энгельбрехт Хемминг.
7	TLA. 230. BD 8 II, fol. 35.	…de wy fruntliken bidden des vorgescr[even] ***ordellen*** gutliken delen unn entscheyden willen unn de uns na older geloveliker warheit vorsegelt senden wedder umme.	…мы дружески просим соблаговолить поучаствовать в [рассмотрении] вышеописанных исков и принятии решения и отправить их нам, скрепленными печатью, в соответствии со старинным достохвальным обычаем.

Как видно на приведенных выше примерах, а также подтверждается анализом всего комплекса писем — при использовании термина «ordell» вместе с прилагательным «boschulden» (от «beschuldigen» — обвинять) корректным переводом будет является такое слово, которое бы обозначало обвинение, официально оглашенное пред членами Совета лично истцом, либо через полномочного представителя. Наиболее походящим для нас в таком случае представляется словосочетание «обвинительный иск».

Данный, казалось бы, небольшой нюанс при переводе одного термина, зачастую может играть ключевую роль в понимании смысла всего текста. В 1970 г. И.Э. Клейненбергом, безусловно одним из ведущих советских специалистов в переводе средненижненемецкого диалекта, была допущена такая неточность [Клейненберг 1970, с. 130–150], что изменило часть смысловой нагрузки письма. В примере ниже «boschulden ordelen» переведено как «опротестованный судебный приговор», в то время как нам представляется верным перевод «обвинительные иски». Перевод, предложенный Игорем Эриховичем, указывает на продолжающееся разбирательство дела, однако по стилю письма и характеру изложения дела мы понимаем, что оно заслушивалось первый раз и поданная апелляция в Ревель, также была направлена впервые. Такая неточность, скорее всего, была допущена в связи

с отсутствием И.Э. Клейненберга второй части дела, которая была опубликована только в 2019 г. При этом, использование им в переводе другой части письма термина «иск», лишь подтверждает нашу концепцию о двойственном значении термина «ordell».

	средненижненемецкий	**перевод И.Э. Клейненберга**
TLA. 230. BD 8 II, fol. 6	…unß in sittendem rade mit boschulden **ordelen** syn gekomen alß en Pleßkower genomet Jackime	к нам на заседание магистрата с опротестованным [нашим] судебным **приговором** пришли псович по имени Яким
	…unde desulve Russe den gnanten Hermen mit **ordel** unde mit rechte angesproken hefft von wegen ener tunnen sipollensades…	…и этот русский [некоторое время тому назад] предъявил через [наш суд] [выше] названному Герману **иск** по поводу бочки семян репчатого лука…

Таким образом мы видим, что корректный перевод не возможен без изучения исторического контекста и сравнительного анализа с документами эпохи и схожими архивными коллекциями. Только комплексный подход позволяет наиболее точно понять и воспроизвести содержание средневековых текстов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Gahlbeck C., Mahling M., Neitmann K., Thumser M. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch Ab. 1. Bd. 13. Wien; Köln; Weimar, 2019.

Neitmann K., Thumser M., Mahling M. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch Ab. 1. Bd. 13. Köln, 2018.

Stein W. Hansisches Urkundenbuch. Bd. 10. Leipzig, 1907.

Stein W. Hansisches Urkundenbuch. Bd. 11. München; Leipzig, 1916.

Tallinna Linnaarhiiv, f. 230, Tallinna magistraat. BD 8 II, fols. 1–66.

Кивимяэ Ю. Нарвский вопрос в 1494–1558 гг.: дис. ...канд. ист. наук. Таллин, 1981.

Клейненберг И.Э. Оформление договора купли-продажи и мены в ганзейской торговле Новгорода и Пскова // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 3. Л., 1970.

Dieckhoff E. Das Narvasche Stadtarchiv // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1928. Dorpat, 1930.

Schiller K., Lübben A. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Erster Band. A-E. Bremen, 1875.

V.A. Yakunina
Veliky Novgorod (Russia)
SRC of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

ON THE TRANSLATION OF A TERM "ORDELL" IN LETTERS OF THE NARVA'S TOWN COUNCIL TO REVAL IN THE 15th CENTURY

One of the main problems of historic translation is the maintaining of specifics of a term meaning, that should look seamless in the historical background and be clear to the reader, while not always there is an equivalent in another language. As an example of such semantic ambiguity could be a word "ordell" (das Urteil [judgment, decision]) in the Low German dialect of the 15th century, that can have different shades of meaning depending on the context. To translate and understand a text appropriately, it's necessary to gain insight on legal expressions of the certain historic period and region. This article is on this issue, and the author analyzes the use of this word and offers several context-dependent translations through the example of official letters of Narva's town council to Reval.

Keywords: source studies, translation problems, town council, das Urteil, Narva, Reval.

М.А. Несин
г. Санкт-Петербург (Россия)
МОО «Историческое сознание»

ПОХОД ИВАНА III В В. НОВГОРОД 1475/76 гг. И ЧУДО НА ГОРОДИЩЕ ВЕЧЕРОМ 29, ИЛИ В НОЧЬ НА 30 НОЯБРЯ 1475 г. ПО ПСКОВСКИМ ЛЕТОПИСНЫМ ДАННЫМ

Данная работа посвящена анализу псковского летописного рассказа о походе Ивана III в Новгород 1475/76 гг. и интерпретации уникального известия о чуде на Городище. Ставится вопрос о роли новгородского «Плесковского» двора в быстром извещении псковичей о новгородских событиях и новгородцев — о псковских.

Ключевые слова: Иван III, Великий Новгород, Городище, Городищенское стояние, огненный столп.

Псковский летописный рассказ о походе великого московского князя Ивана III в В. Новгород 1475/76 гг. отразился в Псковской III летописи (*Далее* — ПЛ3). ПЛ3 представлена двумя списками — Строевским середины XVI в. и 2-м Архивским XVII в. По мнению исследователей, она представляет собой летописный свод 1567 г., в основе которого лежал свод 1481 г. Рассказ о новгородском походе Ивана III 1475/76 гг. фактически используется историками в качестве аутентичного источника.

Он содержит некоторые уникальные сведения. С одной стороны, псковский хронист плохо знал имена 6 арестованных и депортированных Иваном III новгородских бояр. Назвал только 5, не упомянув Богдана Есипова (то ли не по незнанию, то ли, так сказать, для краткости). Но Ивана Лошинского спутал с Василием Казимиром, который был выслан из Новгорода уже в 1481 г. и не был обвинен ни в каких преступлениях. А точнее, летописец сложил 2 лиц — Ивана Лошинского с Василием Казимиром, получив в сумме некого Василия Казимира Илошинского [ПЛ. Вып. 2, с. 200]. Можно ли в этой связи доверять псковскому книжнику, назвавшего одного из этих арестованных бояр, сына Марфы Борецкой Федора Дурнем [Там же]? В других сравнительно близких ко 2-й пол. XV в. источниках, в том числе в московских и промосковских, негативно характеризовавших Марфу Борецкую и ее

сторонников, такое прозвище у него не упоминается. В Симеоновской летописи, сохранившейся в списке XVI в., Федор Исакович Борецкий назван Дурным [ПСРЛ. Т. 18, с. 251]. Но сама фраза об аресте новгородских бояр в ней построена иначе, чем в иных летописях, сохранивших текст повести московского великокняжеского летописания XV в. об этом походе Ивана III. Очевидно, она была изменена переписчиком XVI в. А созвучные слова «дурень» и «дурной» имели в древнерусском языке разные значения: «дурень» — слабоумный, помешанный, а «дурной» — негодный, плохого качества, предосудительный, безнравственный, враждебно настроенный, грубый, уродливый, некрасивый [Словарь… 1977. Вып. 4, с. 376–378]. И не ясно, какое из этих прозвищ в действительности имело отношение к Ф.И. Борецкому.

С другой стороны, обилие дат и точных привязок к дням недели, связанных, прежде всего с псковскими посольствами, прибывавшими к Ивану III в Новгород, склоняют к выводу, что в ПЛ3 отразилась современная запись, сделанная по свежим следам[1]. Так как псковские послы прибыли в Новгород после ареста 6 новгородских бояр, псковскому книжнику было извинительно плохо знать их имена. Вместе с тем, псковский хронист сообщил ряд уникальных сведений о причине великокняжеского похода, поведении великокняжеских войск и убытках, понесенных новгородцами, которые в основном косвенно подтверждаются независимыми данными других источников.

Так, по сообщению ПЛ3, Иван III поехал в Новгород по призванию новгородцев из числа житьих и молодших людей, жаловавшихся на посадников и великих бояр [ПЛ. Вып. 2, с. 200]. Псковский хронист был неточен в социальной характеристике жалобщиков: в дальнейшем по данным великокняжеского летописания, на некоторых посадников и бояр жаловались представители широких слоев (например, целые улицы), в том числе и бояре [Несин 2013]. Вместе с тем, сведения ПЛ3 о поездке Иван III по зову жалобщиков, являются достоверными: согласно обстоятельному рассказу московского великокняжеского летописания «о поезде великого князя в Великий Новгород» (в основе которого лежали записи походного дневника [Алексеев 1992, с. 205; Алексеев 1993, с. 98][2]), жалобщики никогда не встречали княжеский поезд во время движения, а всегда прибывали на станы, и эти встречи происходили на юге Новгородской земли, более чем за 100 км.

---

[1] Поскольку ни в Новгородской, ни Псковской республиках неизвестно существование посольских книг и посольских записей дневникового характера, скорее всего псковский летописец писал по свежей памяти.

[2] Еще В.Н. Бернадский в связи с тем, что в этой летописной повести указаны даты великокняжеских пиров у новгородских бояр с перечнем дорогих подарков, заключил, что это результат ежедневных записей великокняжеских дьяков [Бернадский 1961, с. 296].

от города. Значит, график движения великого князя был заранее известен новгородцам [Несин 2019, с. 115].

Кроме того, ПЛ3 сообщает, что великокняжеские войска, став в монастырях вокруг обеих половин Новгорода, грабили многих христиан по дорогам, селам и монастырям [ПЛ. Вып. 2, с. 202][3]. Это косвенно подтверждает независимое свидетельство современного новгородского хрониста, что от войск Ивана III был в Новгородской земле убыток с кровью [ПСРЛ. Т. 4, с. 449].

При этом, согласно ПЛ3, новгородский владыка, посадники и новгородцы много потратились на «корм» (содержание) великого князя, его людей и коней, а так же на «дары», и не было числа и края и «сполу» (половине) вывезенного «от них» золота и серебра [ПЛ. Вып. 2, с. 202]. Это перекликается с независимым известием Типографской летописи (*Далее* — ТЛ), что Иван III взял в Новгороде много богатства [ПСРЛ. Т. 24, с. 195]. Возможно, что слухи об этом легли в основу сообщения Я. Длугоша, что захватив Новгород, Иван III ограбил «biskupa» и вывез 300 возов золота, серебра, и прочих драгоценностей [Diugosz 2009. Ks. 12, s. 458]. Упомянутые в ПЛ3 «дары» относились к пирам, которые по данным великокняжеского летописания, владыка, посадники и бояре устраивали для великого московского князя; на пирах ему преподносили дорогие подарки [Алексеев 1992, с. 215; Алексеев 1993, с. 111–112][4]. Другое дело, что в целом псковский книжник не оценивал поездку Ивана III в Новгород «на суд и управи» однозначно негативно, характеризуя осужденных великим князем новгородских бояр как «насилников» [ПЛ. Вып. 2, с. 200].

В Строевском списке ПЛ3 приезд Ивана III в Новгород датирован 21 ноября 6984 (1475) г., во вторник в день Введения в храм Богородицы [Там же]. Это перекликается с независимыми известием новгородского книжника, отнесшего данное событие к этой же дате и тому же церковному празднику [ПСРЛ. Т. 4, с. 449][5] и формально расходится со сведениями московско-

---

[3] При том, псковский хронист упоминает, что «темъ же было от нихъ [великокняжеских людей] сильно» — насилие. Не ясно, касалось ли это занятых великокняжескими войсками монастырей, или новгородцев вообще, тех «христиан» которых воины Ивана III грабили по дорогам, селам, монастырям.

[4] По мнению ученого, «для проницательного псковича» «суть» великокняжеского похода в Новгород была «в суде и управе великого князя над насильниками, а не в том», что владыке, посадникам и новгородцам пришлось потратиться на «корм» и «дары» [Алексеев 1992, с. 215; Алексеев 1993, с. 111–112]. Но источник не дает оснований для таких выводов и не позволяет установить, что из эго было важнее для псковского летописца.

[5] В более позднем 2-м Архивском списке ПЛ3 ошибочно указано 23 число [ПЛ. Вып. 2, с. 200, примеч. 19]. В ТЛ прибытие Ивана III привязано к «Введенье-ву дню», но по ошибке датировано 22 числом [ПСРЛ. Т. 24, с. 195].

го летописания дневникового происхождения, согласно которым, 21 числа Иван III прибыл на Городище (расположенную в 2 км. от В. Новгорода пригородную великокняжескую резиденцию), а в город приехал 23-го [ПСРЛ. Т. 6, стб. 244–245]. Но псковский книжник, охарактеризовавший пребывание Ивана III «в Новегороде» в течение 9 полных недель как стояние «на Городищи» [ПЛ. Вып. 2, с. 202], прибытие великого князя на Городище 21 ноября 1475 г. воспринимал как приезд в В.Новгород[6].

Согласно ПЛ3, «Псковъ», узнав о приезде Ивана III, в «в те же часы» «на тои же недели в четврек» (23 ноября. — *М.Н.*) отправил к нему посольство, состоявшее из 4 посадников — Ивана Агафоновича, Алексея Васильевича, Никиты Илларионовича и Кузьмы Андроновича, 2 бояр от каждого конца (то есть 12 бояр от 6 концов Пскова. — *М.Н.*) и некоторого количества сыновей посадничьих. Послам дали 50 руб. в дар Ивану III [ПЛ. Вып. 2, с. 200–201]. В псковских летописях за 1470-е гг. неоднократно встречается выражение «в те же часы», иногда употребляемое в переносном значении (как в наши дни — слово «сейчас»). К примеру, в 1471 г., великокняжеский посол Василий Зиновьев, все те дни, что жил в Пскове, призывал псковичей «сими часы» пойти с ним войной на Новгород и псковичи собрались в «тыя часы» [Там же, с. 181; Несин 2021]. Но 1475 г. псковичи действовали быстрее. При отсутствии современных средств связи, весть о прибытии 21 ноября великого князя под Новгород поступила в Псков, расположенный от Новгорода в 250 км., не раньше 23 числа. В 1472 г. за 1 сутки с утра 29 до утра 30 июля 1472 г. покрыл 150 км. от Алексина до Москвы. В 1500 г. гонец за 3 дня с 14 по 17 июля проскакал около 350 км. от р. Ведроши до Москвы. Так что псковичи, узнав о приезде Ивана III на Городище, отправили к нему послов в тот же день. (В этой связи представляется несколько недооцененной в историографии роль новгородского «Плесковского двора», располагавшегося на Торговой стороне у Ярославова двора, в быстром оповещении псковичей о новгородских делах и новгородцев о псковских. Как иначе новгородцы в 1471 г. успели бы собрать войска против разорявших их земли псковичей, если те подошли к новгородским рубежам лишь 12 июля, а новгородцы вечером 13 и утром 14 были уже в 70 км. от города в низовьях р. Шелонь? То есть выступили из Новгорода не раньше 12 числа, заранее узнав о готовящемся вторжении псковичей. Кто донес, если не псковский гонец, прибывший на Псковский двор? И кто, если не гонец с Псковского двора, уже 23 ноября 1475 г. сообщил псковичам о приезде на Городище Ивана III., который их к себе не звал?).

---

[6] Вероятно, это касается и новгородского хрониста, связывавшему прибытие Ивана III с войском в Новгород с занятием загородных монастырей, монастырских «дворцов», Городища, арестом на Городище 6 новгородских бояр и отмечавшему, что Иван III пробыв на Городище 9 недель, отбыл в Москву [ПСРЛ. Т. 4, с. 449].

Выехав из Пскова в четверг 23 ноября 1475 г., псковское посольство прибыло в Новгород во вторник на следующей неделе [ПЛ. Вып. 2, с. 201], то есть 28 ноября, в среднем проезжая ок. 50 км. в день по осенним дорогам. Для послов (а не гонцов), это была хорошая скорость.

А менее, чем через 2 дня после приезда в Новгород псковских послов, в ночь на четверг (по современному счету это соответствовало позднему вечеру 29, или ночи на 30 ноября. — *М.Н.*) согласно уникальному сообщению ПЛ3, некие «вѣрные» видели и слышали «чудо»: «как столпъ огнян стоящь над Городищем от небеси до земля, тако же и гром небеси, и по сихъ ко свѣту (до рассвета. — *М.Н.*) не бысть ничто же, вся си Богъ укроти своею милостью; яко же рече пророк: не хощет бо Богъ смерти грѣшьничь, но ждеть обращениа» [Там же]. Стоит отметить, что здесь дана отсылка к книге пророка Иезекиля: «Скажи им: живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был. Обратитесь, обратитесь от злых путей ваших; для чего умирать вам, дом Израилев» (Иез: 33: 11). Но ни в этом, ни в соседних стихах нет ничего похожего на грозу и огненный столп. Псковский книжник лишь подкрепил словами пророка свою мысль, что «столъ огнян… тако же и гром» — Божье предупреждение грешникам.

Исследователи почти не пытались внятно объяснить эти явления. Пожалуй, единственным ученым, предпринявшим попытку в этом разобраться, был Ю.Г. Алексеев. Он процитировал известие ПЛ3, что в ту ж ночь «“Стряхнувшеся Великан Новгород против князя великого”. Всю ночь была тревога (“пополох”) “по всему Новуграду”». «А “мнози вернии”», по мнению ученого, «наделенные достаточно сильным воображением», (очевидно, встревоженные новгородцы. — *М.Н.*) «видели даже, “как столп огнян стоящь над Городищем от небеси до земли, тако же и гром небеси”» [Алексеев 1991, с. 106]. Стоит согласиться с исследователем, что эта тревога не вылилась в вооруженный конфликт В.Новгорода с великим князем [Там же]. Но действия Ивана III должны были тревожить новгородцев не только из-за гипотетического подстрекательства бояр [ср.: Там же]. Иван III, приехав судить некоторых местных бояр, оцепил весь город войсками, фактически введя военное положение, да еще 2 бояр — Ивана Афанасьева с сыном Олферием, арестовал лишь за то, что они «мыслили», чтобы Новгород перешел под юрисдикцию Литвы, дав понять вольным мужам новгородцам, что теперь даже такие мысли приравниваются к измене. Надо отметить, что в псковском источнике волнение новгородцев и увиденные «вѣрными» чудеса прямо не связываются между собой, хоть и произошли в ту же ночь. И видение не приписано новгородцам. Видимо, его наблюдали именно псковские послы.

Во-первых, в современном новгородском летописании «чудо» не упомянуто. Новгородский хронист негативно оценивал великокняжеский поход, заключая, что он принес Новгородской земле большой убыток с кровью [ПСРЛ. Т. 4,

с. 449]. И если бы в Новгороде считали, что пребывание Ивана III на Городище сопровождали грозные знамения, то местный книжник упомянул бы о них.

Во-вторых, стоит учесть, что псковичи отправили в Новгород послов к великому московскому князю с просьбой дать управу на своего наместника, князя Ярослава Васильевича Оболенского. Вскоре после ночного «чуда», в пятницу, (1 декабря), псковские послы обсуждали свое дело с Иваном III, тот принял их подарок, 50 руб. и обещал: «коли здѣ се у мене князь вашь будеть Ярославъ, язъ вас отпущу» [ПЛ. Вып. 2, с. 201]. Князь Я.В. Оболенский, получив от псковичей в подарок 20 руб. за поездку, прибыл в Новгород во вторник 12 декабря и стал жаловаться на псковских посадников. Иван III отпустил псковских послов, сказав, что пришлет к ним своих людей. Послы, прожив в Новгороде полных 4 недели, согласно Строевскому списку ПЛ3, вернулись в Псков в субботу 31 декабря (в источнике по ошибке указано «января)». А на другой день в воскресенье 1 января, прибыл наместник с двумя великокняжеским послами, Василием (Федоровичем) Китаиным и неким Морозовым [Там же]. Во 2-м Архивском указаны иные даты: суббота 31 и воскресенье 30, а возвращение послов тоже ошибочно отнесено к январю [Там же, примеч. 46, 52]. В действительности суббота приходилась на 30, а воскресенье на 31 декабря. Поскольку в этом летописном рассказе преимущественно указаны не числа, а дни недели, то возвращение псковских послов и наместника с великокняжескими послами стоит отнести к субботе и воскресенью 30 и 31 декабря 1475 г. Псковские послы, прожив в Новгороде с 28 ноября целых 4 недели, выехав утром 26 декабря, могли поспеть в Псков 30-го. Речь великокняжеских послов, обращенная к псковичам [Там же, с. 201–202], раскрывает причины конфликта псковичей с наместником, и поездки в Новгород к Ивану III: псковичи находили, что великокняжеский чиновник брал излишние поборы. Но великий князь поддержал своего наместника.

А в ноябре псковские послы еще надеялись, что Иван III примет их сторону. Вероятно, они, увидев ночное «чудо» над Городищем вечером 29 ноября или в ночь на 30 ноября, восприняли его как знак его Божьего гнева на грешников и решили, что Бог поможет им добиться снижения несправедливых, по их мнению, наместничьих поборов. Тем более, что псковский хронист не выражал сочувствия к арестованным Иваном III новгородским боярам, оценивая действия последних как «насилие» над новгородцами [Там же, с. 200]. Грешниками в этом контексте выступали такие бояре, а не Иван III, вступившийся за новгородских жалобщиков. А уж если Бог заодно с великим князем, то псковские делегаты имели резон ожидать от последнего поддержку. Любопытно, что они явились к Ивану III через 1,5 дня после случившегося на Городище ночного «чуда» (достаточный срок для того, чтобы набраться храбрости после грозного знамения). Наверное, они прибыли на Городище, на котором жил Иван III во время своего «Городищенского стояния».

Что касается «чуда», то оно не являлось игрой чьего-то воображения, а было связано с природными явлениями. Гром, грянувший в конце ноября без дождя и молнии — это поздняя сухая гроза. Ноябрьские грозы случаются редко, особенно в северных широтах. Да и сухие грозы — без осадков, а иногда — без видимых с Земли электрических разрядов — бывают нечасто. Кто-то из средневековых людей не придал этому «грому» значения, а кому-то он казался чудом.

Известие ПЛ3 об огненном столпе нельзя однозначно интерпретировать. В работах А.М. Ранчина и Д.В. Пузанова другие упоминания огненных столпов в древнерусских источниках справедливо рассматривались не с точки зрения явлений природы, а как проявления религиозных представлений средневековых людей [Ранчин 1994; Ранчин 2007, с. 128–134; Пузанов 2015]. Но, как правило, огненные столпы не выступали в качестве грозного знамения, которое Бог «укротил» по своей милости — предупреждения грешникам, чьей смерти Он не хотел, ожидая их исправления. Появление огненных столпов связывалось с праведниками или с храмами, оные столпы символизировали благоволение высших сил к святому человеку, или месту. И если прочие упоминания огненных столпов в древнерусских источниках можно считать книжной «топикой», то столп над Городищем не вписывается в этот ряд. И обычно огненные столпы на Руси не связывались с грозой. Единственное исключение — упомянутый в ПВЛ под 1110 г. блуждающий огненный столп, появление которого сопровождалось молнией и громом[7] (версии о типологическом сходстве света над телом убитого молнией Артемия Веркольского с огненным столпом являются недоказуемыми).

Не исключено, что у огненного столпа над Городищем, как и у грома, есть естественное объяснение. Столп явно не имел отношение к северному сиянию. Во-первых, оно не напоминает одиночную полосу. Во-вторых, его видно на севере, а Городище находится к югу от города. Псковичи не стояли за городом южнее Городища. Не будучи приглашенными в Новгород, они не могли рассчитывать занять сельские дворы, или монастыри. А стоять поздней осенью — ранней зимой неделями в шатрах только ради попытки добиться у Ивана III снижения наместнических поборов (не ставя вопроса о смене наместника) — было нецелесообразно. Очевидно, псковичи остановились севернее Городища, на городском Псковском дворе. Но в этих широтах в темное время суток поздней осенью даже на юге можно было увидеть яркий столп. Несколько лет назад, темным осенним вечером я шел на юг из

[7] Благодарю Д.В. Пузанова за упоминание этого сюжета при обсуждении моего доклада. По наблюдению Д.В. Пузанова, об устрашающем значении огненного столпа прямо указано в труде «Увещевание язычников» римского историка Климента Александрийского. Но, по заключению ученого, «он, конечно, едва ли мог оказать непосредственное влияние на древнерусскую культуру».

Гуманитарного Института НовГУ. В воздухе, как это часто бывает поздней осенью, висела влага. По мере моего приближения широкий разноцветный небоскреб становился уже, принимая облик новгородской телебашни. А белый куст постепенно превратился в озаренный прожекторами Софийский собор. Вероятно, подобное явление видели псковские послы над Городищем поздним вечером 29 ноября или в ночь на 30 ноября 1475 г. Дым от огней, на которых готовили пищу для Ивана III и его людей, был хорошо виден в темноте, приобретая во влажном воздухе вид широкого столпа. А поскольку пищу для великокняжеских войск, наверное, готовили не в закрытых помещениях, а во дворе, столп с отблесками пламени выглядел огненным. Для новгородцев, привычным к ночному виду на осеннее Городище, это не было «чудом». А приезжим огненный столп над Городищем вкупе с редкой поздней сухой грозой казался грозным знамением.

Согласно ПЛЗ, 5 января, в канун Крещения, великокняжеские послы с псковским наместником опять поехали к Ивану III. С ними «Псковъ отрядивъ послалъ» двух псковских посадников, Зиновия Сидоровича и Степана Максимовича. Иван III подтвердил слова своих послов и сказал, что псковичам надо верить его людям как ему самому (явно давая понять, что псковичам следует во всем доверять и его наместнику, воспринимая любые наместничьи поборы как должное). «Послы псковскыя» вернулись в Псков в четверг 18 января «по обеде» [ПЛ. Вып. 2, с. 202].

Отъезд великого князя со всей его «силой» (войском) псковский хронист отнес к Петрову дню, ко вторнику 16 января [Там же]. В действительности, Иван III отбыл в Москву в следующий вторник, 23-го [Алексеев 1993, с. 111]. Эта дата точно соответствует указанному в ПЛЗ 9-недельному сроку стояния Ивана III на Городище [Борисов 2005, с. 262]. Впрочем, дата отъезда великого князя уже не была так важна для псковичей, как день приезда: псковское посольство, потеряв надежду добиться уменьшения наместничьих поборов, уехало от его еще в начале 10-х чисел января 1476 г., так как вернулось в Псков уже 18. Однако псковский хронист (видимо, опять же опираясь на донесение с «Плесковского двора») точно указал время суток, в которое уехал Иван III: «по рану» (утро) [Там же]. Московский великокняжеский хронист отнес отъезд Ивана III к раннему утру [ПСРЛ. Т. 25, с. 308].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Полное собрание русских летописей **[ПСРЛ]**. Т. 4. Ч. 1. Новгородская IV летопись. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Софийская II летопись. М., 2001.

ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2018.

ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 25. Московский великокняжеский свод конца XV в. М., 2004.

Псковские летописи. Вып. 2. М., 1995.

Алексеев Ю.Г. «К Москве Хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991.

Алексеев Ю.Г. Под знаменами Москвы: борьба за единство Руси. М., 1992.

Алексеев Ю.Г. Поход «миром» и Городищенское стояние 1475/76 гг // Новгородский исторический сборник. СПб., 1993. № 4 (14).

Борисов Н.С. Иван III. М., 2005.

Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. Л., 1961.

Несин М.А. Новгород 1470-х гг.: соотношение внешнеполитических исканий с преданностью родной «старине» // Новгородика — 2010. Ч. 1. В.Новгород, 2011.

Несин М.А. Архимандриты вечевого Новгорода // Novogardia. 2019. № 4.

Несин М.А. О некоторых особенностях организации московского военного похода на Новгородскую землю 1471 г. // Novogardia. 2021. № 2 (10). В печати.

Пузанов Д.В. Огненные и световые столпы в древнерусской литературе XI–XIII вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 5–6.

Ранчин А.М. «Огненный столп» в древнерусской агиографии: ветхо– и новозаветные истоки // Славяне и их соседи. Вып. 5. М., 1994.

Ранчин А.М. Вертоград Златословный: древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007.

Словарь русского языка XI–XVII ст. Вып. 4. М., 1977.

Dtugosz J. Roczniki czyli kroniki stawnego krolestwa polskiego. Ks. 12. (1462–1480). Warszawa, 2009.

M.A. Nesin
Saint Petersburg (Russia)
Public organization "Historical Consciousness"

IVAN III'S CAMPAIGN IN V. NOVGOROD IN 1475/76. AND A MIRACLE AT THE GORODISHCHE ON THE EVENING OF 29, OR ON THE NIGHT OF NOVEMBER 30, 1475 ACCORDING TO PSKOV CHRONICLE

Given article is devoted to the analysis of the Pskov chronicle information about the campaign of Ivan III to Novgorod on 1475/76 and the interpretation of the unique c story about the miracle at the Gorodishche. The question is raised about the role of the Novgorod "Pleskov" court in promptly informing the Pskovians about the Novgorod events and the Novgorodians about the Pskov ones.

Keywords: Ivan III, Veliky Novgorod, Gorodishche, Gorodishchenskoe standing, pillar of fire.

И.Ю. Непряхин
г. Москва (Россия)
Высшая школа экономики

СЛЕДЫ ЕРЕСИ ФЕОДОСИЯ КОСОГО В ЗЕМЛЯХ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

В статье предпринимается попытка поиска новых свидетельств о пребывании Феодосия Косого в Литве. Анализируются основные источники, рассказывающие о пребывании ересиарха за границей, а затем сопоставляются материалы одного западнорусского рукописного памятника XVI в. с учением «московского Лютера».

Ключевые слова: Ересь Феодосия Косого, Великое княжество Литовское, ересь, реформационные движения.

Одним из выдающихся явлений в истории русского православия в XVI в. стало появление в Московском царстве ереси Феодосия Косого, которая стала протестом против церковной системы на Руси. В этом явлении занимательна сама история жизни ересиарха, которую можно обрисовать благодаря имеющимся источникам. На определенном этапе жизни Феодосий Косой был вынужден бежать от преследований в Литву, где, как кажется, его след пропадает. Мы постараемся на ряде источников доказать, что это не так — деятельность Феодосия сильнее развернулась за пределами Московии, что отразилось в косвенных источниках по истории вольнодумства на восточнославянских землях.

Отметим, что «московский» этап жизни Косого кратко описан в двух сочинениях, написанных на его обличение — «Истины показание вопросившим о новом учении» инока Зиновия Отенского и анонимное «Послание многословное». На основании этих и дополнительных источников исследователи предпринимали попытки реконструировать жизнь Феодосия Косого. На наш взгляд, наиболее полно историю жизни Косого восстановил А.А. Зимин. Кратко перескажем его реконструкцию. Феодосий Косой был по происхождению холопского сословия и состоял при одном из слуг царя. Вскоре будущий ересиарх начал проповедовать ересь, которая была настроена враждебно к православию. Примерно во 2-й пол. 1540-х гг. Косой бежал

от своего господина на Белоозеро, где постригся в монахи. Через некоторое время Феодосий вместе со своими учениками Игнатием и Вассианом переместился на Новоозеро, где стал проповедовать свое учение под монашеским обличием. Рубеж 1551–1552 гг. стал временем «явления ереси», когда приверженцы «нового учения» стали говорить о себе и своих идеях, представ в глазах современников как «люторы»: они хулили основы православия — отрицали иконопочитание и почитание креста, культ святых и их мощей, не соблюдали посты, отвергали таинства, критиковали священников, призывали к неподчинению власти и настаивали на равенстве всех вер и народов. Движение Феодосия Косого получило широкий размах в Новгородских землях, что вызвало реакцию церкви и царской власти — начался сыск еретиков, которые были пойманы и привезены в Москву. Здесь феодосиане были заключены в один из монастырей, но ересиарх смог убедить стражников отпустить еретиков, что позволило им бежать из столицы. Источники вырисовывают маршрут бегства вольнодумцев: Игнатий бежал на Двину, а Феодосий Косой вместе с другими учениками — сначала во Псков, затем в Торопец и Великие Луки, продолжая по пути свою проповедь. Так они добрались до границ Московии, остановились у озера Усочорт, где переменили имена и направились в Литву. Там Феодосий женился на вдове-еврейке. На этом, как пишет А.А. Зимин, след московских еретиков теряется и вновь возникает лишь в 1575 г., отчего мы практически ничего не знаем о жизни вольнодумцев в Литве [Зимин 1958, с. 182–189].

Однако, как нам кажется, сегодня, благодаря открытию новых источников, можно конкретизировать жизнь Феодосия Косого в Литве и даже увидеть развитие его учения в новой среде. В первую очередь наше внимание привлекает заметка А. Венгерского о русских еретиках-перебежчиках, которая кажется очень запутанной. Историк сообщает, что Феодосий, Артемий и Фома (ранее не упоминавшийся в источниках) прибыли из Московии в Витебск в 1552 г., знали только русский язык, осуждали иконопочитание, боролись с ним и пополняли свои ряды проповедью. Далее он пишет, что местные православные атаковали еретиков, отчего последние последовали вглубь Литвы: Фома стал священником в Полоцке, а Феодосий, которому было уже 80 лет, вскоре умер [Лукашевич 1847, с. 2]. Видимо, дата в сочинении А. Венгерского была поставлена ошибочно (Г.Я. Голенченко предлагал считать датой появления беглецов-монахов в Литве 1554 г. — об этом писал другой историк Я. Лаский [Голенченко 1986, с. 156]), как и сведение о том, что Феодосий вскоре умер, поскольку по более поздним источникам мы узнаем о его деятельности в землях Литвы.

Вероятно, деятельность феодосиан не осталась бесследной в православном литовском обществе. А. Венгерский пишет, что витебские жители вскоре так же выступали против иконопочитания и призвали к себе про-

тестантских проповедников, а вскоре соорудили храм в Нижнем замке [Лукашевич 1847, с. 2]. Писатель XVII в. Селява отмечал, что русские еретики не только присоединяли в свое учение новых адептов, но и были вовлечены в реформационные споры. Процитируем этот отрывок из Antlenchus полностью: «Помогли им [протестантам] и чернецы московские, которых черт сам научил ереси, за что их посадили в Москве; и пришли в земли наши, соединились они с другими сенаторами и великое число Руси отравили; много их есть живых, кто их знал, с ними ел и пил, и дискурсы их слушал. С того ядовитого источника пошел и заразный поток Зизания, что Господь Иисус не есть помощник, что Папа — антихрист, что святых нет на небе, что черти не в аду» [Antelenchus 1914, с. 717]. Здесь мы можем засвидетельствовать, что феодосиане, во-первых, создали свою общину; во-вторых, русские еретики вступали в общение с литовскими протестантами и даже смогли повлиять на взгляды некоторых мыслителей.

Относительно недавно было найдено несколько источников, которые проливают свет на это движение. Впервые на русский они были переведены Г.Я. Голенченко [Голенченко 1986, с. 154–156] и М.В. Дмитриевым [Дмитриев 1990, с. 56–57]. Во-первых, это сведения Д. Утенхоу, который описывал свое пребывание в Вильно. Весной 1557 г. он писал, что встретил бежавших из Москвы монахов, которые проповедовали учение, очень похожее на протестантское, при этом оно не было заимствовано беглецами от европейцев, а исходило от них самих [Joannes Utenhovus 1848, p. 390]. Во-вторых, это письмо Д. Бурхера Буллингеру, от 16 февраля 1558 г. Д. Бурехер так же встретил в литовских землях московских еретиков, лидера которых он назвал «вторым Лютером или, скорее, Цвингли» и который издал свое исповедание веры. Как отмечает автор письма, бежав от обвинений в ереси, русские вольнодумцы долго не могли найти приют, пока их не принял воевода Вильно [Joannes Burcherus 1848, p. 448]. Конечно, однозначно доверять приведенным источникам не стоит, но они независимо приводят ряд фактов, совпадающих с историей движения Косого.

Кроме того, обратим внимание на еще одно известие. К 1560-м гг. следует отнести загадочное послание старца Артемия «К брату отступившему и жену понявшу». В нем он обращается к неназванному «возлюбленному брату и въ всѣхъ страданіихъ съобещнику» [Артемия к брату… 1878, стб. 1420]. Артемий пишет, что адресат некогда был монахом, но отступил от православия, нарушил обет и женился. Автор призывает собеседника покаяться в грехах, напоминает, что писал еретику не раз, но желает с ним «ко устом глаголати» [Там же, стб. 1423]. Отрывочное описание адресата послания дает нам возможность предположить, что им был сам Феодосий Косой: сюжет с женившемся монахом-отступником напоминает московский период жизни Косого. Еще одно важное замечание — это стремление Артемия к личной беседе

с адресатом: Феодосий, отказывавшийся писать свое исповедание на бумаге, мог не отвечать Артемию, но охотно вступал в устные диспуты. Этот куцый источник полезен нам тем, что мы убеждаемся, что Феодосий еще жив в 1560-е гг. Возможно, на 1560-е гг. и приходится женитьба Косого и еврейки.

Последнее сохранившееся сообщение о жизни Феодосия Косого относится к 1575 г. В письме Андрея Курбского Чапличу мы находим, что последний «от мутных источников напоенъ и от истинного самочинника, который есть достоинъ нарицатися истинным самочинником еже есть Игнатий чернецъ, и вторый Феодосий Кривой, а последи и арианином сталъ, яже развращенъ очима и душею бысть» [Епистолия ко Кодияну Чапличю… 1833, с. 184]. Курбский осуждает учителя Чаплича Игнатия в нарушении монашеских обетов и женитьбе [Там же, с. 185]. Автор письма сообщает, что Феодосий и Игнатий поселились у адресата со своими женами и занимаются не учительством (которое и так скверное), а стяжанием богатств. На основе письма мы получаем важное сведение — Феодосий вместе с учеником переместились из Вильно в имение К. Чаплича, где и осели. В итоге мы имеем в качестве итоговой точки «маршрута» феодосиан имение Чаплича на Волыни, где, вероятно, был последний крупный центр ереси.

Однако все указанные источники описывают, в первую очередь, «внешнюю» историю движения, что недостаточно для характеристики роли учения Феодосия Косого в православных землях Речи Посполитой. Поэтому мы хотели бы обратить внимание на рукопись, обнаруженную М.В. Дмитриевым в собрании Ю.А. Яворского в Российской Национальной библиотеке. Этот памятник представляет собой сборник толково-учительных слов, адресованных православным Литвы, поскольку написан на западнорусском языке. Необычность рукописи заключается в том, что при ее прочтении обнаруживаются протестантские идеи [Дмитриев 1990, с. 71–81]. На наш взгляд, уместно сравнить тезисы, изложенные в сборнике из собрания Яворского с тем, что нам известно о ереси Косого.

В первую очередь, в глаза бросается критика автором рукописи «епископувь і архїереовь и попув антихристовых», которые выступают против «правды» и стремятся подавить новые учения [ОР РНБ. Ф. 893. № 22, л. 64, 110, 192, 206]. Эти «антихристы» обвиняются в том, что отводят паству от истины к рисованным образам (т.е. иконам), к постановлениям соборов и к «старческим басням и вымыслам» [Там же, л. 188 об., 196 об.]. Кроме того, в сборнике говорится: «облуднїи пастыре и христїане … оучинили събѣ другого Христа липового малюваного и зас оучинили събѣ з хлѣба агньца телесного видомого пред которым кланѧютсѧ» [Там же, л. 210]. Здесь мы видим такое же радикальное выступление против обрядовости и внешнего благочестия, какое мы видели в текстах против феодосиан. Вероятно, это один из признаков воздействия проповеди Феодосия в Литве.

Но анонимный автор не просто критикует иерархов — в одном из фрагментов имеется противопоставление им «истинных христиан»: «тако и днесь чинѧт глупїи а облуднїи хрестїане которїи суть заведени измамени невольством антихристовым то есть фалшивми оуставами и наоуками облудными дѣлѧ которых наоук и оустав фалшивых повставют противо христови и слову его правдивому и ѩвнѣ Христа отмѣтуютсѧ… але мы вѣрнїи христїане Христа знаимы и господемь и царем и животадавцем своим власным вызнавиме» [Там же, л. 65–65 об.]. Это место, на наш взгляд, перекликается с идеями Феодосия, который заявлял: «и чада мы есмы яко познахом истину занеже у нас разум духовный … никому же так не открылася истина яко же нам открыся» [Послание многословное 1880, с. 143–145].

Кроме того, согласно тексту, Христос избавил мир от грехов, он — сын Бога, посредник между человеческим и божественным мирами. Он подает руку в жизнь вечную христианам [ОР РНБ. Ф. 893. № 22, л. 84–84 об.]. Заметим, что феодосиане видели в Христе роль посредника между Богом и человеком, искупителя грехов [Истины показание… 1863, с. 43].

Мы можем найти близкую к феодосианам идею равенства народов: «всѣ люде от початку свѣта имали таины и при таинах имали обѣтницѣ единого Бога данныи» [ОР РНБ. Ф. 893. № 22, л. 122]. Затем эта мысль повторяется явно: «откуплѣнѧ его [т.е. Христа] ималосѧ стѧгати къ всѣмь народум», что Спаситель «и жиды и поганы единым тѣлом своимь оучиниль» [Там же, л. 197]. Это еще одна точка, роднящая доктрины Косого и анонимного автора сборника.

Таким образом, учение Феодосия Косого в Литве не просто сохранилось, но вступило в контакт с развивавшимися в Литве движениями. Попадая на православную почву, готовую ее воспринимать, «новое учение» приобретало новое прочтение. Оно сохраняло свою направленность — выступление против обрядовости, внешнего благочестия и иерархизации христианства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Артемия к брату отступившему и жену понявшу // Русская историческая библиотека. Т. 4. СПб., 1878.

Епистолия ко Кодияну Чапличю Андрѣя Ярославского // Сказания князя Курбского. Ч. 2. СПб., 1833.

Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение инока Зиновия. Казань, 1863.

Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки **[ОР РНБ]**. Ф. 893. № 22.

Послание многословное. По рукописи XVI века М., 1880.

Antelenchus // Архив Юго-Западной России. Т. 8. Ч. 1. Киев, 1914.

Joannes Burcherus. Henrico Bullingero // Epistolae tigurinae. L., 1848.

Joannes Utenhovus. Henrico Bullingero et Petro Martyri // Epistolae tigurinae. L., 1848.

Голенченко Г.Я. Новые письменные источники о деятельности русских еретиков в Белоруссии и Литве во второй половине XVI в. // История книги, книжного дела и библиографии в Белоруссии. Минск, 1986.

Дмитриев М.В. Православие и Реформация. Реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М., 1990.

Зимин А.А. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958.

Лукашевич И. История церквей Гельветического вероисповедания в Литве // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1847. № 8.

I.Y. Nepryakhin
Moscow (Russia)
Higher School of Economics

MARKS OF THE HERESY OF FEODOSY KOSOY IN THE LANDS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA

The article attempts to search for new evidence of the presence of the Moscow heresiarch in Lithuania. Analyzed are the main sources telling about the stay of Feodosy Kosoy abroad, and then an attempt is made to associate one of the Western Russian manuscript monuments of the 16th century with the influence of Russian heresy.

Keywords: Heresy of Feodosy Kosoy, Grand Duchy of Lithuania, heresy, reformation movements.

А.Л. Новосёлов
г. Казань (Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

АНТИЕРЕТИЧЕСКИЙ ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД КОНЦА XV в. — ИСТОЧНИК СОФИЙСКОЙ ВТОРОЙ ЛЕТОПИСИ

Цель исследования — доказать, что в основе Софийской второй летописи лежит антиеретический летописный свод конца XV в. В статье рассматривается семантика чудес в Софийской второй летописи. Для этого вначале определяется исторический контекст, послуживший фоном для создания летописного свода 1489–1490 гг. Далее в тексте Софийской второй летописи выделаются чудеса как самостоятельные жанровые произведения, повествующие о сверхъестественных явлениях. Определяется тематика чудес, их взаимосвязь с другими элементами летописи, а также литературными произведениями 2-й пол. XV в. Научная новизна заключается в попытке за счет чудес расширить источниковую базу для оценки идейной направленности протографа Софийской второй летописи. В результате определено, что при помощи чудес составители летописного свода конца XV в. — источника Софийской второй летописи полемизируют со взглядами жидовствующих на Конец Света, возможность воскресения из мертвых, святость мощей и икон, почитание московских святых как чудотворцев.

Ключевые слова: чудеса, ересь, жидовствующие, Софийская вторая летопись, святость.

Русская литература XV–XVI вв., в том числе летописание, характеризуется публицистической направленностью. «Мастерство летописцев обнаруживается в это период, — писал Я.С. Лурье, — не столько в эпических рассказах о прошлом, сколько в отступлениях откровенно публицистического характера» [Лурье 1960, с. 3–6]. Фоном для развития русской публицистики конца XV в. было образование централизованного государства и политическая борьба, сопутствующая этому процессу.

Главным препятствиям процессов объединения русских земель под главенством Москвы в 1480-е гг. был Новгород. Покорение Новгорода Иваном III в 1478 г. не привело к полному объединению с Северо-Восточной

Русью. «Новгородская проблема в 1478 г. не была решена» [Зимин 1982, с. 77] — писал А.А. Зимин. Иван III стремился окончательно разгромить новгородскую знать. Для этих целей существенную поддержку могла оказать церковь, поэтому в 1484 г. при явной поддержке московского великого князя новгородским архиепископ был поставлен Геннадий. Именно Геннадий открыл новгородскую «крамолу» — ересь жидовствующих, искоренению которой он посвятил всю свою деятельность.

Ересь жидовствующих появилась в 1470 г. в Новгороде. Сочинений еретиков до нас не дошло, поэтому их взгляды и деятельность изучаются по сведениям обличителей: посланиям архиепископа Геннадия и «Просветителю» Иосифа Волоцкого. Обстоятельное исследование этих и целого ряда других источников, подробный анализ историографии религиозного движения жидовствующих осуществил А.И. Алексеев. Оценивая достоверность посланий Геннадия и «Просветителя» Иосифа Волоцкого, А.И. Алексеев подчёркивает, что эти сочинения создавались на материалах следствий и судов над еретиками 1488, 1490 и 1504 гг. [Алексеев 2012, с. 441], поэтому позволяют восстановить некоторые элементы учения жидовствующих. Основными положениями этого учения были: религиозные сомнения во Втором Пришествии Христа по окончанию 7 тыс. лет от сотворения мира в 1492 г.; отрицание монашества, таинств, молитвы, почитания креста, икон, мощей святых. Особенно в этом направлении продвинулись новгородские еретики, осквернявшие иконы [Алексеев 2012, с. 449–450].

Важно и то, что сосредоточением ереси был Новгород. По этому поводу А.И. Алексеев пишет: «Ряд элементов ересеучения новгородских жидовствующих приходиться отнести на счет несходства религиозных практик Москвы и Новгорода. В первую очередь, это вмененное еретикам в вину “поношение” особо чтимых в Москве святителей: митрополитов Петра и Алексея, Ростовского архиепископа Леонтия и преподобного Сергия Радонежского (“а великых святителей русских Петра и Алексиа и Леонтиа и Сергиа чудотворцев и иных святых преподобныих отець многых укаряху речми хулными, их поношают и не чтят”). По-видимому, в данном случае перед нами отголоски реакции со стороны новгородского духовенства на попытки насильно насадить культ московских святых» [Алексеев 2012, с. 453]. Я.С. Лурье отмечал социальные различия между новгородским и московским кружками жидовствующих: первые были выходцами из духовенства, вторые мирянами, причем весьма близкими к великому князю [Лурье 1960, с. 154–185].

Ключевым событием в борьбе церкви с ересью жидовствующих стал Собор 1490 г., на котором учение еретиков было осуждено, а сами они отлучены от церкви. Инициатором собора был архиепископ Геннадий: он

призвал архиереев принудить митрополита Зосиму собрать собор, он же подготовил документальную базу для обвинения. Материл для обвинения еретиков на соборе 1490 г. отразился в Поучении митрополита Зосимы. Соборный приговор, составленный на основе обвинений архиепископа Геннадия и Поучения митрополита Зосимы схожи, однако в Поучении пункт о «укорах» еретиков в сторону великих чудотворцев дополняется перечислением «великих святителей русских» Петра, Алексия, Леонтия и Сергия [Казакова, Лурье 1955, с. 382–386].

Итак, проблема Новгорода, как в политическом, так и в общественном отношении была актуальной в конце 1480-х гг. Новгород подрывал не только политическое единство Московского государства, но и представлял угрозу церкви. Авторитет Москвы держался не только на военной силе, но и на культах святых, популярных среди населения. Скептическое отношение еретиков к московским чудотворцам должно было быть опровергнуто на идеологическом уровне. Эта проблематика явно отразилась в летописном своде конца XV в. — источнике Софийской второй и Львовской летописях.

Вопрос о происхождении и характере летописного свода, послужившего источником для Софийской второй и Львовской летописей, остаётся нерешенным в историографии. Исследователи сходятся во мнении, что в конце XV в. (1489 — нач. 1490-х гг.) был создан оригинальный летописный свод. Среди источников этого свода называются великокняжеские летописи, Ростовский владычный свод (А.А. Шахматов) [Шахматов 1904], материалы митрополичьего архива, жития святых. Имелись ли все вышеперечисленные материалы в своде конца XV в. или же они были внесены в него редактором 1518 г. — вопрос открытый. Не ясно и место происхождения свода конца XV в.: митрополичья кафедра (А.Н. Насонов) [Насонов 1969], монастырь (Я.С. Лурье) [Лурье 1973], Успенский собор (Б.М. Клосс, В.Д. Назаров) [Клосс, Назаров 1984]. Содержание свода, послужившего протографом для Софийской второй и Львовской летописей, характеризовалось выпадами против власти московского великого князя (А.А. Шахматов) [Шахматов 1904], поддержкой интересов митрополичьей кафедры (А.Н. Насонов) [Насонов 1969], негативным отношением к еретикам (Я.С. Лурье) [Лурье 1973], осуждением «неправых» действий светских и церковных феодалов и особым вниманием к Успенскому собору и успенским чудотворцам (Б.М. Клосс, В.Д. Назаров) [Клосс, Назаров 1984].

Летописный свод 1489–1490 г. был подвергнут переработке и в изменённом виде вошёл в состав свода 1518 г., который полнее всего отразился в Львовской летописи (Б.М. Клосс) [Там же]. Все исследователи обратили внимание на то, что местами, несмотря на близость текстов, Софийская вто-

рая летопись подробнее Львовской. Это объяснялось тем, что свод 1518 г. пользовался Софийской второй летописью, сокращая и редактируя её (Д.С. Лихачёв) [Лихачёв 1947].

Для изучения Софийской второй и Львовской летописей исследователи применяли сравнительно-текстологический метод, работали с рукописями, однако ведущим способом реконструкции история текста этих летописных сводов был анализ содержания отдельных сюжетов. Если анализировались вопросы, связанные с деятельностью великого князя и церкви, то протограф Софийской второй и Львовской летописей оказывался неофициальной, оппозиционно настроенной летописью. При чтении статей о городской жизни летописный свод конца XV в. выступал в роли летописи, которая велась при Успенском соборе. Чудеса не попали в поле зрения исследователей. Но в тексте Софийской второй летописи чудеса и по количеству, и по содержанию занимают видное место: произведения Родиона Кожуха, отдельные сказания о чудесах Варлаама Хутынского, московских святых и проч. Возможно, этот материал позволит приблизиться к истории появления оригинального летописного свода, сохранившегося в Софийской второй и Львовской летописях.

Чудеса в Софийской второй и Львовской летописях сосредоточены в статьях XV в.:

1) 1401 г. Мироточение иконы Богородицы, иконы св. Николая в Москве

2) 1408 г. Исцеление князя Константина Дмитриевича у гроба св. Варлаама в Новгороде

3) 1408 г. Воскрешение немощного юноши в Хутынском монастыре (вставка из жития святого Варлаама)

4) 1413 г. Исцеления от иконы Божьей Матери в Можайске

5) 1416 г. Исцеления у гроба святого митрополита Петра в Москве

6) 1437 г. Спасение великокняжеского воина Ивана в Белевском бою помощью святого Сергия

7) 1460 г. Воскрешение Григория Тумгана в Хутынском монастыре

8) 1462 г. Исцеление чернеца Наума у гроба святого митрополита Алексия

9) 1463 г. Исцеления от мощей ярославских святых князей в Ярославле

10) 1470 г. Исцеления у гроба святого митрополита Петра в Москве

11) 1473 г. Исцеления у гроба святого митрополита Ионы в Москве

12) 1473 г. Исцеление юноши у гроба святого митрополита Ионы в Москве

13) 1474 г. Исцеление у гроба митрополита Феогноста в Москве

В результате подробного текстологического и герменевтического изучения чудес были сделаны следующие выводы.

1) Наиболее объемное по тексту чудо — воскрешение Григория Тумгана в Хутынском монастыре имеет эсхатологическую направленность: описывается сцена посмертных мытарств и суда, имеются отсылки к Житию Василия Нового, через параллели с житием Семи отроков Эфесских утверждается истинность воскресения из мертвых [ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2, стб. 131–142]. Чудо наглядно опровергает сомнения еретиков в приближающемся Конце Света, неверие в воскресение из мертвых.

2) Большинство чудес в Софийской второй летописи посмертные: чудотворные мощи святых оказываются источником исцелений и воскресений из мертвых. Трижды осудительно поднимается вопрос о неверии в чудотворную силу мощей святых: ростовский епископ Трифон в 1463 г. усомнился в нетленности мощей ярославских князей [ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2, стб. 159–160]; при обретении мощей московских митрополитов в 1472 г. летописец замечает, что люди не верят в святость истлевших останков, которые также могут быть чудотворными [ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2, стб. 212]; «неверием одержими» великий князь и митрополит Геронтий к чудесному исцелению человека у гроба митрополита Феогноста [ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2, стб. 217–218]. Данные сообщения свидетельствуют об актуальности борьбы церкви с недоверием еретиков к мощам.

3) Наряду с мощами, еретики отрицали святость икон. Возможно, в этой связи в Софийской второй летописи упоминаются чудотворные иконы — Пименская и Колочская иконы Богоматери [ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2, стб. 14, 39]. В первом случае чудом называется мироточение от иконы, во втором — множественные исцеления.

4) Софийская вторая летопись последовательно фиксирует посмертные чудеса московских святых митрополитов [ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2, стб. 42, 147, 169, 212, 216–218]. Пространный рассказ летописи о строительстве Успенского собора и обретении чудотворных мощей митрополитов Петра, Ионы, Фотия и Киприана является уникальным и содержит сведения, отсутствующие в летописях 70–90-х гг. XV в. [ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2, стб. 212, 216–217]. Поносимые жидовствующими московские святые в Софийской второй летописи предстают великими чудотворцами, чудеса Петра и Алексия сопровождаются пространными похвальными словами [ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2, стб. 147, 212].

5) Ответом на непочтительность жидовствующих в отношении к монастырям может быть мысль о необходимости вносить вклад в монастырь и служить в монастыре, которая в Софийской второй летописи подкрепляется чудесами. Княжескому слуге, сначала пообещавшему «братью учредити», а потом передумавшему, св. Сергий помогает спастись от татар лишь, когда воин раскаивается в своем отказе от данного им обета

[ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2, стб. 70–73]. Инок Наум получает исцеление от своего недуга после усердной семилетней службы в монастыре [ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2, стб. 147].

6) Обращение Софийской второй летописи к житию новгородского св. Варлаама Хутынского [ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2, стб. 23–27, 131–142], описание его чудес может свидетельствовать о стремлении составителей свода 1489–1490 гг. не только к политическому примирению Новгорода и Москвы, но и религиозному. Сближение московских и новгородский культов наблюдается только в Софийской второй и Львовской летописях, другие летописные своды конца XV в. не упоминают Варлаама.

Таким образом, чудеса в Софийской второй летописи могут служить источником изучения церковной идеологии конца XV в. Тематическое поле чудес: эсхатология и воскресение из мертвых, святость мощей и икон, объединение культа московских митрополитов и новгородского св. Варлаама Хутынского соответствует направлению полемики церковных иерархов с ересью жидовствующих, имевшей место в конце XV в. В силу этого, чудеса служат дополнительным аргументом в определении летописного свода 1489–1490 г. как источника Софийской второй и Львовской летописей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Полное собрание русских летописей [**ПСРЛ**]. Т. 6. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М., 2001.

Алексеев А.И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. М., 2012.

Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982.

Клосс Б.М., Назаров В.Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство. XIV–XV вв. М., 1984.

Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.

Лурье Я.С., Казакова Н.А. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI вв. М.; Л., 1955.

Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960.

Лурье Я.С. Независимый летописный свод конца XV в. — источник Софийской II и Львовской летописей // ТОДРЛ. Т. 27. Л., 1973.

Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969.

Шахматов А.А. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904.

A.L. Novoselov
Kazan (Russia)
Kazan (Volga Region) Federal University

ANTIHERETICAL CHRONICLE OF THE END OF THE 15th CENTURY — THE SOURCE OF SOFIA'S SECOND CHRONICLE

The aim of the study is to prove that the Second Sofia Chronicle is based on the antiheretical chronicle of the late 15th century. The article examines the semantics of miracles in the Second Sofia Chronicle. To do this, we first define the historical context that served as the background for the creation of the 1489–1490 chronicle. The text of the Second Sofia Chronicle identifies miracles as independent genre works, telling about supernatural phenomena. We define the themes of the miracles, their relationship with other elements of the Chronicle, as well as literary works of the second half of the 15th century. Scientific novelty is an attempt to expand the source base for assessing the ideological orientation of the protograph of the Second St. Sophia Chronicle due to the miracles. As a result it was determined that with the help of miracles the compilers of the late 15th century chronicle — the source of the Second Saint Sophia Chronicle — polemicized with the Judaizers' views on the End of the World, the possibility of the resurrection from the dead, the sanctity of relics and icons, and the worship of the Moscow saints as miracle-workers.

Keywords: miracles, heresy, Judaizers, Sophia Second Chronicle, holiness.

А.А. Преображенская
г. Москва (Россия)
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН

ТЕКСТЫ СВ. АВГУСТИНА В РУССКОЙ КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ XV–XVIII вв.: К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПУСА

Статья посвящена проблеме формирования корпуса текстов, связанных с именем св. Августина, епископа Гиппонского (переводов его сочинений, разнообразных выдержек из них, текстов о нем), и бытовавших на Руси в период Средневековья и раннего Нового времени. Приводится краткий и выборочный обзор переводов сочинений Августина, памятников, содержащих цитаты и выдержки из его трудов, а также сочинений о епископе. Перечисляются как хорошо известные и исследованные памятники, так и вновь обнаруженные автором рукописные списки разного времени. Хронологические рамки текстов, рассматриваемых в статье, — с XV по нач. XVIII в. (также упоминаются издания переводов конца XVIII ст.).

Ключевые слова: св. Августин, псевдо-Августин, корпус, XV в., XVI в., XVII в., XVIII в., книжная традиция.

Традиционно считается, что в России до XVIII в. сочинения св. Августина, епископа Гиппонского, были практически неизвестны, что не в последнюю очередь объясняется неоднозначным отношением к нему православной церкви (достаточно сказать, что из 4 великих Отцов Церкви дня поминовения нет только у Августина). Тем не менее даже беглый обзор описаний рукописных и печатных собраний показывает, что текстов, так или иначе связанных с именем св. Августина, значительно больше и они значительно разнообразней, чем можно было бы предполагать. В связи с этим представляется необходимым прежде всего сформировать на основе рукописных собраний корпус текстов «вокруг» Августина: переводов его трудов (и трудов, атрибутируемых ему) на русский язык; памятников, содержащих цитаты из его сочинений; памятников с именем Августина в заглавиях; а также текстов о епископе.

Предлагаемые наброски к корпусу текстов Августина ни в коей мере не претендуют на полноту материала и имеют своей целью дать лишь приблизительный обзор литературных памятников, связанных с его именем. Тексты рассматриваются в хронологическом порядке; из-за ограниченного объема в данную статью вошли далеко не все обнаруженные нами памятники.

Несмотря на то, что первые печатные и сколько-нибудь полные переводы трудов св. Августина на русский язык появились только в самом конце XVIII в. (часть из переведенных текстов Августину не принадлежит) [Головина 2016, с. 58–74; Хондзинский 2011, с. 22–36], в русской книжной традиции до XVII в. тексты, связанные с именем Августина, уже достаточно многочисленны и разнообразны. В рукописных собраниях встречаются списки сочинений Августина не только на русском, но и на польском и латинском языках, а в библиотеках московских книжников — печатные издания его трудов на латинском языке.

Самое раннее упоминание св. Августина в русских текстах[1], которое нам удалось обнаружить, находится в рукописи Синодального собрания № 367 конца XV в. — это сборник статей о мучении Христа, в котором на л. 409 приводятся слова св. Августина [ГИМ ОР. Син. собр. № 367; Горский, Невоструев 1859, с. 637].

В книжности XVI в. имя св. Августина тесно связано с сочинениями Максима Грека и Андрея Курбского. Несмотря на постулируемый в историографии интерес Максима Грека к трудам епископа, упоминаний Августина в его сочинениях не так много: среди них послание Максима Грека Ф.И. Карпову [Буланин 1984, с. 115], «Словеса супротивна к Иоанну Лодовику, толковнику священны книги св. Августина, еп. иппонского» (см. например [ГИМ ОР. Син. собр. № 491, л. 223]), послание к Николаю «немчину» [ГИМ ОР. Син. собр. № 491, л. 391].

В сочинениях Андрея Курбского [РИБ 1914. Т. 1, с. 156, 423, 432; Клибанов 1963, с. 445–450] — в «Истории о великом князе Московском», в письмах к Кузьме Мамоничу — упоминаются толкования св. Августина на библейские книги и его борьба с еретиком Донатом. В посланиях разных лиц, связанных с Курбским, говорится о некой принадлежавшей ему книге, содержавшей «житие … Августия Ипанискаго», переведенное с латыни [РИБ 1914. Т. 1, с. 495–496; Калугин 2002, с. 110][2].

Высказывания св. Августина содержались в сборнике «Цветы дарований», который был переведен на русский язык в XVI в. [Мелуа 2018, с. 377].

---

[1] За исключением, разумеется, фрагмента из Изборника 1073 г., начинающегося словами «Оугустина. От уставных» [ГИМ. ОР. Син. собр. 1043. Л. 247 а-в].

[2] «Книге святого Августина» посвящена подробная статья В.В. Калугина [Калугин 2002].

В «Толковании на Псалтырь» Бруно Вюрцбургского [Соболевский 1903, с. 190] читается небольшой текст о псалмах, атрибутированный в заглавии Августину, но ему на самом деле не принадлежащий. В русском переводе «бруновой псалтыри» текст озаглавлен как «Гл(агол)ания Августина уч(и)т(е)ля, в пролозѣ псалтири, и иныхъ, о силахъ псалмовъ» [Tomelleri 1998, p. 147–181]. Начиная с 1669 г. и до конца XVIII в. «Глаголания» включались в печатные следованные Псалтыри, а также появлялись в изданиях XIX в. А.И. Соболевский отмечал, что в допетровской книжной традиции этот текст встречался и отдельно от Псалтыри.

Рукописных списков и печатных изданий достаточно много, приведем лишь некоторые из них:

— Псалтирь с восследованием. Москва, Печатный двор, 1669, л. 9об.;

— Псалтирь с восследованием. Москва, Печатный двор, 1686, л. 15об.;

— Псалтирь с восследованием. Москва, Синодальная тип., 1718, 1742, 1744, 1749. Л. 7;

— в составе Великих Миней четьих митрополита Макария под 20 августа.

В XVII в., и особенно начиная с 1650-х гг., интерес московских книжников к сочинениям св. Августина значительно возрастает. В Требнике патриарха Никона, изданном в 1658 г., имя *Августин* входит в список монашеских имен (несмотря на отсутствие церковного почитания епископа в православной церкви) [Преображенская 2021], а в источниках самого нач. XVIII в. упоминаются два монаха Кирилло-Белозерского монастыря с именем *Августин* [Виденеева 2001, с. 89–115].

Переводов трудов Августина в это столетие было сделано немного. Самый известный — перевод сочинения псевдо-Августина «Боговидная любовь», сделанный Карионом Истоминым для царевны Софьи [Киселева 2016, с. 99–115]. Также известно рукописное «Поучение инокам о послушании и терпении» св. Августина из сборника 2-й пол. XVII в., содержащего поучения монахам и монашеские уставы [Описание Рукописного отдела… 1965. Т. 3. Вып. 2, с. 239].

Были также переведены выдержки из так называемого Устава св. Августина. Под этим названием известно несколько монашеских уставов, которые были популярны в Западной Европе в Средние Века [Усков]. Польское издание Устава Августина «Reguła … contitucie sióstr wtórego habitu» хранилось в библиотеке Симеона Полоцкого [Hippisley, Luk′ianova 2005, p. 183]. Нам известен один список конца XVII в. [Музейное собрание… 1974. Т. 7, с. 330].

Наконец, в Толковый Апостол XVII в. из рукописи Синодального собрания № 10 [ГИМ ОР. Син. собр. № 10] был включен перевод сочинения Августина «De fide et operibus» [Горский, Невоструев 1857, с. 183].

Во многих памятниках XVII в. встречаются цитаты и ссылки на труды св. Августина. Так, в предисловии к напечатанной в 1663 г. Московской Библии приводится цитата св. Августина о мудрости божественного писания [Московская Библия 1663, л. 5]. Составители сборника «Остен» также обращаются к свидетельствам Августина, цитируя книгу «о Троице» (возможно, имеется в виду «De trinitate») в «Обличении патриарха Иоакима на тетрадь “Выклад о церкви и о церковных речах”» [Остен 1865, с. 50].

К сочинениям Августина обращался и первый придворный поэт и проповедник Симеон Полоцкий. В свои проповеди из сборников «Обед душевный» (1681) и «Вечеря душевная» (1683), а также в стихотворения из «Вертограда многоцветного» Симеон включил целый ряд цитат из трудов епископа [Преображенская 2019, с. 166–178; Преображенская 2019а, с. 111–115]. Несколько цитат из сочинений Августина есть и в трактате «Венец веры», который представляет собой перевод и переложение «Hortus pastorum» Жана Маршана [Корзо 2011, с. 38, 45, 51, 55, 62, 88 и т.д.].

Имя Августина может встречаться в заглавии так называемого Исповедания Амвросия Медиоланского и — ошибочно — в заглавии Символа веры Афанасия Великого. Исповеданием, или Символом, Амвросия Медиоланского в русской книжной традиции называется церковнославянский перевод латинского гимна «Te Deum laudamus» [Корзо 2016, с. 20–31]. «Исповедание св. отцов Амвросия Медиоланского и Августина Гиппонского» читается в «Букваре» Симеона Полоцкого [Симеон Полоцкий 1679, л. 50об.], в Катехизисе Лаврентия Зизания. Укажем два списка:

— посл. четв. XVII в. [Описание рукописного отделения... 1915. Т. 2, с. 94];

— нач. XVIII в. [Там же, с. 96].

В богословском сборнике 2-й чет. XVII в. под названием «Просветитель» среди прочих статей читается Символ веры Афанасия Великого с толкованиями[3], причем в названии символа фигурируют св. Амвросий и св. Августин, которые «вкупѣ составиша, и истолковаша о вѣре соборнеи и о превышнеи Тр(ои)цы» (2-й чет. XVII в. [НИОР РГБ. Ф. 98. № 66, л. 20–29об.]). Скорее всего, Августин попал в заглавие Исповедания по ошибке переписчика, спутавшего заглавия двух текстов: в «Толковании на псалтырь» Бруно Вюрцбургского значится «Ангельская хвала после нощных, или песнь, юже святый Амбросий и святый Августин вкупе състави-

[3] Текст Символа разделен на короткие статьи, помеченные как «сущее» и «толк». Однако фрагменты, которые помечаются как «толкование», на самом деле принадлежат самому Символу (ср., например, с Символом в Букваре Симеона Полоцкого и в печатных Псалтырях). Помещенный в Бруновой Псалтыри перевод Афанасиева Символа имеет совершенно иные, более пространные толкования.

ша» [Соболевский 1903, с. 190], которая в русском переводе располагалась перед Символом веры Афанасия.

В Космографии 1670 г. сообщаются некие сведения св. Августина о жителях острова Крита [Космография 1878–1881, с. 297][4].

Также в московских книжных собраниях XVII в. хранились рукописные списки и печатные издания сочинений св. Августина на латинском и польском языках. В библиотеке Симеона Полоцкого имелось несколько изданий трудов Августина на латинском и польском языках: 4, 8 и 9 тома «Opera Omnia» (1541), «Meditationes de humani generis redemptione» (1608), «Epitome omnium operum» (1555), «Rozmyślanie nabożne» (1629 или 1644) [Hippisley, Luk′ianova 2005, p. 175–176, 183].

Среди текстов XVII в., в которых св. Августин выступает в качестве персонажа, нужно отметить сборник «Великое зерцало», который был переведен с польского языка при царе Алексее Михайловиче. Св. Августин появляется сразу в нескольких рассказах: в статье «О непостижимстве Троицы», которой открываются многие русские списки «Зерцала»; в другой статье о Троице [Владимиров 1884. Приложение № 2, с. 29]; в рассказе «Августин блаженный страхом суда последняго часть удержеваше от сласть мирских» [Там же, с. 47][5]; и наконец, в рассказе «Святого и блаженнаго Августина изрядное ко смерти уготовление» [Там же, с. 50]. Списков «Великого зерцала» достаточно много, поэтому мы не будем приводить их[6].

В одном из исторических сборников содержится статья о св. Августине из Хронографа 1617 г. [Описание Рукописного отдела… 1965. Т. 3. Вып. 2, с. 236].

Репертуар известных в России текстов св. Августина (и псевдо-Августина) в XVIII в. значительно расширился. В самом начале столетия к трудам Августина обращались Димитрий Ростовский и Феофан Прокопович. Первый использовал сочинения епископа при составлении своих «Житий святых» [Димитрий Ростовский 1764, л. 4]. На некое сочинение Августина ссылался Феофан Прокопович [Феофан Прокопович 1961, с. 75], а в каталоге его библиотеки значится собрание сочинений Августина в 12 томах на латинском языке [Описание Рукописного отдела… 1971. Т. 3. Вып. 3, с. 306].

В русском переводе появляются рукописная молитва Августина, рукописные же сочинения псевдо-Августина, выписки из трудов епископа, про-

---

[4] На с. 438 сообщается о голове св. Августина.

[5] В качестве источника указан Augustinus.

[6] Известны списки «Великого зерцала» XIX в. О статье о непостижимстве св. Троицы в виде самостоятельного рассказа в рукописях Толгского монастыря см. [Перетц 1907, с. 21].

поведь на день памяти св. Августина на польском языке и целый ряд других текстов:

— молитва св. Августина — 1776 г. Дезидерий Беллармина [Описание рукописного отделения библиотеки… 1915. Т. 2, с. 429];

— 2-я пол. XVIII в. — выписки из сочинений Августина [Музейное собрание… 1968. Т. 2, с. 153 (№ 645)]

— Kazanie na dzień S. Augustyna z tegoż autora (л.1–2об.) [Музейное собрание… 1971. Т. 5, с. 267].

— 1786 г. «Августин. Путь к познанию свойств Божеских и человеческих или Уединенное разглаголствие с Богом блаженнаго Августина, епископа Иппоннийскаго». Список с печатного издания 1783 г. [Славяно-русские рукописи… 2009, с. 25].

Выходит и ряд печатных изданий трудов епископа, в том числе в типографии Н.И. Новикова [Боголюбов 1916, с. 333], на которых мы не будем останавливаться подробно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Государственный исторический музей. Отдел рукописей **[ГИМ ОР]**. Син. собр. № 10, 367, 491, 1043.

Димитрий Ростовский, свт. Жития святых, Декабрь, январь, февраль. Киево-Печерская Лавра, 1764.

Книга глаголемая *Космография* сиречь Описание всего света земель и государств. СПб., 1878–1881.

Московская Библия, М., 1663.

Музейное собрание. Т. 2. Ф. 178/I. Опись. М., 1968.

Музейное собрание. Т. 5. Ф. 178/I — русская (и славянская) часть. Опись. М., 1971.

Музейное собрание. Т. 7. Ф. 178. Опись. М., 1974.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки **[НИОР РГБ]**. Ф. 98. № 66.

Описание рукописного отдела библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. Вып. 2. Исторические сборники XV–XVII вв. М., 1965.

Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. Вып. 3. Исторические сборники XVIII–XIX вв. Л., 1971.

Описание рукописного отделения библиотеки Императорской академии наук. I. Рукописи. Т. 2. Петроград, 1915.

Остен. Памятник русской духовной письменности XVII в. Казань, 1865.

Русская историческая библиотека **[РИБ]**. Т. 1. СПб., 1914.

Симеон Полоцкий. Букварь. М., 1679.

Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: Каталог. Вып. 2. XVIII в. Томск, 2009.

Феофан Прокопович. Сочинения, М.; Л., 1961.

Боголюбов В.А. Н.И. Новиков и его время. М., 1916.

Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984.

Виденеева А.Е. О братии Кирилло-Белозерского монастыря в 1732 году // Кириллов: краеведческий альманах. 2001. Вып. 4.

Владимиров П.В. Великое зерцало. М., 1884.

Головнина Н.Г. Российская псевдо-августиниана в контексте переводческой деятельности XVIII века // Вестник ПСТГУ. Сер. 2. История. История РПЦ. 2016. № 5 (72).

Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. Отд. 2. Писания Святых Отцов. 1. Толкование Священного Писания. М., 1857.

Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. Отд. 2. Писания Святых Отцов. 2. Писания догматические и духовно-нравственные. М., 1859.

Калугин В.В. «Книга святого Августина» в русской письменности XVI–XIX веков // Лингвистическое источниковедение и история русского языка: 2001. М., 2002.

Киселева М.С. «Орация при поднесении царевне Софии Алексеевне книги Блаженного Августина “Боговидная любовь”» Кариона Истомина: текст и его контексты // Вестник ПСТГУ. Сер. 2. История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 5 (72).

Клибанов А.И. Повести А.М. Курбского об Августине Гиппонском // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963.

Корзо М.А. Апостольский символ веры и исповедание Афанасия в православной книжности Киевской митрополии (XVI–XVII вв.) // Вестник ПСТГУ. Сер. 2. История. История РПЦ. 2016. № 1 (68).

Корзо М.А. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII в. М., 2011.

Мелуа А.И. Академия наук. Биографии. 1724–2017. Т. 4. Великий князь Алексей Александрович — Гаусс. СПб., 2018.

Перетц В.Н. Новые труды по источниковедению древнерусской литературы и палеографии. XXV–XXX. Киев, 1907.

Преображенская А.А. Август, Августин, Августалий: К истории русских монашеских имен, не включенных в месяцесловы // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 3.

Преображенская А.А. Источники проповедей Симеона Полоцкого: перевод, пересказ, адаптация // Симяон Полацкі: светапогляд, грамадска-палітычная і літаратурная дзейнасць. Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі 21–22 лістапада 2019 г. Мн., 2019.

Преображенская А.А. Переводные цитаты из Августина Аврелия в сочинениях Симеона Полоцкого // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия. Материалы международной научной конференции. Москва, 12–13 сентября 2019 г. М., 2019а.

Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. Библиографические материалы. СПб., 1903.

Усков Н.Ф. Устав Августина // Православная энциклопедия. URL: https://www.pravenc.ru/text/62630.html

Хондзинский П. Блаженный Августин в русской духовной традиции XVIII в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1. Богословие. Философия. Религиоведение. 2011. № 33.

Hippisley A., Luk'ianova E.V. Simeon Polockij's Library: A Catalogue. Böhlau, 2005.

Tomelleri V.S. Zur Geschichte des "Westlichen Einflusses" in Russland: Die Dicta Sancti Augustini // Contributi italiani al XII Congresso internazionale degli Slavisti (Cracovia 27 Agosto – 2 Settembre 1998). Roma, 1998.

A.A. Preobrazhenskaya
Moscow (Russia)
Institute of Russian language
named after V.V. Vinogradov
of the Russian Academy of sciences

TEXTS OF THE SAINT AUGUSTINE IN THE RUSSIAN LITERARY TRADITION OF THE 15th–18th CENTURIES: TO THE PROBLEM OF BUILDING A CORPUS

The article is devoted to the problem of building a corpus of Russian medieval texts related to saint Augustine of Hippo. The author provides a brief and selected review of works by st. Augustine, texts containing quotations and fragments of his works, and finally, texts about Augustine. Both well-known and well-researched texts and texts identified by the author are listed. The material of the article spans from the 15th to the 17th centuries.

Keywords: st. Augustine, pseudo-Augustine, 15th c., 16th c., 17th c., 18th c., literary tradition.

Д.Т. Керимова
г. Самара (Россия)
Самарский национальный исследовательский ун-т
им. академика С.П. Королева

«СВИТОК РОУЗА» И «ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКИХ КОРОЛЕЙ»: ДЖОН РОУЗ КАК ПРИМЕР СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНГАЖИРОВАННОСТИ

В статье рассматриваются две работы средневекового английского хрониста Джона Роуза «Свиток Роуза» и «История английских королей». Первая работа была написана при жизни последнего короля династии Плантагенетов Ричарда III, вторая — вскоре после его смерти. Сравнивая тексты одного автора разных годов, проводится анализ того, как изображался Ричард III во время правления, и после того, как на трон взошла другая династия — Тюдоры, а также выясняются причины кардинально противоположного образа Ричарда III в двух исследуемых работах.

Ключевые слова: Ричард III, Джон Роуз, Англия, XV в.

Джон Роуз — английский историк и хронист конца XV ст., очевидец событий, происходивших до и после правления Ричарда III. Родился Роуз в нач. XV ст., предположительно, в 1411 г. [Rous 1845, p. 15].

«Свиток Роуза», известный также как «Уорикский свиток», — это иллюстрированная гербовая хроника Джона Роуза, историка и священнослужителя. В свитке, сделанном для влиятельной семьи Бошам, и, возможно, по заказу Анны Невилл, жены Ричарда III, отмечаются деяния графов Уорика и благотворителей города, в том числе членов семьи Бошам (родственников королевы Анны со стороны матери), а также Эдуарда IV и Ричарда III. В свитке содержится 65 изображений без рамок: над ними — гербы изображенных людей, а ниже — краткие биографии на английском языке. Рисунки перемежаются в нескольких местах генеалогическими диаграммами, написанными другой рукой к биографическому тексту.

Интересно, что было две версии «Свитка Роуза». Одна была составлена на английском языке, другая — на латинском.

Английский свиток сделан в то время, когда Ричард III всё ещё был на троне и, возможно, представлен королевской паре. Роуз дает очень пози-

тивное изображение короля. Он нарисован в свитке дважды и показан в доспехах, описан как «могущественный принц», отстаивающий закон и любимый своими подданными. Однако из латинского свитка Ричард был вырезан [Kennedy 1996, p. 32]. Можно сделать предположение, что этот вариант был сделан Роузом после того, как Ричард был свергнут в 1485 г. Роуз сделал похожее отражение в своей «Historia Regum Angliae» («История английских королей»), написанной во время правления Генриха VII, которая рисует Ричарда в крайне негативном свете.

Первая иллюстрация Ричарда III в «Свитке Роуза» изображает его в доспехах, с мечом в правой руке и замком Уорика в левой, с документом, закрепленным на запястье, и вепрем у его ног. Текст гласит: «Король Ричард Третий — родился в замке Фотерингей, могущественный князь в свое время, особый божественный господин в городе и владычестве Уорревика» [Rous 1845, p. 70].

Кроме того, Роуз говорит о его лидерских качествах. Хороший король держал закон и порядок под контролем. Был твёрд, но честен. Роуз говорит о Ричарде: «Самый могучий повелитель Ричард по милости бога король Англии и Франции, лорд Ирландии <…> благодаря этим указаниям он получил огромную благодарность от Бога и любовь всех своих подданных, богатых и бедных, и большую любовь людей всех остальных земель вокруг него» [Ibid, p. 192].

Положительное описание Ричарда можно встретить также в рассказе о его жене, королеве Анне, и сыне, принце Эдварде. Так, в первом случае, сказано, что Анна — «жена самого победоносного принца короля Ричарда Третьего» [Ibid, p. 191]. Во втором случае, что Эдвард — «сын и наследник самого высокого и превосходного принца короля Ричарда Третьего» [Ibid, p. 192].

Таким образом, мы видим, что описание Ричарда III в этом произведении Роуза имеет положительную оценку, Ричард Роуза в это время — король, заслуживающий всяких похвал.

Совершенно противоположная точка зрения дана в другом произведении Джона Роуза — «История английских королей». Оно было написано в 1490 г., всего за год до его смерти, только для короля Генриха VII. Произведение содержит в себе историю королевства Англия, начиная со времён Брута I Троянского, легендарного первого правителя Британии XII ст. до н.э., заканчивая Генрихом VII. В «Истории…» Роуз, в основном, интересовался деталями общественной жизни и развитием науки. Например, в описании жизни Генриха V он рассказывает историю получения королём образования и его социальные проекты. Он даже не упоминает о битве при Азенкуре, а просто отмечает, что он проводил кампанию во Франции и был известен своими военными навыками [Curry 2000, p. 196].

Клеветческий характер работы особенно очевиден в сильно контрастирующих образах Ричарда III и его непосредственного преемника Генриха VII [Kendall 1955, p. 497].

Здесь Роуз показывает совсем другого Ричарда III. Он впервые говорит об ужасной от природы внешности Ричарда, который провел два года в утробе матери: «Тиран Ричард родился в Фотерингее в Нортгемптоншире, два года находился в утробе матери и появлялся с зубами и волосами на плечах» [Rous 1745, p. 215]. Здесь же впервые упоминается о преступлениях, совершённых Ричардом. Первое — убийство племянников, Эдуарда и Ричарда: «Он принял своего лорда короля Эдуарда V мягко, с объятиями и поцелуями, и через три месяца, или чуть больше, он убил его вместе со своим братом» [Ibid, p. 215]. Следом за племянниками — обвинение в убийстве жены: «Леди Анна, королева, дочь графа Уорика, была отравлена» [Ibid, p. 215].

Интересно, что в этом источнике впервые встречается некое пророчество, согласно которому «после Э. <…> будет править Г.» [Ibid, p. 215]. Впоследствии это пророчество использует в своём произведении «Ричард III» У. Шекспир, называя его вымышленным самим Ричардом, чтобы убрать своего брата на пути к трону.

Ричард Роуза — Антихрист, он жесток и беспощаден. И, по словам Роуза, «как и Антихрист, он был посрамлен в момент величайшей гордости» [Ibid, p. 218]. Речь идёт о финальном сражении между Ричардом III и Генрихом Тюдором, в котором первый погиб от меча второго. Это, пожалуй, единственный момент в произведении, когда Роуз положительно высказывается о Ричарде, говоря, что «он вел себя как благородный солдат и, несмотря на его тельце и слабую силу, достойно защищался до последнего вздоха, крича снова и снова, что он был предан, и плача “Измена! Измена! Измена!”» [Ibid, p. 217].

Таким образом, мы видим, что это произведение значительно отличается от «Свитка Роуза», написанного несколькими годами ранее. Такое отличие понятно, о чём упоминалось уже не раз — пришла новая династия, которой было необходимо написать нечто хорошее в свою пользу. Генрих VII был заинтересован в том, чтобы изобразить Ричарда плохим королем, и тем самым повысить свою легитимность. Труд Роуза в первую очередь распространяется на антирикардианцев, которые хотят завоевать расположение действующего монарха Генриха VII. То, что Роуз долгое время служил семье Невилл, был их сильным поклонником и сторонником, также могло повлиять на убеждение в том, что Ричард убил свою жену Анну.

Роуз даёт детальный список убийств и другой несправедливости, в которой он обвиняет Ричарда, сравнивая его с антихристом. Он — первый историк, который сосредоточил внимание на внешнем облике Ричарда, его

невысоком росте и физических недостатках, извлекая ещё одну выгоду, ведь в те времена видимые отклонения были знаком от Бога, наказанием за зло.

Само по себе описание не является исключительно политической историей, но фокусируется на социальной жизни и истории королевства, что П. Кендалл называет «утомительным обманом святых и чудес» [Kendall 1995, p. 497]. Однако изображение Генриха VI, Ричарда III и Генриха VII очень важно для любого исторического исследования развития легенды о Ричарде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Rous J. Joannis Rossi Antiquarii Warwicensis Historia Regum Angliae. Oxford, 1745.

Rous J. This Rol was Laburd & Finished by Master John Rows of Warrewyk. L., 1845.

Curry A. The Battle of Agincourt: Sources and Interpretations. Rochester; New York, 2000.

Kendall P.M. Richard III. L., 1955.

Kennedy E.D. Romancing the past: a medieval English perspective // The Medieval Chronicle. 1999. № 1.

D.T. Kerimova
Samara (Russia)
Samara National Research University

"ROUS ROLL" AND "HISTORIA REGUM ANGLIAE":
JOHN ROUS AS AN EXAMPLE OF MEDIEVAL POLITICAL BIAS

The article examines two works of the medieval English chronicler John Rous "Rous Roll" and "Historia Regum Angliae". The first work was written during the life of the last king of the Plantagenet dynasty, Richard III, the second — soon after his death. Comparing the texts of one author of different years, an analysis is carried out of how Richard III was portrayed during the reign, and after another dynasty, the Tudors, ascended the throne, and also the reasons for the radically opposite image of Richard III in the two studied works are clarified.

Keywords: Richard III, John Rous, England, 15th century.

В.А. Сидорова
г. Ижевск (Россия)
МАОУ «Гимназия № 56»

ИВАН III В СОЧИНЕНИЯХ ИНОСТРАНЦЕВ КОНЦА XV–XVI в.

Статья посвящена реконструкции образа Ивана III в представлениях иностранцев конца XV–XVI в. Особое внимание уделяется характеристикам внешнего вида великого князя, великокняжеского титула, характера власти, процедуры приема иноземных посольств. Для анализа источников использовались метод систематизации данных, историко-сравнительный и историко-генетический методы.

Ключевые слова: Иван III, И. Барбаро, А. Контарини, Г. Перкамота, С. Герберштейн.

В конце XV в., когда завершился процесс объединения русских земель, появились первые известия западноевропейских авторов о Московской Руси. В XVI в. интерес в Европе к далекой Московии значительно усилился, что объясняется ростом ее могущества и влияния на европейскую политику.

Впервые свидетельства иностранцев о России до XVIII в. систематизировал Ф. Аделунг [Аделунг 1864]. Фундаментальным является труд В.О. Ключевского [Ключевский 1991]. Стоит отметить монографию Е.Ч. Скрижинской, с обстоятельным переводом сочинений И. Барбаро и А. Контарини. [Скрижинская 1974]. Отличительной чертой современных исследований является отсутствие крупных трудов по данной теме. Таким образом, известия иностранцев о Московской Руси давно стали объектом изучения отечественных авторов. Однако многие вопросы изучены слабо, в том числе образ Ивана III в сочинениях европейских авторов.

Именно в период правления Ивана Васильевича появились первые сведения о Московии И. Барбаро и А. Контарини [Барбаро; Контарини]. Оба иностранца описали титул и характер власти Великого князя. Известия о внешности правителя и приеме послов встречаем в работе А. Контарини. В докладной записке Г. Перкамоты Иван III предстал как могущественный государь, имевший большие владения и высокие доходы [Перкамота].

В сочинениях о Московии, написанных в XVI в., чаще всего встречаются сведения о титуле и характере власти Ивана III.

Некоторые иностранцы описали внешность Ивана III. Современник Великого князя А. Контарини писал, что государь был высоким, худым и красивым человеком [Контарини]. Он же отмечал, что правитель во время приема послов был в одежде из золотой парчи, подбитой соболями [Там же]. С. Герберштейн указывал, что Ивана III называли Белым царем. Автор сделал предположение, что такое именование государь получил из-за белого головного убора [Герберштейн 2008, с. 97].

Во всех сочинениях присутствуют упоминания о титуле Ивана III. Современники государя И. Барбаро и А. Контарини писали титул «Великий князь» [Барбаро; Контарини]. Такой же титул встречаем во многих работах иностранцев XVI в. [Иовий; Герберштейн 2008; Неизвестный англичанин; Пернштейн]. М. Меховский и И. Фабри применяли титул «князь» [Меховский; Фабри]. С. Герберштейн писал, что Иван III присвоил себе титул «Великий князь Владимирский, Московский, Новгородский и наконец стал величать себя монархом всей Руссии» [Герберштейн 2008, с. 69]. Он же, рассуждая о вышеупомянутом именовании Ивана III «Белым царем», писал: «Я при всяком удобном случае часто и откровенно заявлял самим его советникам, что мы признаем в нем не царя, а великого князя» [Там же, с. 97]. В сочинении неизвестного англичанина видим указание, что до Ивана IV государи назывались только Великими князьями. [Неизвестный англичанин]. Даниил Принц писал, что Иван III первым принял титул «Великого князя Владимирского, Московского и Новгородского и назвал себя Государем всея Руси» [Принц фон Бухау].

Много нового для иностранцев таила в себе политическая система Московского государства, особенно характер власти Великих князей, который не был похож на власть их собственных правителей. С. Герберштейн писал о тех временах, когда Московия была в подчинении татар. По словам иностранца, когда татарские послы приезжали в Москву, Великий князь выходил к ним за город навстречу и «стоя выслушивал их сидящих» [Герберштейн 2008, с. 77]. Но, в конечном итоге, Иван III избавил себя и своих людей от этого господства [Литвин].

С. Герберштейн о характере власти Ивана III отмечал, что тот был «весьма удачлив» и когда женился на Марии, изгнал тверского князя и захватил Тверь, а позже Новгород; «впоследствии ему подчинились и все другие государи, кто под впечатлением величия, кто под давлением страха» [Герберштейн 2008, с. 69]. Даниил Принц писал, что Иван III был одарен великим духом и увеличивал территорию своего государства [Принц фон Бухау].

В глазах миланского правительства Иван III предстал как могущественный и богатый государь [Перкамота], так как языческие провинции еже-

годно в качестве дани платили большим количеством мехов, а остальные области платили полотнами и другими предметами, необходимыми для государя и его двора. Все это доставлялось «по определенному распределению и установленному порядку» и все области полностью повиновались Великому князю [Там же]. Государева казна увеличилась и за счет присоединения территорий к Московскому государству, так как Иван III увозил оттуда в Москву драгоценности [Пернштейн].

Иностранцы отмечали, что Великий князь боролся с пьянством. Видя, писал И. Барбаро, что люди из-за пьянства бросали работу, Иван III на благо населения «издал запрещение изготовлять брагу и мед и употреблять цветы хмеля», поэтому государь обратил их к хорошей жизни [Барбаро]. Об этом же упоминал А. Контарини: «их государь не допускает, чтобы каждый мог свободно приготовлять напиток из меда» [Контарини].

Не смотря на такую политику, Иван III пользовался любовью у русских. Г. Перкамота писал, что государь «любим и почитаем» своим народом, а со своими придворными он обращался «с большой простотой и щедростью» [Перкамота]. Он «спаситель и творец государства, был причислен своими людьми к лику святых», — отвечал в своем сочинении М. Литвин [Литвин]. С. Герберштейн отмечал, что Иван III был грозен по отношению к женщинам [Герберштейн 2008, с. 77]. Для бедных и угнетенных доступ к нему был воспрещен [Там же]. Из развлечений государя известно, что он любил охоту [Перкамота].

Интересные сведения о приеме иностранцев при русском дворе оставил А. Контарини. По его словам, на приеме у государя, иностранец обязан был совершить церемонию приветствий. Однако подробное ее описание А. Контарини не оставил. Автор несколько раз был приглашен Великим князем на обед, где было «много яств и всего другого» [Контарини]. В последний день, перед отъездом, автор снова был приглашен во дворец. По окончанию обеда московский государь велел выпить весь «медовый напиток» из большой серебряной чаши. Для А. Контарини выполнить такое повеление было тяжело, а Иван III «заметив, что» он «не в состоянии выпить больше, и заранее зная к тому же об этом… свойстве» гостя, «велел взять» у него «чашу, которую опорожнили и пустую отдали» автору [Там же]. После окончания обеда А. Контарини поцеловал руку государя и «ушел с добрыми напутствиями» [Там же]. По окончанию пребывания Великий князь подарил иностранцуему одежду из соболей и тысячу беличьих шкурок [Там же].

В сочинении Г. Перкамоты также встречаем сведение, что государь во время пира заставлял много пить кого-либо из присутствующих [Перкамота]. С. Герберштейн или из-за слухов, или в силу собственных убеждений писал, что во время обедов Великий князь «предавался такому

пьянству, что его одолевал сон, причем все приглашенные меж тем сидели пораженные страхом и молчали», а когда государь пробуждался, «он обыкновенно протирал глаза и тогда только начинал шутить и проявлять веселость по отношению к гостям» [Герберштейн 2008, с. 77]. Стоит отметить, что современники Ивана III А. Контарини и Г. Перкамота подобное не отмечали.

Таким образом, можно сделать вывод, что иностранцев поразило богатое одеяние Ивана III. Путешественники указывали, что Великий князь был богатым, могущественным. Именно в правление Ивана III появились первые известия о приеме послов, во время которых правитель отличался своей доброжелательностью, великодушием и щедростью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Барбаро И. Путешествие в Тану. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Barbaro/text2.phtml?id=13374

Герберштейн С. Записки о Московии. Т. 1. М., 2008.

Иовий П. Посольство от Василия Иоанновича к Клименту VII. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Iovij/text.phtml?id=574

Контарини А. Путешествие в Персию. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Kontarini/frametext2.htm

Литвин М. О нравах татар, литовцев и московитян. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin/frametext2.htm

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Mehovskij/frametext1.htm

Неизвестный англичанин. Описание России. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Neizv_angl/text.phtml?id=996

Перкамота Г. Сообщение о России. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480-1500/Perkamota/text.htm

Перштейн И. Донесение о Московии. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Pernstein/text.phtml?id=1081

Принц фон Бухау Д. Начало и возвышение Московии. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Buchow/text1.phtml?id=1144

Фабри И. Религия московитов. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Fabri/frametext.htm

Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864.

Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.

Скрижинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей XV в. Л., 1971.

V.A. Sidorova
Izhevsk (Russia)
Gymnasium № 56

IVAN III IN THE WRITINGS OF FOREIGNERS
AT THE END OF THE 15th–16th CENTURIES

The article is devoted to the reconstruction of the image of Ivan III in the views of foreigners of the late 15th–16th centuries. Particular attention is paid to the characteristics of the Grand Duke's appearance, grand ducal title, the nature of power, the procedure for receiving foreign embassies. For the analysis of sources, the method of data systematization, historical-comparative and historical-genetic methods were used.

Keywords: Ivan III, I. Barbaro, A. Kontarini, I. Pernstein.

А.Д. Байкова
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОГО ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 50–70-х гг. XX в.

Статья посвящена анализу проблемы идеологического обоснования самодержавной власти на Руси 2-й пол. XV — нач. XVI в. в трудах советских историков 1950–1970-х гг. Выделяются основные вопросы в изучении данной проблемы, анализируются основные подходы исследователей к их решению.

Ключевые слова: идеология самодержавной власти, Русское государство, великокняжеская власть, Иван III, Василий III.

Проблема объединения русских земель вокруг Москвы и образования Русского централизованного государства — одна из ключевых в отечественной историографии. Повышенный интерес исследователей вызывает деятельность великих князей Ивана III и Василия III, направленная на формирование идеологии самодержавной власти на Руси и идеи государственного единства. Важность рассматриваемого вопроса для понимания процессов становления Русского единого государства и формирования отечественной политической традиции, наличие обширной литературы по теме определяют актуальность историографического изучения проблемы.

Настоящее исследование посвящено анализу рассматриваемой проблемы в отечественной историографии 1950–70-х гг. Это было время расцвета советской исторической науки. Время, когда доминировали официозные концепции, с одной стороны, и формировались новые научные представления — с другой.

Первый серьёзный задел в изучении проблемы в советской историографии был создан ещё в 1940-е гг., с появлением монографий В.Л. Снегирёва и К.В. Базилевича. Оба исследователя поставили под сомнение широко распространённое в дореволюционной историографии мнение о важной

роли женитьбы Ивана III на Софье Палеолог для идеологического обоснования самодержавной власти русского монарха. В.Л. Снегирёв утверждал, что брак с Софьей позволял московскому государю называть себя царем, но Иван Васильевич был осторожным, чтобы претендовать на византийский престол и этим испортить свои отношения с Турцией [Снегирёв 1942, с. 53]. По мнению К.В. Базилевича, скептический взгляд Ивана III на «византийское наследие» подтверждается равнодушным отношением великого князя к завещанию Андрея Палеолога, который в 1502 г. официально завещал империю испанским королям Изабелле и Фердинанду. Сознание своей силы и независимости Иван III черпал из сочувствия народных масс своей страны, подтверждающееся прочностью и легкостью, с какой соединилась с Москвой «страна князей» [Базилевич 1946, с. 41].

В.В. Мавродин, в монографии «Образование единого Русского государства» (1951) отмечает, что московские государи в идеологии самодержавия нередко обращались к идее преемственности власти от своих предков. Характерным примером может послужить событие 1489 г., когда посланник Фридриха III Поппель предложил Ивану III союз с императором, обручение одной из его дочерей с племянником императора, включение «Московии» в состав «Священной Римской империи» путем пожалования великому князю королевского титула [Мавродин 2009, с. 657]. Поппель получил такой ответ: «А что еси говорили нам о королевстве... и мы божиею милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от бога, как наши прародители, так и мы... а постановление, как есмя наперед сего не хотели ни от кого, так и иные не хотим» [Там же]. Иван III, сам себя назвавший «государем всея Руси», с презрением отверг предложение императора [Там же, с. 658].

По мнению И.М. Кудрявцева, во 2-й пол. XV в. существовало несколько идей, которые так или иначе давали обоснование великокняжеской власти [Кудрявцев 1951, с. 167]. Проанализировав «Послание на Угру» Вассиана, исследователь отметил, что произведение пропитано идеями богоустановленности великокняжеской власти и богоизбранности русского народа. По мнению историка, первая идея утверждала за великим князем московским приоритет непререкаемого главы единого государства [Там же]. Вторая — стремилась усилить идею обособления Русской земли через истинное православие, которое, по мнению богословов того времени, осталось только на Руси. И.М. Кудрявцев подчеркивает, что московские князья умело оперировали подобными идеями в целях централизации русского государства вокруг Москвы [Там же, с. 168–169].

К.В. Базилевич объяснял брак Ивана III с Софьей Палеолог не попыткой идеологического обоснования великокняжеской власти, а изменениями в политической системе Руси, произошедшими в его правление. Если

раньше московские государи брали в жены дочерей удельных князей, то с образованием Русского единого государства ситуация изменилась. Бывшие владетельные князья превратились в подданных московского великого князя [Базилевич 1952, с. 77]. Стремясь поставить себя возможно выше этой служилой княжеской среды, Иван III, должен был искать невесту за пределами своего государства. Греческая императорская фамилия Палеологов была для этой цели наиболее удобной. Историк отмечает, что впоследствии ни Иван III, ни его внук Иван IV никогда не ссылались на этот брак в доказательство своих исторических и династических прав на самодержавную власть [Там же].

Р.П. Дмитриева проблеме идеологии великокняжеской власти в московской публицистике рассматриваемого времени посвятила специальную монографию. По мнению исследовательницы, правительство Василия III испытывало потребность в создании теории, которая укрепляла бы новое положение великокняжеской власти чтобы и формально никто не мог бы поставить себя с ним на одну ступень. В таких условиях было разработано «Послание» Спиридоном-Саввой, ставшее основой для создания «Сказания о князьях Владимирских», повествующее о происхождении русских князей от императора Августа и о непосредственной связи России с предшествовавшими великими монархиями — Римом и Византией [Дмитриева 1955, с. 90].

Я.С. Лурье утверждает, что идеология великокняжеской власти Ивана III получала все новое и значительно более сильное выражение к концу 80-х гг. XV в. и было связано с политической и династической борьбой [Лурье 1955, с. 106]. В 1497 г. сторонниками Софьи и Василия был подготовлен заговор против Дмитрия, который не удался. Иван III усмотрел в этом заговоре покушение на самодержавную власть и ответил на него рядом мероприятий [Там же]. В феврале 1498 г. внук Ивана III Дмитрий был торжественно коронован в Успенском соборе в качестве великого князя — соправителя деда. Впервые использовались и регалии самодержавной власти — шапка Мономаха. Обращаясь к деду во время венчания внука, митрополит именовал Ивана III «православным царем» [Там же].

Л.В. Черепнин отмечает, что «идеологическим орудием» великокняжеской власти стали идеи о трех элементах централизованного государства: самодержавия — как формы власти, православия — как его идеологической основы, и народности (подчеркивание его русского характера, утверждение о его близости интересам всего народа) [Черепнин 1960, с. 24]. Эта формула служила правительству идеологическим орудием во внутренней политике (в борьбе за централизацию, в разгроме боярской оппозиции, в подавлении народного сопротивления) и во внешней (ею обосновывалась борьба за национальную независимость Руси). Идеологическое обоснование велико-

княжеской власти в политике, направленной к объединению Руси и борьбе с феодальным сепаратизмом, поддерживалось крестьянством [Там же, с. 274]. В XIV–XVI вв., когда великокняжеская власть на Руси имела действительно прогрессивное значение, среди крестьян еще полностью сохранялась вера в доброго князя [Там же, с. 275].

По мнению Н.А. Смирнова, одну из главных ролей в идеологическом обосновании великокняжеской власти Иван III сыграла церковь. Так, когда Иван III отправился в поход на Новгород, церковь позаботилась о том, чтобы дать соответствующую идеологическую окраску войне, которую московский великий князь начал против Новгородской республики. Летопись сравнивает поход Ивана III на Новгород с походом Дмитрия Донского на Мамая и поясняет, что «поиде на них князь велики не яко на христиан, но яко на иноязычник и на отступник православия» [Смирнов 1967, с. 70]. Полк новгородского архиепископа отказался воевать против московского войска в сражении на реке Шелонь в сентябре 1471 г. [Там же, с. 70–71].

К сходным выводам пришел А.М. Сахаров, согласно которому после 1508 г. глава воинствующих церковников Иосиф Волоцкий перешел на позиции поддержки великого князя Василия III. Проповедуя тезис о «божественном происхождении» великокняжеской власти, церковь подчеркивала особую ответственность светской власти за сохранение и укрепление положения церкви [Сахаров 1969, с. 72]. Аналогичное значение имела сформулированная монахом Филофеем в посланиях Василию III идея о Москве как «третьем Риме». Эта идея воздвигала Москву как международный центр христианства и упрочивала ее положение в православных странах [Там же].

А.А. Зимин затрагивает проблему идеологического обоснования великокняжеской власти в контексте учения Иосифа Волоцкого о теократическом характере власти великого князя [Зимин 1972, с. 137]. Исследователь отмечает, что теория игумена подчеркивала «божественный характер царской власти», а сам царь, согласно ей, становился «земным богом» [Зимин 1972, с. 134–135]. Мысль о божественном происхождении царской власти, по мнению исследователя, в первую очередь нужна была самому Иосифу Волоцкому, который стремился побудить великого князя к активной поддержке его борьбы против еретиков и других врагов церкви [Зимин 1972, с. 135]. Говоря о разработке в правление Василия III идей о величии русского монарха, историк упоминает также тему о происхождении московской династии от Августа-кесаря и о получении шапки Мономаха от византийских императоров. А.А. Зимин утверждает, что Василий III не мог воспользоваться генеалогическими легендами в силу того, что шапкой Мономаха короновался не он, а Дмитрий-внук [Зимин 1972, с. 138]. По мнению исследователя, распространение идей произведений могло

привести к утверждению мысли о незаконности власти самого Василия III [Там же].

Особое место в изучении идеологии великокняжеской власти занимают труды А.Л. Гольдберга. По его мнению, новые идеи, возникшие в 70-х гг. XV в., включали предшествующее развитие русского государства во всемирный исторический процесс [Гольдберг 1975, с. 62]. Кроме того, правительству Ивана III важно было придать Москве такую притягательную силу, которая перевесила бы любое стремление уйти из-под ее власти [Гольдберг 1969, с. 148]. Одной из таких идей, стала мысль о преемственности русской государственности с «мировыми державами», воплощенная в «Сказании о князьях Владимирских». История «даров Мономаха» упоминала о принадлежности одной из регалий «кесарю Августу», и это подчеркивало, что корни русской государственности восходят к Риму и Византии. Происхождение «из рода Августа» обеспечивало правителю почетное место в кругу других государей и одновременно ставило его выше всей местной знати, не обладавшей столь знаменитой родословной [Гольдберг 1976, с. 206].

Одновременно с вышеописанной идеей появилось иное объяснение роли России во всемирной истории, отразившееся в формуле «Москва — третий Рим» [Гольдберг 1975, с. 68]. Именование Москвы «новым градом Констянтина», по мнению А.Л. Гольдберга, имело целью определить место Руси лишь в кругу стран, исповедующих православие, тогда как появление идеи «Москва — третий Рим» знаменовало собой наступление следующего этапа развития русской историко-политической мысли, отмеченного стремлением рассматривать судьбу русского государства и русской церкви в более широких пределах, охватывающих весь христианский мир и общемировой исторический процесс [Гольдберг 1975, с. 68].

Таким образом, в отечественной историографии 50–70-х гг. XX в. выделяются разные мнения к вопросу формирования и сущности идеологии самодержавной власти на заключительном этапе становления Русского единого государства. Большинство исследователей — Р.П. Дмитриева, А.Л. Гольдберг, Я.С. Лурье, В.В. Мавродин — рассматривают идеологическое обоснование великокняжеской власти в обращении самодержцев к своей родословной. При этом Р.П. Дмитриева и А.Л. Гольдберг обосновали связь идеологии самодержавной власти в публицистических произведениях того времени, в которых большая роль отводилась преемственности наследственной власти от римских и византийских императоров, что поднимало русского монарха в глазах других государств.

А.А. Зимин, А.М. Сахаров, Н.А. Смирнов анализируют идеологическое обоснование великокняжеской власти через призму деятельности церкви,

которая проповедовала божественное происхождение великокняжеской власти. Особую точку зрения имеют В.Л. Снегирёв и К.В. Базилевич, отвергающие идею о формировании идеологии самодержавной власти посредством женитьбы Ивана III на Софье Палеолог и связанные с этим претензии Руси на статус правопреемницы Византии.

Мнение о том, что в период правления Ивана III и Василия III было достаточно много идей, направленных на усиление и укрепление великокняжеской власти, которыми грамотно пользовались самодержцы для обоснования своей политики, поддерживают И.М. Кудрявцев и Л.В. Черепнин.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Базилевич К.В. Образование русского национального государства. Иван III. М., 1946.

Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952.

Гольдберг А.Л. У истоков историко-политических идей XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы (*Далее* — ТОДРЛ). Т. 24. Л., 1969.

Гольдберг А.Л. Историко-политические идеи русской книжности XV–XVI вв. // История СССР. 1975. № 4.

Гольдберг А.Л. К истории рассказа о потомках Августа и дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976.

Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955.

Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.

Кудрявцев И.М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // ТОДРЛ. Т. 8. М.; Л., 1951.

Лурье Я.С. Завершение объединения русских земель и борьба феодальных группировок за власть. Гл. 1. Русское централизованное государство в конце XV — первой половине XVI в. // Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в. Т. 5. М., 1955.

Мавродин В.В. Древняя и средневековая Русь. СПб., 2009.

Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969.

Снегирёв В.Л. Иван Третий и его время. Образование Русского национального государства. М., 1942.

Смирнов Н.А. Церковь в истории России (IX в. — 1917 г.). М., 1967.

Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960.

A.D. Baykova
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

IDEOLOGICAL JUSTIFICATION OF THE GRAND-DUCAL POWER AT THE FINAL STAGE OF THE FORMATION OF A RUSSIAN UNIFIED STATE IN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY OF THE 50–70ss 20th CENTURY

The article concerns the problem of the ideological substantiation of autocratic power in Russia in the second half of the 15th — early 16th centuries in the works of Soviet historians of the 1950s–1970s. The main questions in the study of this problem are highlighted, the main approaches of researchers to their solution are analyzed.

Keywords: ideology of autocratic power, Russian state, grand-ducal power, Ivan III, Vasily III.

Е.О. Чигирёва
г. Ижевск (Россия)

ИДЕАЛ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ В XVI–XVII вв.

Статья посвящена анализу представлений жителей Московской Руси и иностранцев, бывших на Руси в XVI–XVII вв., об идеале женщины, о её внешних и внутренних качествах. В работе описывается визуальный образ девушки, подходящей под эталон красоты рассматриваемого периода. Важнейшим качеством для неё, гарантировавшим замужество, считалось здоровье. Для создания образа женщины, способной родить и вырастить крепких детей, девушки Руси прибегали к некоторым хитростям, которые давали противоположный эффект и ударяли по их здоровью.

Ключевые слова: Московская Русь, быт и нравы, образ женщины, записки иностранцев.

В современные исторические исследования, как и в исследования других гуманитарных наук, активно включается сфера взаимоотношений мужчин и женщин. Подобные гендерные исследования помогают внести женские имена в историю, описать их мировоззрение, рассказать об их ценностях.

Безусловно, говоря об идеале женщины в XVI–XVII вв., мы, в первую очередь, опираемся на мужские представления о нём, читаем тексты, написанные мужчинами для мужчин. Тем не менее, если подобные представления существовали, значит, женщины старались им соответствовать.

Существовал визуальный образ эталона красивой девушки: его чертами являлись крупность тела, широкие бёдра, высокая грудь — характеристики, которые в будущем могли способствовать рождению крепкого и здорового ребёнка. А вот худоба порицалась и скорее говорила о болезненности девушки (поэтому те старались скрыть свой «недостаток», скрывая под многослойностью одежды) [Зимин и др. 2013, с. 137].

Важно отметить, что понятие «красивая» девушка напрямую было связано с понятием «здоровая». Поэтому зачастую девушки на выданье старались не только быть здоровыми, но, как минимум, казаться таковыми.

Любое заболевание девушки могло стоить ей замужества, а это равнялось поломанной судьбе. Намеренный факт сокрытия тяжёлого заболевания — эпилепсии — встречается в духовной грамоте князя Александра

Васильевича Волконского, в которой рассказывается о его личной драме. Дело в том, что родители его будущей жены Марьи не сообщили зятю о заболевании дочери до свадьбы, и князь прожил в браке с ней 6 лет «муча живот свой» [Из частной жизни служилых людей…]. И только после смерти своего тестя и высказывании жены о желании пострига князь Александр вернул женщину тёще.

Бытовали эталоны женского здоровья и мужского. К женскому предъявлялось особенно много требований, так как женщина должна была воспроизводить на свет потомство. От мужчины же требовался лишь навык запрыгивания на коня без посторонней помощи [Мазалова 1996, с. 481].

Русский фольклор отразил восприятие русскими здоровья. В отношении женщины можно встретить высказывания, подтверждающие тезис о том, что состояние здоровья играло одну из ключевых ролей при сватовстве. К таковым, например, можно отнести следующие поговорки «Больная жена мужу не мила» [Симони 1899, с. 174], «Не мила убогая сестра брату, ни больная жена мужу» [Там же] — то есть женщина находилась в весьма нестабильном положении, даже будучи уже замужем.

Другой пласт болезнетворных манипуляций человека со своим организмом связан с попытками девушек и женщин Московского царства соответствовать идеалам красоты, соответствовавшим эпохе.

Как было уже упомянуто, девушки стремились выглядеть максимально красиво и здорово, ведь от их здоровья зависели перспективы на замужество. И одним из критериев хорошей жены и матери было крупное телосложение. Поэтому будущие невесты всеми силами старались казаться полнее. Одним из рецептов по набору веса женщине, по заметкам придворного врача царя Алексея Михайловича С. Коллинса, было лежание целый день в постели с перерывами на выпивку русской водки (очень способствовавшей толстоте) и сон [Коллинс 1846, с. 22].

Чтобы лицо также соответствовало канонам красоты, за него очень основательно брались, выбеливая, румяня, подкрашивая и т.д. Все эти манипуляции производились не только натуральной косметикой из свеклы, муки, углей и пр., но и весьма тяжёлой для организма «артиллерией» — свинцовыми белилами, киноварью, состоящей из смеси ртути с серой и другими химическими элементами. Трудно представить, как выглядели девушки той эпохи, но состав их косметики был хотя бы частично описан в письмах Самуэля Коллинса — царского придворного медика [Коллинс 1846, с. 21].

Пойдя дальше, московские красавицы стали наносить ртутные белила («меркуриальные») на свои зубы, чтобы сделать их ослепительно белыми. Цель обычно достигалась, но на очень краткий срок — после девушку поджидало неприятное последствие таких экстренных процедур в виде полного отхода зубной эмали [Зимин и др. 2013, с. 278].

Безусловно, научные знания в период Московского царства были не так развиты и не столь популярны среди подавляющего большинства населения. Привычный, не всегда здоровый уклад жизни, был понятнее средневековому человеку, удобнее и ближе. Даже не подозревая о том, что организму наносятся удары, люди продолжали делать то, что им казалось правильным.

Говоря о внутренних качествах идеальной женщины, основополагающим среди них являлись религиозность, праведность, кротость духа и способность к воспитанию достойных наследников. На жену и мать возлагались обязанности по поддержанию благополучия в семье. Чёткое понимание своего места в семейной иерархии, подчинение своих интересов интересам мужа, детей и рода — то, что ожидал увидеть в спутнице мужчина, живший на Руси XVI–XVII вв. Ещё одно свойство идеальной женщины-жены была её хозяйственность. Содержание жилища в порядке, контроль питания домочадцев и состояния припасов — лишь небольшая часть женской ежедневной рутины [Домострой 2007, с. 112].

Воспитывать дочь, которая в будущем станет достойной женой, необходимо было строго. За ней необходимо было внимательно приглядывать, ведь немаловажной составляющей образа идеальной женщины была её беспорочность [Там же, с. 30].

Подводя итог вышесказанному, можно говорить о том, что идеал женщины включал в себя целый список пунктов — как по внешности, так и по внутреннему миру женщины. Но главное качество, которое мужчины искали в представителях противоположного пола, было здоровье — как физическое, так и психологическое. А девушки, в свою очередь, стремились соответствовать представлениям и ожиданиям общества, зачастую прибегая к способам, подвергающим удару их здоровье.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Домострой. СПб., 2007.

Из частной жизни служилых людей рубежа XVI–XVII веков. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1580-1600/Castn_zizn_sluz_ljudej/text.htm

Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне М., 1846.

Зимин И., Орехова Л., Мусаева Р. Из истории зубоврачевания, или Кто лечил зубы российским монархам. М., 2015.

Мазалова Н.Е. Народная медицина в традиционной русской культуре // *Торэн М.Д.* Народная медицина и психотерапия. СПб., 1996.

Симони П.К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и прочих XVII–XIX столетий. СПб., 1899.

E.O. Chigiryova
Izhevsk (Russia)

IDEAL OF RUSSIAN WOMAN IN 16th–17th CENTURIES

The article is devoted to the analysis of the ideas of the inhabitants of Muscovite Russia and foreigners who were in Russia in the 16th–17th centuries, about the ideal of a woman, about her external and internal qualities. The work describes the visual image of a girl who fits the standard of beauty of the period under consideration. The most important quality for her, which guaranteed marriage, was considered health. To create the image of a woman capable of giving birth and raising strong children, the girls of Russia resorted to some tricks that had the opposite effect and hit their health.

Keywords: Muscovy Rus, everyday life and customs, the image of a woman, notes of foreigners.

М.А. Ганина
г. Нижний Новгород (Россия)
МБОУ «Школа № 169»

ФИЛИПП МЕЛАНХТОН: К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ МАГИСТРАМИ ЕСТЕСТВЕННЫХ ДИСЦИПЛИН

Взаимосвязь теологического и естественнонаучного знания волновала интеллигенцию эпохи Ренессанса. Филипп Меланхтон, деятель Германии XVI в. отражает представление о необходимости этих знаний.

Ключевые слова: образование, медицина, теология, наука, Филипп Меланхтон.

Взаимосвязь теологического и естественнонаучного знания отчетливо прослеживающаяся в образовании Средних веков также стала волновать интеллигенцию в эпоху Ренессанса. Гуманистический аспект образования, а именно пристальное внимание светским наукам и примеру из литературы античного наследия, атеистические взгляды ряда ученых отделяли теологию, познания о душе и Боге, от естественнонаучных дисциплин, в частности тему изучения медицины.

Вопросы важности разностороннего обучения стали включать в свою деятельность магистры различных направлений подготовки. Необходимость иметь в перечне изучаемых повсеместно дисциплин общие, помимо богословия, являлась весьма актуальной задачей. Надобность таких нововведений начинают отстаивать ученые вышеназванной эпохи, в частности Филипп Меланхтон — профессор Виттенбергского университета, гуманист, теолог и богослов, преподаватель, который читая курс лекций по богословию и греческому, латинскому, а также ивриту, заинтересовался изучением ряда естественнонаучных дисциплин.

Прежде всего, изучением медицины должны были заниматься студенты-медики, но Меланхтон рекомендует и обучающимся других направлений подготовки, правда в качестве элементарного курса.

Магистр подчеркивает важность образования в целом. По мнению преподавателя, образование предстает единственной основой существования человеческого разумного общества. Без познания наук, считал Меланхтон,

люди ничем не отличались бы от диких животных, которые живут исключительно инстинктами. В данном представлении отражается идея о наличии магистров — образованной части людей, которая должна обладать определенного рода знаниями, в том числе и медицинскими. Профессор делит магистров на два направления: гражданские и церковные [Bröer, Hofheinz 2001, p. 26].

К первой категории относятся все люди, занимающиеся мирским устройством общества. Он говорит, что гражданские — это те, которые носят меч и охраняют этот мир, и соответственно, поддерживают порядок в обществе. Они выполняют в основном юридические функции: разрабатывают постановления, законы и вершат правосудие, наказывают виновных. Данная категория людей обладает так называемым «правом меча», а именно — выносить обвинительные и оправдательные приговоры. Каждый человек, относящийся к этой группе, должен иметь следующую характеристику: во-первых, обязан прислушиваться к Богу и Его Слову, хорошо знать Писание. Для доказательства своей позиции, Меланхтон ссылается на Деян. 5:29, где сказано, что необходимо повиноваться Богу, а не людям. Во-вторых, он призван приносить пользу, что должно быть продиктовано прежде всего верой и любовью к созданиям Господа. В-третьих, наставлять граждан в миру.

Ко второй категории относятся священнослужители, которые призваны наставлять людей как во внешнем — правилах проведения таинств, посте, молитве — также и в духовном: исповедовать и отпускать грехи, помогать исправлению заблудших душ [Loci communes 1944, p. 263].

На всех направлениях подготовки, будь человек обладателем мирской специальности или духовного сана, необходимо обучение, которое должно включать в себя естественнонаучные дисциплины, в частности медицину. Меланхтон отмечает, что это нужно по ряду причин.

Первое обстоятельство связано с необходимостью познания человека, как триединого Божьего существа: единство души, духа и тела. Для грамотного представления о всех трех частях, необходимо изучать природу, анатомию и психологию, взаимосвязь духовных компонентов с физическими, Слово Божье.

Разбираясь в данном вопросе, Филипп Меланхтон публикует свой труд «Commentarius de anima», который затем дописывает, а работа получает новое название «Liber de anima». Первая часть книги включала в себя описание анатомии человека: строение тела, наиболее важных органов и их функции, в то время как вторая — является отражением природы души, синтезом философской и теологической мысли [Melanchthon 1542, p. 12].

В своем произведении Меланхтон подчеркивает взаимосвязь двух наук, пишет о том, что успех учения о создании человеческого тела определяет появление нового дня. Человек приходит в этот мир при взаимодействии

двух сильнейших областей знания, а именно медицины и теологии, которые в свою очередь ставят человека на ноги в этом мире.

Господь имеет власть над людьми, с Его волей сделать ничего нельзя, однако во власти людей обретать лечение и поддерживать здоровье, что является богоугодным делом, так как сохраняет дары Творца, дарованные им.

Христос представляется как Царь людей, который имеет скипетр жизни и управляет их судьбами, однако оставляет людям достаточно много самостоятельности в вопросах собственного тела, отсюда и необходимость познания медицины.

Меланхтон полагал, что рассмотрение натурфилософии и анатомии должны распространяться в обществе в целом, особенно это должны изучать теологи. Совершенно очевидно, что значение строения человеческого тела крайне важно для людей, связанных с врачеванием, но профессор Виттенбергского университета считает его полезным и для людей других специальностей, в частности богословов. При этом, подобные идеи, о надобности изучения анатомии, считали важными, для восприятия отношений между телом и душой и другие представители протестантизма [Melanchthon 1576, p. 50].

В частности, Мартин Лютер как глава лютеран Германии и основатель ранее упомянутого направления христианства в целом полагал, что человеческое тело и душа объединены и таким образом спасены от погибели. Это означает, что Святой Дух пребывает как в теле, так и в душе верующего, посему дьявол был найден во внутренностях грешника. Это воспринималось, как физическая реальность, то есть болезнь, с одной стороны — это духовная атака на тело, отсюда как болезни физические, так и ментальные. Таким образом, зная основы медицины было возможно правильнее заботиться о своем теле, тем самым предотвращая болезни, а также проверять свою веру.

По свидетельству Меланхтона, в состоянии заболевания или при ее обнаружении божественный дух (divinus spiritus) раскрывался в телах набожных и заставлял их еще больше толковать Писание, а именно углубляться в Божье познание. Противоположным является ситуация, когда этот дух раскрывается в телах ненабожных, в таком случае, у людей начинается отрицание Господа, так как те впадают в уныние [Melanchthon 1576, p. 50].

Отсюда следует, что гражданские магистры, должны обладать медицинским знанием для помощи людям не только профессиональной, но и обывательской. Теологи, понимая строение человеческого тела, могут лучше познать природу болезни, что рождает второе обстоятельство важности изучения естественнонаучных дисциплин.

Таким образом, тело предстает как оболочка для души, которая должна служить Господу и может являться показателем Божьей веры. Это наводит на мысль о том, что необходимо заботится о физическом также тщательно, как и о духовном здравии.

Болезнь может как показать истинную человеческую внутреннюю природу при реакции на ситуацию, так и являться инструментов в руках дьявола. Последний в сердцах людей видит пороки, и через тело препятствует человеку в общении с Богом посредством болезни. Дьявол, по мнению Меланхтона, воздействует на телесный дух, который разлагается в результате недуга, затмевая разум и Бога. Поэтому христианская вера была важна для благополучия души и тела. Также определенные знания медицины в данной ситуации должны помочь действовать здраво и не запускать болезнь, полагаясь лишь на веру [Bröer, Hofheinz 2001, p. 26].

Филипп Меланхтон также пишет: теоретически принято было считать — у здорового морально человека и тело будет здорово, однако это, по уверению Меланхтона, не так, потому как тело — это инструмент не только божественного предпочтения, но и дьявольского воздействия. Таким образом, необходимо знать естественную философию тела и изучать анатомию, которые раскрывают обстоятельства, имеющие как практическое, так и моральное значение для выздоровления человека и сохранения жизни последнего.

При этом люди, которые усвоили божественную истину, должны были следовать Божьей воле и заботиться о своих физических телах. Внимательные к своему здоровью христиане, становятся лучшими последователями Иисуса, по уверению одного из главных проповедников лютеранской немецкой общины [Fink-Jensen 2006, p. 24].

Люди, по мнению Филиппа Меланхтона, должны быть побуждены заботится о своем здоровье и защищать свои тела, не только потому что они являются храмом Бога, живущего в них, но также и потому, что это обитель души. Для этого нужно изучать слово Божье и прислушиваться к государственным властям.

Лютеранское восприятие связи тела и души, а также греха и болезни дает комментарий о разного рода эпидемиях, которые приводятся в качестве примера (в частности чума). Теологи подчеркивали благочестивые меры в борьбе с чумой, в первую очередь передавая послание о том, что те, кто раскаялся в своих грехах, могут предотвратить заражение. С другой стороны, доктора медицины уделяли наибольшее внимание мерам, направленным на ограничение распространения и заражения; это было вполне естественно, поскольку, в конце концов, считалось, что они обладают опытом в этих вопросах, в то время как теологи были искусны в назначении необходимых покаяний. Но каждый из этих типов трактатов подчеркивает необходимость мер предосторожности другого типа. Средневековые доктора медицины, на которых ссылался Меланхтон, не забывали подчеркивать важность борьбы с грехом, и с этим была связана борьба с чумой и другими болезнями. Лучшее лечение не всегда было медицинским: иногда молитвы и чтение Библии считались более эффективными [Fink-Jensen 2006, p. 24].

Считалось что магистры мирского рода деятельности, будут охранять физическое здоровье граждан, принимая верные решения. Для священников медицинские знания имеют схожее значение, однако последним необходимо грамотно объяснять особенности Божьего Слова и Его повеления в отношении тела, которые не противоречат обращению к медицине и приему лекарств. Научение в данной области, способствует нормализации жизни общества и улучшения качества его жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Melanchthon Ph. Commentarius de anima. Gryphivm, 1542.

Melanchthon Ph. Liber de anima. Vitebergae, 1576.

Loci Communes of Philip Melanchthon with a Critical Introduction by the Translator: Charles Leander Hill. Boston, 1944.

Bröer R., Hofheinz R. Gesundheitspädagogik statt Tröstung Die theologische Bewältigung von Krankheit bei Philipp Melanchthon und Caspar Peucer // Sudhoffs Archiv. 2001. Bd. 85. H. 1.

Fink-Jensen M. Medicine, Natural Philosophy, and the Influence of Melanchthon in Reformation Denmark and Norway // Bulletin of the History of Medicine. 2006. Vol. 80. №. 3.

M.A. Ganina
Nizhny Novgorod (Russia)
"School № 169"

PHILIP MELANCHTON:
TO THE QUESTION OF STUDYING MASTERS
OF NATURAL DISCIPLINES

The interrelation of theological and natural scientific knowledge worried the intelligentsia of the Renaissance. Philip Melanchthon, a figure of Germany in the 16th century reflects the idea of the need for this knowledge.

Keywords: education, medicine, theology, science, Philip Melanchthon.

Е.М. Попова
г. Великий Новгород (Россия)
НИЦ Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого

К ВОПРОСУ О ВОЗВРАЩЕНИИ НОВГОРОДА В НАЧАЛЕ XVII в.: КРИМИНАЛЬНАЯ ОБСТАНОВКА ВО ВРЕМЯ ПЕРЕГОВОРОВ МЕЖДУ МОСКВОЙ И СТОКГОЛЬМОМ*

Данная статья посвящена отдельному сюжету, касающемуся криминальной обстановки в период русско-шведских переговоров. На материалах источников, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, автор рассматривает насколько серьезной была опасность для сторон со стороны преступных группировок, какие проблемы возникали во время столкновения с ними, как это влияло на продолжение переговоров. В результате автор приходит к выводу о том, что обстановка во время переговоров была очень напряженной, попытки преступников совершать набеги и грабежи лишь отягощали их. Отправленные на переговоры служилые люди зачастую не могли самостоятельно справиться со сложившейся ситуацией.

Ключевые слова: криминальная обстановка, русско-шведские переговоры, Смутное время, обмен пленными.

В нач. XVII в. в Великом Новгороде сложилась особая ситуация, которая привела к формированию шведско-новгородской администрации в 1611 г., целью которой было временное управление подконтрольной территорией, до избрания нового монарха в России. Обстановка в городе и Новгородской земле в целом была относительно стабильной, несмотря на реалии Смутного времени. Однако в 1613 г. в Москве на Земском соборе новым царем был избран Михаил Федорович Романов, что заставило новгородцев сменить свой политический вектор: отказаться от мысли о призвании шведского короля и вернуться в состав Московского государства. Подобная ситуация не могла не заставить шведскую Корону обратиться к жестким мерам, однако попытки привести население города к присяге Густаву II Адольфу в 1614 г.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-18-00183.

оказались безрезультатными [ДАИ, с. 28–32]. Тщетность попыток интеграции Новгородской земли в состав шведского государства, а также разность мнений, которая возникла у шведского военачальника Якоба Делагарди и короля Густава II Адольфу [Замятин 2016, с. 364], заставили последнего согласиться на проведение переговоров с Москвой и перейти к процедуре передачи Великого Новгорода под управление Михаила Романова. С этой целью на переговоры прибыл английский посол Джон Меррик, чтобы добиться подписания мирного договора между враждующими сторонами.

Активное ведение переговоров началось в 1615 г., в связи с чем на встречу с шведскими послами были отправлены русские служилые люди. Посольские документы хранятся в РГАДА, они повествуют о ситуации, которая была характерна всему периоду ведения русско-шведских переговоров и решении о статусе Новгорода и Новгородской земли. В рамках одной статьи мы решили обратить внимание на один источник, который был написан в ходе ведения промежуточных переговоров в Осташкове [РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Р. 2. Д. 3]. Это документ, написанный русской скорописью XVII в. на 304 л., который датируется 12 марта 1615 г. и завершается в декабре того же года. С помощью него нам хотелось бы рассмотреть следующие вопросы: насколько опасной была обстановка в период русско-шведских переговоров, были ли организованные преступные банды и как с ними справлялись посланные русские служилые люди.

Из документа следует, что во время ведения переговоров русские служилые люди испытывали трудности постоянно: им то не хватало бумаги, то лошадей, то продовольствия [Там же, л. 1, 12, 16]. Сами переговоры в целом шли с трудом, т.к. возникали серьезные сложности с решением о месте их проведения: «А съехався говорити чтоб быти съезду и розмене у Семена Гавриловича да у Петра Агеевича да у дьяка Ивана Шевырева с немецкими людьми которые будут на розмене в деревне Сосницах… и за то стояти накрепко, чтоб съезду и розмене вы в деревне Сосницах и будет на то неметцких людеи уговорит немочно чтобы те розмене в деревне Сосницах и чесному с товарищи по конечнои мере с немцы договаривался чтобы быть съезду и розмене на Полонове… говорити и стояти за то накрепко, что съезду и розмене на Песках быти не мочно, потому что Пески от Осташкова далече, а се два путя водянои путь да сухои, а им то и самим лутче у них будет конно, а государевых людеи водянои, а быти бы съезду и розмене в деревне Сосницах или конечно по последнеи мере на Полонове, а дале Полонова никакими мерами съезду и розмену без государева указу не приговаривать» [Там же, л. 12–13]. В связи с чем попытки преступников напасть на послов были отягчающим фактором.

Служилые люди неоднократно обращались к Михаилу Романову с информацией о серьезной опасности, которая поджидала их на дорогах.

Исходя из документа становится понятно, что главным преступником в период переговоров был некий атаман Микитка Жеребец. Была совершена попытка ликвидировать «проблему»: «Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу холоп твои Бориска Кокорев челом бьет. В нынешнем государь во 1615 году апреля в 3 день посылал я холоп твои на воров на Микитку Жеребца с товарыщи голову Тимофея Висилицына, а с ним дворян и детей боярских, а Семен Коробьин с товарыщи послал от собя стрельцов пятьдесят человек Борисова приказу Полтева, которые посланы с Семеном Коробьиным с товарыщи с немецкою разменою для тово, чтоб оне стоят на дороге английскому послу князю Ивану Мерику и Семену Коробьину с немецкою разменою ити. И голова Тимофеи Виселицын з дворяны и с детьми боярскими и стрельцы тех воров Жеребца с товарыщи в Острошке осадили апреля ж государь в 25 день. Голова Тимофеи Виселицын с дворяны и с детьми боярскими и стрельцы, которых с ним посланы в Осташково пришол, а сказал мне, холопу твоему, которые стрельцы с ним посланы ото Семена Коробьина с товарыщи с теми воры возмен. И послушав головы Тимофея Виселицына к том вором на приступ не пошли с теми вора битца не стали, свинец имея тем вором продавали, а ему Тимофею тех стрельцов смирить не ким, и как оне отошли, и те воры Микитка Жеребц, укрепя острог и ров выкопав сели, а мне холопу твоему на тех воров посылати неково, английский посол князь Иван Мерик стоит в Осташкове» [Там же, л. 6]. Исходя из отрывка можно заметить, что некоторые стрельцы отказались от приступа и даже перешли на сторону вора, более того, они стали продавать ему свинец. Государь распорядился сыскать и жестоко наказать стрельцов-перебежчиков [Там же, л. 7–8].

Возникает вопрос, почему стрельцы поступили таким образом? Из челобитной стрельцов к Михаилу Романову мы узнаем, что они жили впроголодь, и подобные действия связаны с попыткой прокормиться [Там же, л. 28]. Однако некоторые из стрелецкого войска оставались до конца с государевыми посольскими людьми, максимально оказывая сопротивление ворам: «И Тимофеи, государь, Виселицын вора Жеребца сшел во Ржевском уезде во Вселуцкои волости в деревне Хвощне, и вор государь Жеребец в тои деревне Хвощне зделал острог и сел от них в осаде. И Тимофеи Виселицын государь к ним приступал и на приступе ранили московского стрельца Борисова приказу Полтева Прохоровы сотни Захарина Савку Гаврилова ис пищали по ноге» [Там же, л. 28].

Какие проблемы возникали в связи со столкновением с преступниками, помимо предательства стрельцов? В первую очередь, это нехватка людей. Неоднократно Михаилу Романову доносили, что преступников много, а переговорщикам неоткуда взять подкрепление и не с кем оставить пленных: «Апреля в 20 день послали мы холопи твои дворян и детеи боярских Чеснова

Корцова с товарыщи в договоре к немецким людем государь нам холопем твоим с немцы съехатся… а немецких государь полоняников по твоему государеву указу оставили мы холопи твои в Осташкове до тех мест покаместа мы с неметцкими людьми о розмене договоримся и устроили их на трех дворех и приказали их береч дворяном Кирилу Шишмареву да Ондрею Ресницыну, да сотнику Веревкину, да Осташковским посатцким лучшим людям трем человеком Петру Тупицыну, Федору Ковкову и Осипу Проскуряку, а сторожеи им велели имать посатцких же людеи по пятдесят человек на день и на ночь» [Там же, л. 29].

Более того, несмотря на большое количество людей в банде Жеребца, к нему прибывали новые силы, однако голове Тимофею Виселицыну частично удалось их ликвидировать: «и не ведаючи государь Тимофея Виселицына шли в сход к тому вору Жеребцу иные воры и божиею госдуарь милостью и твоим государевым счастьем Тимофеи Виселицын с товарыщи тех воров побил и живых поимал, которые шли во сход к вору к Жеребцу, и привел государь к нам к холопем твоим в Осташков живых семи человек» [Там же, л. 30].

Однако окончательно с бандой Жеребца справиться так и не удалось, что привело к усложнению ситуации: «пришел де к ним в Щуче бродячи мужик, а был де он в острошке у вора у атамана у Безсонка с товарыщи и сказывал ему. Слышал де он у Безсонка с товарыщи, что они збираютца с воры и хотят приходить на нас холопеи твоих и на немецких людеи как мы с немецкими людьми будем на съезде, а с Бессонком де государь воров больше двусот человек, а иные де государь к нему прибираются. Да апреля ж государь в 23 день прибежал в Осташков Ржевского уезду мужики и сказывали нам холопем твоим, что они бегают с рубежей от Торопецкого уезду от вора от атамана от Жеребца с товарыщи, а вор де государь Жеребец с своею станицею идет в сход к вору же к Безсонку с товарыщи, а з Жеребцом де государь воров болши пятидесяти человек, а иные де государь к ним прибираются ж». Количество преступников постоянно росло, что усложняло ситуацию с попыткой дать им отпор.

Подводя итог, стоит отметить, что русским послам приходилось вести переговоры и обмен пленными в крайне напряженной обстановке. В целом им не хватало продовольствия, подкрепления и даже бытовых вещей. Это приводило к тому, что отправленные на съезд стрельцы отказывались нести службу, требовали продовольствие или же уходили, пополняя шайки воров. Сам тон переговоров со шведами в 1615 г. был довольно натянутым, оставалось много нерешенных вопросов и спорных моментов. В данном случае преступные действия воровских группировок были серьезным фактором, осложняющим ход переговоров. Говоря о самой криминальной обстановке, стоит сказать, что она была довольно сложной: послы опасались встретиться

с преступниками не только на дороге, но и на самих переговорах со шведами, т.к. у воров зачастую было численное преимущество. Все это, в том числе, заставляло постоянно откладывать переговоры, ждать подкрепление и распоряжения Михаила Романова.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Отправление на съезд на речку Яуну российских судей Коробьина, Обернибесова, Шевырева с шведским ротмистром Ангельманом с товарищами для размена пленных русских и шведских, тут же допросы пленных о поступках, чинимых шведами в Новгороде и о поездке на съезд английского посла // Российский государственный архив древних актов [**РГАДА**]. Ф. 96. Оп. 1. Р. 2. Д. 3. 304 л.

Предложение Эверта Горна к новгородским чинам. 25.01.1614 // Дополнение к актам историческим [**ДАИ**]. Т. 2. СПб., 1846.

Замятин Г.А. Условия заключения Столбовского мирного договора между Россией и Швецией 9 марта 1617 г. // НИС. В. Новгород, 2016. Вып. 16 (26).

E.M. Popova
Veliky Novgorod (Russia)
SRC of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

ON THE QUESTION OF THE RETURN OF NOVGOROD AT THE BEGINNING OF THE 17th CENTURY: THE CRIMINAL SITUATION DURING THE NEGOTIATIONS BETWEEN MOSCOW AND STOCKHOLM

This article is devoted to a separate story concerning the criminogenic situation during the Russian-Swedish negotiations. Based on the materials of sources stored in the Russian State Archive of Ancient Acts, the author examines how serious was the danger to the parties from criminal groups, what problems arose when confronted with them, how it affected the continuation of negotiations. As a result, the author comes to the conclusion that the situation during the negotiations was very tense, the attempts of criminals to commit raids and robberies only burdened them. The employees of the service who were sent to negotiate often could not cope with the current situation on their own.

Keywords: criminal situation, Russian-Swedish negotiations, Time of Troubles, prisoner exchange.

В.Г. Циватый
г. Киев (Украина)
Киевский национальный ун-т им. Тараса Шевченко

ЗАМКИ ЕВРОПЫ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ КОММУНИКАТИВНЫХ И ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПРАКТИК: ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ УРБАНИСТИКИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ФРАНЦИСКА I ВАЛУА (1515–1547)

В статье проанализирован внешнеполитический и политико-дипломатический опыт Европы как выдающееся историческое событие для политико-дипломатического и институционального развития Европы и формирования её системы международных отношений в эпоху раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.). Особенное внимание уделено институциональному развитию коммуникации, дипломатическому инструментарию, переговорам, нормам протокола, этикета и церемониала ведущих государств Европы. Внимание акцентируется на интеллектуальной истории и различных подвидах интеллектуального наследия Франции исследуемого периода, а также на европейских культурно-исторических, политико-дипломатических, урбанистических, архитектурных и институционально-цивилизационных ценностях в период правления Франциска I Валуа (1515–1547). В статье анализируются теоретические основы и задачи исторической коммуникологии и исторической урбанистики в исторической литературе. Главное внимание уделено выяснению коммуникативной культуры и культуры коммуникации в Европе Средневековья и Ренессанса. Рассмотрены особенности коммуникативных процессов, институциональных и дипломатических практик в европейской Реформации. Анализируется внешняя политика и дипломатия европейских государств раннего Нового времени. Особенное внимание уделено концептам «Европа», «внешняя политика», «дипломатия», «коммуникация», «урбанистика» в контексте институционального развития дипломатических служб и моделей дипломатии ведущих государств Европы. Определены направления развития теории и практики дипломатии, а также истоки формирования общественно-политической мысли раннего Нового времени в контексте концептуализации Европы.

Ключевые слова: внешняя политика, дипломатия, переговоры, институционализация, историческая коммуникология, коммуникация, историческая урбанистика, Франциск I Валуа (1515–1547), Франция, Европа.

В каждом обществе формируется и функционирует комплекс базовых типов, структур, институтов, принципов, форм и средств коммуникативных отношений, которые можно обозначить термином коммуникативность. В свою очередь, коммуникативность определяет характер культуры коммуникации общества на том или ином этапе его исторического развития [Lutter 1998, p. 96–113]. История личности, как и общества в целом, разворачивается как драма, столкновение, противодействие, конфликт характеров, конфликт интересов, ментальный приоритет, ментальная установка, а также является отражением реального коммуникативного наполнения политической, дипломатической, социальной, религиозной и культурной жизни [Sillars, Vangelisti 2006, p. 116–121]. Историческая коммуникология рассматривает коммуникацию как центральную категорию, сквозь призму которой анализируются все сферы жизни общества [Дятлов 2016, с. 129–136].

В XVI в. во Франции, как и в других государствах Европы раннего Нового времени, произошли значительные изменения в общественно-политическом устройстве, что проявилось в укреплении королевской власти и интенсификации процесса формирования национального государства [Мабли 2014, с. 55–63]. Наряду с государственными процессами, активизировались международные отношения и дипломатия, что побудило за собой установление новых принципов межгосударственных отношений и внешнеполитических стратегий, проявление национальных особенностей дипломатических практик: от спорадических и несистемных миссий европейские государства начали постепенный переход к постоянным дипломатическим представительствам. Главным áктором на этой сцене политико-дипломатических и социокультурных преобразований становится индивид [Циватый 2019, с. 120–127].

Международные отношения, внешняя политика и дипломатия Франции 2-й пол. XVI в. олицетворялись в образе и действиях французского правителя — Франциска I Валуа (1515–1547), поскольку подходы, принципы, убеждения, решения и практические дипломатические действия во многом определяли прогресс французской дипломатии XVI в., институциональные особенности французской модели дипломатии и способствовали её дальнейшему развитию в течение XVI–XVIII вв. [Barbiche 2012]. Особым стратегическим направлением новой французской дипломатии стало сотрудничество Франциска I с Сулейманом Великолепным, правителем Османской империи [Ціватий 2021, с. 160–170]. Исследователь Дженсен де Ламар удачно подметил, что французский король первым отказался от традиционного отношения христианского мира к туркам, и сделал их активным партнером во внешней политике Франции. Выбор союзником исламского государства был достаточно смелым решением Франциска I в условиях острого антаго-

низма между европейским христианским и мусульманским мирами. Другим направлением дипломатической деятельности Франциска I были его политико-дипломатические отношения с папством [De Lamar 1985, p. 15].

Совершенно очевидно, что сотрудничество Франции как с османами, папством, так и с немецкими князьями, было прямым следствием борьбы двух мощных европейских династий, Габсбургов и Валуа, за гегемонию в Европе, в ходе которой Франциск I руководствовался не столько традиционными подходами, сколько действовал в расчете на пользу французскому королевству. Официальный титул Франциска I — «Божьей милостью король Франции» дополнился принципом: «Король является императором в своем королевстве», а потому не зависит от внешних сил (папы или императора) [Henry VIII and Francis I… 2011, p. 66–71]. Франциск I Валуа (1515–1547) вступает в дипломатическое, военно-политическое и экономическое взаимодействие с правителями разного вероисповедания. Он демонстрирует собственную внешнеполитическую позицию и дипломатические взгляды, очищенные от религиозных средневековых убеждений, создаёт новую модель королевского двора, как институции, и реализует эффективные дипломатические практики, формирует собственное виденье и концепцию королевского двора [Ревякина, Девятайкина 2020].

Характерным примером развития концепта «королевский двор», являются загородные резиденции королей — дворцы и замки, и в первую очередь — дворец Фонтенбло. Концепт «Королевский двор» как институциональное политико-дипломатическое и социкультурное пространство начала 1-й пол. XVI в. — явление чрезвычайно интересное и значительное [Килимник 2011, с. 202–213]. Это новая веха не только в дворцовом искусстве, изобразительном искусстве, но и в художественной культуре Франции в целом. Она создала новое мировоззрение со своими доминантами и новым стилем. Этот институциональный этап дал французской культуре целую плеяду мастеров, творчество которых имеет большое значение для формирования архитектуры, искусства и культурных традиций Франции последующих эпох [Black 2010, p. 109–116; Sée, Rebillon 1934, p. 176–179].

Феномен стиля Фонтенбло сыграл значительную роль и в контексте искусства других государств, то есть получил международный характер. Прежде всего имели место связи итало-французские и французско-фламандские, которые и привели в итоге к формированию единой итало-франко-фламандской культуры. В XVI в. происходит новое осмысление концептов «королевский двор», «дом», «жилье» в контексте их институционального взаимодействия и институциональных взаимосвязей. Ментальное переосмысление концепта «королевский двор» как институционального явления раннего Нового времени получило развитие в период правления Франциска I (1515–1547) [Циватый 2019а, с. 146–150].

Культурными центрами Франции стали загородные королевские резиденции — преимущественно замки долины Луары. В оформлении маскарадов, фейерверков, дипломатического приёмов и мероприятий институционально разнородных дипломатического практик, которые здесь систематически устраивались по любому удобному поводу, участвовали известные художники. Франциск I имел страсть путешествовать своими владениями — от замка к замку, где он иногда проводил всего несколько часов. В этих развлекательных путешествиях принимал участие и весь двор, возникали целые королевские эскорты, их праздничные въезды тоже оформлялись должным образом, церемониальными правилами и этикетными нормами. По такому поводу создавались разнообразные декорации и эскизы. Праздники подобного рода устраивались в честь въездов в город (чаще всего — в Париж) членов королевской фамилии или победителей каких-либо значительных баталий, по случаю подписания династических брачных контрактов, дипломатического документов, начала царствования нового монарха, рождения наследника престола. Чаще всего только официальная часть праздничной церемонии проходила в столице, а продолжение церемонии — в загородных королевских резиденциях [Knecht 2005, p. 66–76].

Любимыми резиденциями были Амбуаз и Блуа. Важная роль отводилась — Азе-ле-Ридо, Шамбор, Шенонсо, Ане, Анжер, Фонтенбло и т.д. Свой архитектурный вид в эти годы меняют и Монтрезор, Тальси, бургундский замок Танле, Юссе, Ла Вальер, Виллесавен, Бордезьер, Конде, Бриссак, Виллер-Котре, Плесси-ле-Тур, для которых начинается новая эпоха институционального существования. По примеру Франциска I любовь к путешествиям по замкам и охотничьими угодьям перенимают и его преемники (Генрих II и Франциск II Валуа). Именно это становится причиной того, что французский двор надолго покидает Париж и находится в резиденциях, где и сосредотачивается центр не только придворной и политико-дипломатической жизни, но и придворной художественной культуры.

Начиная с конца XV в., изменяются функции замковой архитектуры Франции. Если раньше это были сугубо оборонительные сооружения, выполняющие утилитарные функции фортификационного и социокультурного характера, то отныне — усиливаются функции собственно эстетической художественной культуры и архитектурных шедевров [Ambrois Dubois à Fontainebleau 1987, p. 12–18]. В новых институциональных условиях, королевская резиденция отвечала теперь совсем другим потребностям (новый концепт французского «королевского двора»). Самыми известными памятниками замковой архитектуры этих времен является Азе-ле-Ридо, Шамбор, Шенонсо, Ане, Анжер и т.д. Но, кроме этих общеизвестных сооружений интересны также и такие замки как, например, Монтрезор, Тальси, Танле,

Юссе, Ла Вальер, Виллесавен, Бордезьер, Конде, Бриссак, Виллер-Котре, Плесси-ле-Тур, Валансэ, Монсоро. В 1519 г. король начинает строительство Шамбора, что и по сей день считается одним из самых лучших творений французского гения. Модель замка на берегах Косона была выполнена Доменико да Кортона и Приматиччо. Предполагается, что даже Леонардо да Винчи работал над проектом замка незадолго до смерти. В строительстве принимали участие Ж. и Д. Сурди, П. Неве, Ж. Гоберо. План является строго регулированным, разделение на этажи — четкое, арки имеют полуциркульную форму, применен ордер, декор чрезвычайно богат, словом, в архитектуре присутствуют все признаки Ренессанса. Особое внимание ученые обращают на спиральные лестницы-ступени Шамбора с двумя маршами, которые не соединяясь, проходят через все три этажа [Le château de Fontainebleau… 1989, p. 200–216].

В эти же времена начинает историю своего существования и Виллесавен. Он интересен как историей своего существования, так и архитектурными особенностями. Этот замок был построен в 1537 г. для Жана ле Бретона, суперинтенданта финансов Франциска I. Замок Виллер-Котре находится на территории «большого Парижа», в Иль-де-Франс. Этот замок был построен Франциском I, как Фонтенбло и Сен-Жермен-ан-Ле, сразу же после его возвращения из испанского плена. Первый этап строительных работ длился с 1528 по 1532 гг. Наряду с архитектурой загородных резиденций значительное внимание уделяется и городской застройке, как составляющей нового концепта французского «королевского двора». Мировоззрение нового поколения архитекторов формировалось во многом под влиянием их посещений Италии. Самыми значительными в этот период есть имена Ф. де л'Орма, Ж. Бюллана, П. Леско и Ж.-А. Дю Серсо. Фамилию Филибера де л'Орма связывают прежде всего с замком Сен-Мор и дворцом Тюильри, а также с замками Шенонсо и Фонтенбло. Ему принадлежит также архитектурный «каркас» гробницы Франциска I в аббатстве Сен-Дени под Парижем, скульптурное убранство которой исполнил П. Бонтан. Мало что из творений Филибера де л'Орма, к сожалению, дошло до наших дней, о чем мы можем судить лишь с помощью гравюр дю Серсо. Но история сохранила сведения о его теоретическом наследстве — трактаты «Архитектура» (1567) и «Новые изобретения, чтобы строить дешево и хорошо» (1561).

Особого внимания в контексте институционального королевского пространства заслуживает именно дворец Фонтебло. Франция превращается в своего рода арену борьбы двух стилей, двух эпох, которая продолжалась до тех пор, пока новое начало полностью не вытеснило старое. И ярче всего этот процесс проявился именно при Франциске I, который превратил свой двор в центр развития культуры и искусства, изящества и роскоши, и перенес его в одну из своих загородных резиденций — Фонтенбло, приезд

куда он называл приездом домой [Journal d'un bourgeois… 1854]. Значительный процесс институциональных преобразований в Фонтенбло начинается с 1527 г. Средневековая крепость по желанию Франциска I превращается в ренессансный уже дворцовый ансамбль. Поэтому здания имеют не фортификационный характер, а вид обычной загородной резиденции. Своим названием Фонтенбло обязан источнику, расположенному на территории владений, которое назвали «Прекрасным источником» или «Источником с прекрасной водой» (*«Belle Fontaune»* или *«Fountaine belle eau»*). Однако существует и другая версия, которая гласит, что резиденция получила свое название благодаря одной из охотничьих собак короля — именно она и нашла в лесу чистый источник, который так полюбили монархи. Кстати, этот источник функционирует и по сей день, он дал название одному из внутренних дворов замка [Ambrois Dubois à Fontainebleau 1987, p. 16–17].

С 1528 г. в Фонтенбло работает архитектор Жиль ле Бретон (Gilles Le Breton; ок. 1500–1553 гг.) — французский архитектор и мастер-каменщик эпохи Ренессанса. Под руководством более опытных зодчих Жиль ле Бретон принимал участие в строительстве готической капеллы Венсенского замка (1520). Но самое знаменитое творение Жиля ле Бретона — это, конечно же, замок Фонтенбло. Всемирно известный замок Фонтенбло (*Château de Fontainebleau*) расположен в 60 км. к юго-востоку от Парижа. Окруженный живописным лесом, он является одной из старейших загородных резиденций французских королей. Первым, кто серьезно занялся реконструкцией усадьбы, благоустройство резиденции Фонтебло, был именно король Франциск I. Король потребовал разрушить большую часть старого замка и построить новый на фундаменте предыдущего. Но целостного проекта не было уже тогда — Фонтенбло представлял собой совокупность павильонов, залов, галерей, флигелей, появлявшихся по желанию различных королей. В течение своего царствования Франциск I еще не раз возвращался к реконструкции Фонтенбло. В 1516 г. ко двору французского монарха прибыл 64-летний Леонардо да Винчи, чтобы стать придворным художником короля, он привнес с собой новые веяния, само сознание новизны и необходимости перемен [Knecht 2005, p. 203–213; Ulmer 2006, p. 196–219].

Франциск I важное значение придавал и роскошному убранству своих резиденций, которые служили местом институциональной светской и политико-дипломатической жизни. Например, стоит упомянуть галерею в Фонтебло, которая украшена 14 фресками. Характер декоративной отделки галереи Франциска I, выполненного Россо, получил название «французской манеры». Если галерея Франциска I была первым примером органического синтеза во французском искусстве, то элементы такого синтеза присутствовали и в бальном зале — фрески сосуществовали с резными деревянными панелями, скульптурными рельефами, окружавших камин, а музыка влива-

ла в этот зал жизнь и праздничную суету придворных баллов. Франциск I, постоянно находясь в творческом поиске нового концепта «королевский двор», продолжал перестраивать замок, изменять его вид. Для воплощения в жизнь его грандиозных замыслов нужны были все новые мастера. Главным соперником маэстро Россо стал Приматиччо. Известно, что для короля мастер оформлял множество придворных празднеств, маскарадов, балов, дипломатических приемов, украшал многие интерьеры, среди которых Галерея Любви, Тронный зал и т.п., занимался устройством дворцовых садов (Павильон Помоны) [Doucet 1926, p. 159–166; Le château de Fontainebleau… 1989, p. 211–219].

Итак, Фонтенбло дало искусству Франции XVI в. новое обличие. В соперничестве за европейское лидерство и политико-дипломатический престиж, Франциск I превратил резиденции в своеобразное орудие, а Фонтебло — в средство для достижения побед — превращение Фонтенбло на культурную и политико-дипломатическую столицу (причем, не только Франции). Франция стала единственной страной, на основе которой влияние Южной Европы проявило не разрушительную, а креативную силу, породило пульсирующую, постоянно эволюционируя культуру королевского двора как сверхсложную и важную институцию дипломатических практик и светской жизни Франциии 1-й пол. XVI в.

Замок Фонтебло стал «универсальной мастерской». История выбрала Фонтенбло объектом для неизбежных изменений, а Франциск I стал проводником новых концептуальных идей. На его похоронах (7 мая 1547 г.) латинист Галлан составил своеобразное краткое резюме того, что сделал король для развития культуры своего государства. Этот представитель Парижского университета воспевал то, что Франциск разрушил прежние догмы, что французы до него во многом находились во мраке, не имея света знаний. Короля благодарили за культурную и политико-дипломатическую ментальную революцию, называя его победителем необразованности. Франциск I Валуа (1515–1547) осуществлял свою особую дипломатическую политику. Одним из влиятельных политико-дипломатических áкторов и основателей международно-политических процессов стала Франция, именно ее модель дипломатии послужила образцом для создания и внедрения дипломатического инструментария во всех государствах Европы раннего Нового времени.

Институциональные традиции королевского пространства Фонтенбло можно считать стремлением к институциональному синтезу искусств, органического взаимообогащения и взаимодействия различных национальных культур, определенной культурной стилевой цикличности. Архитектура, стиль, манера и художественные школы Фонтенбло во французском искусстве XVI в. стали глашатаем новой, барочной художественной культуры и исторической урбанистики. Концепт «королевский двор» при Франциске I

характеризуется особенностью национальных черт, изысканностью и прагматичностью. Королевский двор Франциска I (1515–1547) институционально являл собой синтез практичности, красоты и повседневности, объединяя в себе дом как жилище, пространство человеческого бытия и институциональный центр политико-дипломатических практик.

Опыт институционального развития политико-дипломатических систем государств и моделей переговоров не утратил своей актуальности сегодня. Интенсивность исследований в направлении исторической коммуникологии и исторической урбанистики даёт основания говорить о попытке углубления наших знаний и создании новых оценок политической, дипломатической и коммуникативной истории Европы в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Научные исследования и дальнейшее изучение историко-архитектурного наследия Средневековья и раннего Нового времени, в частности замков и дворцовых комплексов — феномена культуры Средних веков и раннего Нового времени, приобретает особую значимость для дальнейшей интеграции государств в общеевропейское культурно-историческое пространство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Мабли Г.Б. де. Принципы переговоров. М., 2014.

Дятлов В.О. Історична комунікологія та культура комунікації доби Середньовіччя і Ранньомодерного часу. Чернігів, 2016.

Килимник Е.В. Культурно-исторические особенности феодальных замков Центральной Европы, Западной Украины и Белоруссии XI–XVII вв. Екатеринбург, 2011.

Ревякина Н.В., Девятайкина Н.И. От Средневековья к «Радостному дому»: школы, ученики, учителя итальянского Возрождения (XIV–XV вв.). М., 2020.

Циватый В.Г. Европейские дипломатические практики раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.): институционализация, унификация, национальные особенности // Семёновские чтения. труды XI Всероссийской научной конференции с международным участием памяти профессора В.Ф. Семёнова. М., 2019.

Циватый В.Г. Институционализация европейского посольского церемониала и норм этикета в контексте их универсализации и национальных особенностей эпохи раннего Нового времени (XVI–XVIII веков): идеал внешнеполитической упорядоченности и противоречивость унификационных процессов // Исторический опыт унификации: цели, идеи, воплощение. М., 2019а.

Ціватий В.Г. Теорія і практика дипломатії Ранньомодерної Європи (XVI–XVIII ст.): інституціонально-регіональний дискурс // Гуманітарний корпус. Вип. 39. Вінниця, 2021.

Ambrois Dubois à Fontainebleau / [Le petit Journal des grandes Expositions]. Paris, 1987. № 170.

Barbiche B. Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. XVI-e – XVIII-e siècle. P., 2012.

Black J. A History of Diplomacy. L., 2010.

De Lamar J. The ottoman Turks in sixteenth century French diplomacy // TheSixteenth Century Journal. 1985. Vol. 16. № 4.

Doucet R. Étude sur le gouvernement de François I-er dans ses rapports avec le Parlement de Paris (1525–1527). Alger; Paris, 1926.

Henry VIII and Francis I: the final conflict, 1540–1547. Leiden, 2011.

Journal d'un bourgeois de Paris sous le règne de François premier (1515–1536). P., 1854.

Knecht R.J. Francis I. Cambridge, 2005.

Le château de Fontainebleau: [cat. exp. "Henri IV et la reconstruction du royaume"]. Pau, 1989.

Lutter Ch. Politische Kommunikation an der Wende vom Mittelalter zur Neuzeit. Die Beziehungen zwischen der Republik Venedig und Maximilian I. (1495–1508). München, 1998.

Sée H., Rebillon A. Le XVI siècle. P., 1934.

Sillars A.L., Vangelisti A.L. Communication: Basic properties and their relevance to relationship research // The Cambridge Handbook of Personal Relationships. N.Y., 2006.

Ulmer K. Castles of Friulia. Milan, 2006.

V.G. Tsivatyi
Kyiv (Ukraine)
Taras Shevchenko National University of Kyiv

CASTLES OF EUROPE AS INSTITUTIONAL CENTERS OF COMMUNICATIVE AND POLITICAL-DIPLOMATIC PRACTICES: FEATURES OF HISTORICAL URBANISM DURING THE RULE OF FRANCIS I OF VALOIS (1515–1547)

The objective of this research is to analyze the foreign policy, political and diplomatic experience of Europe both as an outstanding historical occasion for the political, diplomatic and institutional development of Europe and as the formation of its system of international relations in the early Modern Times (16th–18th centuries). Particular attention is paid to the institutional development of communication, diplomatic tools, negotiations, protocol standards, etiquette and ceremonial of the key European countries. Attention is focused on the intellectual history and various subspecies of the French intellectual heritage of the studied period, as well as on European cultural-historical, political-diplomatic and institutional-civilization values the rule of Francis I of Valois (1515–1547).

The article analyzes the theoretical foundations and tasks of historical communicology and urban history in historical literature. The main attention is paid to the clarification of the communicative culture and culture of communication in Europe of the Middle Ages and the Renaissance. The features of communication processes, institutional and diplomatic practices in the European Reformation are considered. At the turn of the Middle Ages and early Modern Times there is an objective process driven by the launch of the institutional design of foreign policy and diplomatic services of the leading countries in Europe. Accordingly, there is the relationship between the original concepts and priorities: “Europe”, “foreign policy”, “diplomacy”, “communication”, “urban” and so on. To that issues related to contemporary and evaluation for various state-legal forms and types of government, institutional political processes, characteristics of reality and ideals create tasks and in covering practice power models diplomacy, diplomacy institutions, humanistic traditions of diplomatic tools and more.

Keywords: foreign policy, diplomacy, negotiations, institutionalization, historical communicology, communication, urban history, Francis I of Valois (1515–1547), France, Europe.

С.О. Гафуров
г. Казань (Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

ПРАЖСКИЙ МИР И ГАБСБУРГСКИЙ УНИВЕРСАЛИЗМ

Данная статья посвящена рассмотрению Пражского мира 1635 г. в контексте концепции о претензиях Габсбургов на создание общеевропейской универсальной монархии во время Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. Соответственно, затрагивается проблема международных отношений в период Раннего Нового времени. Автор стремится дать оценку актуальности упомянутой концепции для современной исторической науки. Через анализ некоторых положений Вестфальского мира обуславливается необходимость рассмотрения Пражского мира и некоторых других документов в контексте заявленной тематики. Автор приходит к выводу о том, что Пражский мир являлся необходимой паузой для реализации Габсбургами идеи об Универсальной монархии.

Ключевые слова: Вестфальский мир, Габсбурги, история международных отношений, Священная Римская империя, Тридцатилетняя война, универсализм.

Глобальный пересмотр многих представлений о международных отношениях (*Далее* — МО), господствующих в историографии до конца XX в., является основной причиной усиления внимания к данной проблематике. Для большинства ученых, занимающихся историей МО, очевидна проблема отсутствия крупных теоретических работ, посвященных анализу средневековых или ранненововременных межгосударственных контактов. Наиболее часто применяемая методология для этого периода — реализм и марксизм. Тем не менее ряд исследователей взяли на вооружение формулировку династического периода развития МО, который непосредственно связан со становлением абсолютизма. Династический период характеризуется следующими положениями: происходит отождествление государства и династии; международные конфликты — как семейные ссоры; война — как необходимость героического деяния в придворной культуре; развитие МО неразрывно связано с франко-габсбургскими отношениями [Bosbach 1988, s. 11; Хеншелл 2003, с. 183–184; Тешке 2019, с. 336]. Не лишним здесь будет привести цитату из опубликованной в начале тысячелетия теоретической статьи

Хайнца Шиллинга, на которую ссылается в своих работах Ю.Е. Ивонин: «Именно для истории международных отношений нельзя доказать с достаточной убедительностью, что и XVI и XVII вв. принадлежат еще к миру Старой Европы, ибо в ней безраздельно и еще значительно сильнее, чем в истории государства и права, чем в социальной истории и в истории культуры, господствуют понятия и образ мышления, сложившиеся на основе представлений о структуре и способах функционирования государств XIX в.» [Ивонин 2012, аб. 4]. Еще почти столетие назад в центр политической истории раннего нового времени учеными был поставлен Вестфальский мир. Создателями этих представлений являются юрист Лео Гросс, политолог Ганс Моргентау и международник Хедли Булл [Куприянов 2019, с. 40]. Вестфальский мир был обозначен как начало новой системы взаимодействия государств. Как пишет А.В. Куприянов «Утверждение, что Вестфальский мир положил конец претензиям Габсбургов на создание общеевропейской монархии и не позволил им ликвидировать зарождающиеся национальные государства, является одним из столпов “Вестфальского мифа”» [Куприянов 2019, с. 41]. Концепция, согласно которой политика Габсбургов характеризовалась идеей Универсальной монархии, для большинства отечественных историков стала основой для анализа событий Тридцатилетней войны. Первым эти идеи в своих работах стал продвигать Б.Ф. Поршнев: «вся Европа стояла перед угрозой осуществления универсалистских замыслов Габсбургов» [Поршнев 1976, с. 415]; «Сверхнациональная европейская власть Габсбургов родилась как оплот против народных революционных сил в Европе, пробужденных зарей новой, капиталистической эры» [Поршнев 1970, с. 364]. По мнению М.П. Беляева Австрийские Габсбурги «выступали за универсальную европейскую монархию» [Беляев 2000, с. 98]. Подобные положения присутствуют и во многих трудах Е.Ю. Ивонина: «После окончания Тридцатилетней войны и заключения Вестфальского мира 1648 г. габсбургская имперская политика пошла по руслу не воссоздания универсальной католической империи, а формирования централизованного государства…» [Ивонин 2013, с. 185]. В контексте противостояния Габсбургов и Франции идею об Универсальной монархии, которая переживала «настоящий ренессанс» выделяет и А.Ю. Прокопьев [Прокопьев 2020, с. 30]. Как видим, несмотря на критику ряда западных ученых (в частности, можно выделить работу А. Осиандра «Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth. International Organization» [Osiander 2001, p. 251–287]), анализ МО сквозь призму Габсбургского универсализма по-прежнему остается актуальным для исторической науки.

Так, через рассмотрение Габсбургского универсализма мы можем выйти на проблему МО и формирования системы европейских государств в Раннее Новое время. Для этого необходимо дать четкое определение: в контек-

сте истории МО универсализм — это политика, направленная на создание единого политического пространства, объединяющего крупные социальные группы (в нашем случае по религиозному признаку) или занимающего конкретные географические регионы (в нашем случае Европа).

Сама по себе такая тема не может быть раскрыта в рамках одной статьи. Поэтому мы сосредоточили свое внимание на более конкретных исторических сюжетах в контексте обозначенной проблемы. Как показывают в своих работах А. Осиандер, Ф. Босбах, С. Пинкус идеи об универсальной монархии находят широкое распространение в документах политического значения противоборствующих Габсбургам государств [Bosbach 1988, s. 87–90; Osiander 2001, p. 251–287; Пинкус 2017, с. 422–425]. Проиллюстрируем это положение двумя примерами. В 1627 г. французский дипломат Француа Лангуа де Фанкан писал: «Таким образом вся Германия, если она будет подчинена Габсбургам, поможет возвыситься последним и станет для них прочным пьедесталом для того, чтобы воздвигнуть на нем их монархию и восторжествовать над всем христианским миром» [Французский дипломат Фанкан… 1950, с. 137–138]. Обвинения Габсбургов в тайном сговоре содержались в манифесте шведского короля Густава Адольфа, которым он оправдывал вступление в войну: «Всем народам и государствам христианского мира очевидно намерение Габсбургов достигнуть Всеобщей монархии» [Bosbach 1988, s. 87]. В современной западной исторической литературе принято рассматривать подобные документы, как часть антигабсбургской пропаганды. Однако если предположить, что Тридцатилетняя война в действительности была борьбой за Универсальную монархию, Вестфальский мир должен был ликвидировать возможности к её воссозданию. Теперь обратимся к тексту самого Вестфальского мира, а точнее, к § 113 Оснабрюкского договора. Он закрепляет за Вестфальским договором примат над другими имперскими соглашениями [Instrumentum Pacis Osnabrugensis… 1998, s. 156]. Здесь же обозначаются наиболее важные договоренности, которые антигабсбургская коалиция считала самыми опасными: Интерим 1548; Реституционный эдикт 1629; Пражский мир 1635 [Instrumentum Pacis Osnabrugensis… 1998, s. 156]. На наш взгляд, каждый из этих документов требует разбора в контексте упомянутой проблематики. Наконец, мы подошли непосредственно к теме работы: выбранный нами Пражский мир во многом стал основой для Вестфальского договора.

Переходя к анализу текста Пражского мира, следует выделить в нем наиболее явные отличия от Мюнстерского и Оснбрюкского договоров. Во-первых § 4 Пражского мира провозглашал дату невозврата церковных имений 12 ноября 1627 г. [Der Prager Frieden 1996, s. 344]. В рамках Оснабрюкского договора, § 47 дата переносилась на 1624 г. [Instrumentum Pacis Osnabrugensis… 1998, s. 119–121]. В период с 1624 по 1627 гг. Габсбурги добились решительных успехов в войне. Именно к концу Датского периода

Тридцатилетней войны в определяющей степени актуализируется антигабсбургская пропаганда. Триумфальное шествие армий Католической Лиги и Валленштейна остановилось к 1628 г. Последний получил титул герцога Мекленбургского 11 марта 1628 г., что было аннулировано Пражским миром [Веджвуд 2012, с. 251]. Испания в сер. 20-х гг. XVII в. была на пике своего военного потенциала. Испанская армия достигала численности в 300 тыс. солдат [Пенской 2010, с. 85]. Тем не менее первый министр при Филиппе IV граф-герцог де Оливарес понимал, что казна не сможет долго содержать столько военных сил. Он предлагал проект реорганизации армии для защиты монархии [Pendrill 2002 p. 137]. Военные успехи Густава II Адольфа во многом сыграли ключевую роль в остановке активной внешней политики Габсбургов. Стало очевидным, что продолжение экспансии в 30-е гг. XVII в. для Габсбургов невозможно. Сложная геополитическая ситуация дополнялась разорением казны. Испания объявила себя банкротом в 1627 г., Австрийский дом еще в 1612 г. имел задолженность в 32 миллиона гульденов [История международного права 2013, с. 146]. Дата невозврата церковных владений по Пражскому договору (1627) имела большое геополитическое значение, поскольку за императором оставалось бы существенное влияние на севере Германии. Такая расстановка сил могла привести к дальнейшей экспансии Габсбургов в этом регионе. 1624 г. — дата, установленная Вестфальским миром, ликвидировала последствия успехов габсбургского оружия в войне с Данией. Однако Австрийский дом сумел закрепить решительную победу в борьбе с местными сословиями в наследственных землях.

Вполне логично, что религиозный вопрос стоял особенно остро в связи с тем, что создать династическую империю с целью установления глобального правления («Dominium Mundi») можно было бы только в условиях существования единой конфессии. Это было сформулировано канцлером Карла V Гаттинарой де Меркурино в XVI в. — главным идеологом Габсбургского универсализма [Федорович 2014, с. 255]. Габсбурги хорошо сочетали в себе титулы императора Священной империи и католического короля, как монархи Испании. Соответственно Эдикт о реституции имел ключевое значение в политике династии. § 10 Пражского мира предусматривал приостановление Эдикта на 40 лет [Der Prager Frieden 1996, s. 345]. Наиболее острые вопросы об имуществе решались отдельными статьями. Таким образом, вопросы о новом балансе между сословиями и, соответственно, о новом имперском устройстве были отложены.

Для того чтобы обеспечить перечисленные положения, было необходимо изгнать из страны иностранные силы. Эту задачу предполагалось решить с помощью имперской армии (Reichsarmatur). Имперская армия не была новшеством Пражского мира. Имперская армия появилась в 1422 г. по решению нюрнбергского рейхстага. В XVI в. численность вооруженных сил империи

составляла при обычном наборе (simplum) 20063 пеших и 4202 всадника с возможностью удвоения (duplum) и утроения (triplum) содержания [Reichsmatrikel 1913, s. 313–318]. В эпоху религиозного раскола, разумеется, единой армии не существовало. § 66–76 Пражского мира регламентируют воссоздание имперской армии [Der Prager Frieden 1996, s. 353–356]. Наиболее важной является ст. 67, постановляющая, что все военные контингенты в подчинении у сословий переходят в повиновение императору. По ст. 72 дальнейшую судьбу армии должен решить рейхстаг после войны. Нужно отметить, что ст. 108 Оснабрюкского договора закрепляла за сословиями право содержать армию [Instrumentum Pacis Osnabrugensis… 1998, s. 155].

Таким образом, Пражский мир был попыткой найти компромисс между сословиями и Габсбургами с закреплением успехов последних. Результаты войны с Данией создавали почву для Реституционного эдикта, от которого по итогам Пражского мира не отказались. Безусловно, мы не находим в тексте договора упоминаний об Универсальной монархии. Ровно также мы не видим очертаний универсалистских амбиций в планах императора на войну в 1636 г. [Kaiserliche Strategie… 2009, s. 77–79]. Однако если попытаться применить концепцию о претензиях Габсбургов на создание общеевропейской монархии и «заглянуть» за тексты источников, мы можем сконструировать следующую трактовку Пражского мира. Габсбурги, потерпев поражение при попытке выйти к Балтийскому морю (Балтийская торговля имела ключевое значение для экономики протестантских держав [Французский дипломат Фанкан… 1950, с. 137–138; Форстен 1894, с. 471; Поршнев 1976, с. 157]) поняли, что возможность для дальнейшей экспансии иссякла. Обеим ветвям династии нужна была передышка. Испанская монархия нуждалась в реорганизации армии и подавлении Нидерландов. Австрийский дом должен был решить вопрос об эффективном устройстве наследственных земель. Дальнейшие внешнеполитические планы, таким образом, переносились вместе с Реституционным эдиктом на 40 лет. Огромная наемная армия Габсбургов (в 20-е гг. XVII в. общая численность войск императора и испанской монархии достигала до 500 тыс. чел.) стала слишком обременительной для казны. Войну предполагалось закончить силой сословий. Разумеется, такая трактовка далеко не является неуязвимой. Сама по себе концепция Габсбургского универсализма подвергается весьма обоснованной критике. В связи со спецификой МО этого периода сложно поверить в реальность таких замыслов. Очевидно, что создать Универсальную монархию было невозможно только с помощью армии и денег. Система отношений между европейскими монархическими родами сводилась к удовлетворению претензий для одних и сатисфакции для других. Но как фактор в развитии МО универсализм играл весьма заметную роль. Этот феномен безусловно требует дальнейшего изучения и раскрытия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Французский дипломат Фанкан о международном положении в Европе в 1627 г. // Хрестоматия по истории средних веков. Т. 3. М., 1950.

Der Prager Frieden // Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung. B. 4. Gegenreformation und Dreißigjähriger Krieg 1555–1648. Stuttgart, 1996.

Instrumentum Pacis Osnabrugensis (IPO) 1648 Oktober 24 // Acta Pacis Westphalicae III. B 1,1. Die Friedensverträge mit Frankreich und Schweden. Münster, 1998.

Kaiserliche Strategie und Kriegspläne 1636 (Korrespondenz Ferdinand III/M. Gallas, Juni /Juli 1636) // Quellen zur Geschichte des Dreißigjährigen Krieges: Zwischen Prager Frieden und Westfälischem Frieden. Darmstadt, 2009.

Reichsmatrikel von 1521: Anschlag für die Romzugshülfe in Truppen zu Roß und zu Fuß und für Unterhaltung des Regiments und des Kammergerichts in Geld. — 1521, Mai 15 und 17 // Quellensammlung zur Geschichte der Deutschen Reichsverfassung in Mittelalter und Neuzeit. Tübingen, 1913.

Беляев М.П. Французская и имперская дипломатия в поисках мира: из истории Вестфальского мирного конгресса. М., 2000.

Веджвуд С.В. Тридцатилетняя война. М., 2012.

Ивонин Ю.Е. Глобализация в XVI веке? Имперская идея и проблема государственности в Западной Европе и Германии // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 1 (21).

Ивонин Ю.Е. Священная Римская империя и формирование европейской системы государств // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3. Вып. 3 (11). URL: https://history.jes.su/s207987840000381-8-1

История международного права. Одесса, 2013.

Куприянов А.В. «Вестфальский миф»: история и критика // Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 3.

Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М., 2010.

Пинкус С. 1688 г. Первая современная революция. М., 2017.

Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в неё Швеции и Московского государства. М., 1976.

Поршнев Б.Ф. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.

Прокопьев А.Ю. Тридцатилетняя война. СПб., 2020.

Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М., 2019.

Федорович М.Ю. Концепция универсальной монархии Габсбургов и её создатель Меркурино Гаттинара // Личность в истории нового и новейшего времени. Рязань, 2014.

Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях, 1544–1658: в 2 т. Т. 2. СПб., 1894.

Хеншелл Н. Миф абсолютизма. СПб., 2003.

Bosbach F. Monarchia universalis: ein politischer Leitbegriff der frühen Neuzeit. Göttingen, 1988.

Osiander A. Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth. International Organization. Cambridge, 2001.

Pedrill C. Spain 1474–1700: The Triumphs and Tribulations of Empire. Oxford, 2002.

S.O. Gafurov
Kazan (Russia)
Kazan (Volga Region) Federal University

THE PEACE OF PRAGUE AND THE HABSBURG UNIVERSALISM

This is an article on the Peace of Prague (1635) put in the context of the concept of Habsburg's aims to create an universal European monarchy in the times of the Thirty Years War (1618–1648). Consecutively, the problem of international relations in the Early Modern period is being explored. The author tries to evaluate the aforementioned concept in terms of its relevance to the modern historical science. By analysing some chosen entries from the Peace of Westphalia he is able to prove the need to look at the Peace of Prague (and a set of other writings) through the adopted optics. He concludes that the Peace of Prague played the role of a much needed break taken by Habsburgs as part of their plan for the realisation of the universal monarchy project.

Keywords: Peace of Westphalia, Habsburgs, History of International Relations, Holy Roman Empire, Thirty Years war, Universalism.

Д.О. Манин
г. Екатеринбург (Россия)
Уральский федеральный ун-т
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

МИССИЯ П.И. ПОТЁМКИНА В ИСПАНИЮ, ФРАНЦИЮ И АНГЛИЮ 1680–1682 гг. И ПРИДВОРНАЯ БОРЬБА В РОССИИ

В статье рассмотрены события 1680–1682 гг. в контексте биографии русского дипломата П.И. Потёмкина с целью реконструкции позиции отдельных служилых людей на фоне политического кризиса 1682 г. Основным источником стал расспрос Потёмкина, проведённый в Посольском приказе под руководством князя В.В. Голицына. Рассмотрены проблемы и особенности работы русской дипломатии XVII в., роль личности в межгосударственных отношениях и особенности стратегии кадровых преобразований князя В.В. Голицына. Сделаны выводы о роли событий 1682 г. в государственной карьере П.И. Потёмкина, об особенностях тактики московских служивых людей в событиях политической борьбы, а также об особенностях внешнеполитической программы князя В.В. Голицына в 1682 г.

Ключевые слова: П.И. Потёмкин, князь В.В. Голицын, Посольский приказ, стрелецкое восстание, русско-французские отношения.

Стрелецкое восстание 1682 г. стало одним из рубежных дат для истории России XVII в. В условиях отсутствия фигуры сильного монарха, как центра политической системы, позиция служилых людей по отечеству становилась всё более важной в масштабах государства. События 1682 г. не раз изучались в историографии (в т.ч. в современной [см. Лавров 1999; Бушкович 2008]), однако вопросы, связанные с ролью отдельных служилых людей по отечеству, особенно тех, кто обладал думными чинами, на сегодняшний момент не сложились в единую картину. С целью реконструкции позиции отдельных думных людей подготовлена и представлена статья. Актуальность исследованию предаёт развитие в современном обществе интереса к личностному фактору в глобальных процессах. В связи с этим, рассмотренные события могут раскрыть отдельные аспекты многогранной социально-политической системы России XVII в.

Думный дворянин П.И. Потёмкин широко известен в современной историографии, как русский посол во Францию (его дипломатические миссии исполнялись им в 1668-м и 1681-м гг.). Будучи думным дворянином, Потёмкин привлекался не только к придворной службе, но и руководил военными действиями в Ингрии в ходе русско-шведской войны 1656–1658 гг. [Курбатов 2018, с. 25] (также он принимал участие и в кампаниях против Речи Посполитой в ходе войны 1654–1667 гг. [Статейный список П.И. Потёмкина... 2010, с. 244]).

Свою посольскую миссию 1681 г. Потёмкин завершил вскоре после стрелецкого восстания 1682 г. (восстание произошло в мае, в июне цари Пётр и Иван были венчаны на царство, а в августе в Москву вернулось посольство П.И. Потёмкина), в связи с чем события, произошедшие в Англии, Франции и Испании пришлось разбирать уже после окончания активных стрелецких выступлений. Наказ посольству, по-видимому, был составлен при руководстве Посольского приказа Лариона Иванова, однако к моменту возвращения Потёмкина тот был уже убит восставшими стрельцами, и с 17 мая 1682 г. приказ возглавлял князь В.В. Голицын [Лавров 1999, с. 17; Богданов 1989, с. 115].

Позиция князя В.В. Голицына в конфликте между придворными группировками на протяжении 1682 г. часто менялась и лишь к осени он окончательно сближается с окружением царевны Софьи [Бушкович 2008, с. 144]. Не менее сложной была и внешнеполитическая ориентация князя В.В. Голицына, особенно по отношению к Франции. Разные исследователи находят в его позиции как профранцузскую [Кочегаров 2008, с. 272], так и антифранцузскую [Бушкович 2008, с. 144; Форстен 2014, с. 88] ориентации. По-видимому, и самому князю В.В. Голицыну было выгодно сохранять неопределённость в своей внешнеполитической ориентации.

Специфику позиции Голицына определяло то, что вопрос отношений с Францией и Англией в период 1682–1684 гг. приобрёл особое значение для придворной борьбы в России. Сторонники Нарышкиных не раз демонстрировали готовность к сближению с Данией и её союзниками против Швеции (с Францией, Бранденбугом и Англией). Князь Б.А. Голицын несколько раз выражал датскому послу фон Хорну готовность царицы Натальи Нарышкиной поддержать проект антишведской коалиции, особенно при условии присылки в Москву дипломатов из Франции, Бранденбурга и Англии, которые могли бы поддержать царя Петра [Бушкович 2008, с. 144; Форстен 2016, с. 86]. Ранее дипломаты из Франции действительно должны были прибыть в Россию, однако из-за стрелецкого восстания французские планы изменились [Иностранные специалисты… 2019, с. 348].

В условиях актуализации вопросов отношений с западноевропейскими государствами недавняя миссия П.И. Потёмкина привлекла внимание главы

Посольского приказа. Допрос, вероятно, происходил в октябре 1682 г., через два месяца после возвращения посольства. В вину Потёмкину было поставлено его решение добираться до Франции сухопутным маршрутом, вместо указанного в наказе морского (через Ригу); также посол упрекался в том, что принял королевскую грамоту с неполным царским титулом (в титуле царя Фёдора Алексеевича было пропущено «Великого государя»); следующим отступлением от наказа было отмечено подношение подарков сыном Потёмкина от своего имени; затем — самовольное отстранение переводчиков Посольского приказа от выполнения миссии; также послу вменялся срыв торгового соглашения с Францией из-за отсутствия обсуждения французского транзита в Персию (в изначальном наказе такая уступка не была предусмотрена, но содержалась в дополнении к наказу, который, по-видимому, до Потёмкина не дошёл); далее глава Посольского приказа был недоволен несоблюдением дипломатического церемониала послом (т.к. Потёмкин надел шляпу в присутствии короля Испании; в Испании ехал верхом, а не в карете; обсуждал русско-испанский торговый договор лично с королём, а не с его думными людьми); наконец, упущением посла считалось то, что ему не удалось нанять во Франции и Испании докторов [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681. Д. 1, л. 30–31, 65–79].

Список нарушений П.И. Потёмкина представляется достаточно существенным, однако, как отмечал посол, его действия практически не отличались от того, что он предпринимал во время посольства в Испанию и Францию в 1668 г., результаты которого были высоко оценены в Посольском приказе (что свидетельствует запись о них в Титулярнике 1674 г.), а царь за те действия на Потёмкина «гневу не имел» [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681. Д. 1, л. 87]. В целом П.И. Потёмкин смог ответить на большинство пунктов обвинения: как поступать в случае если в Риге будет невозможно нанять корабль в наказе указано не было; непринятие французской королевской грамоты, с точки зрения посла, могло привести к осложнению русско-французских отношений (что было крайне нежелательно в связи с отмечаемым в отчёте Потёмкина усилением Франции на международной арене); сын Потёмкина, подчёркивал посол, подносил подарки от себя и в 1668 г., на что, с точки зрения П.И. Потёмкина, ему давало право официально зафиксированное членство в посольской свите; с переводчиком Посольского приказа у посольства произошёл конфликт (посол утверждал что тот пьяный грозился его убить, из-за чего тот и был отослан обратно в Россию); все отступления от церемониала были допущены послом из-за уступок воле короля Испании; наконец, обсуждение транзитной торговли европейцев в Персии не состоялось из-за того, что дополнения к наказу так и не дошли до П.И. Потёмкина.

После расспроса посла разбирательства продолжились, были привлечены показания переводчика, Юрия Гивнера, отрицавшего своё намерение покушения на жизнь посла и подчёркивавшего что Потёмкин не вёл ежедневных записей для отчёта, в связи с чем тот не может быть достоверным источником для Посольского приказа.

Несмотря на то, что рассмотрение действий посла на этот момент, по-видимому, остановилось, П.И. Потёмкин явно оказался в немилости у сторонников царевны Софьи, его посольская деятельность приостановилась (в дальнейшем во Францию, Испанию и Англию отправляли других послов), а возвращение ко двору случилось только после 1689 г., при переходе власти к сторонникам Нарышкиных, когда Потёмкин стал судьёй Владимирского судного приказа, а в 1692 г. получил чин окольничего [Лавров 1999, с. 97–98]. Нарышкины покровительствовали П.И. Потёмкину и в 1690-х гг., например, боярин Л.К. Нарышкин способствовал решению патриархом земельной тяжбы Иверского монастыря с Потёмкиным в пользу последнего [Седов 2008, с. 46–47].

Таким образом, П.И. Потёмкин в 1682 г., в отличие от большей части верхушки служилых по отечеству, сделавших свой выбор между Иваном и Петром в ходе событий 1683 г. [Бушкович 2008, с. 141], был втянут в это противостояние конфликтом с князем В.В. Голицыным. Многие из недочётов в исполнении Потёмкиным посольской службы были обусловлены ситуацией, в которой оказался русский посол, и в аналогичных случаях в более ранний период, по-видимому посол бы не получил существенных нареканий (что показывают результаты его посольства 1668 г.). Вероятно, конфликт с Потёмкиным был частью политики князя В.В. Голицына по изменению состава приближённых к управлению государством людей (в сторону привлечения большего числа лояльных служилых людей и приказных служащих [Богданов 1989, с. 115.]). С другой стороны, заинтересованность Голицына в развитии проекта транзитной торговли иностранцев с Персией через Россию могла быть обусловлена его внешнеполитической программой, в рамках которой важное место занимало развитие контактов со странами Западной Европы [Кочегаров 2008, с. 271]. Попытки Нарышкиных привлечь на сторону царя Петра коалицию Франции, Англии, Дании и Бранденбурга были известны Голицыну и вопрос отношений с этими странами приобретал значение для поддержания внутренней стабильности установившегося после стрелецкого восстания 1682 г. режима. Потёмкин же, в свою очередь, несмотря на отстранение от дипломатических миссий уже к концу 1682 г. стал восприниматься как один из сторонников Нарышкиных, что могло способствовать его карьерному росту на рубеже 1680–1690-х гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Российский государственный архив древних актов **[РГАДА]**. Ф. 93. Оп. 1. 1681. Д. 1.

Богданов А.П. Василий Васильевич Голицын // «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989.

Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). М., 2009.

Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи, 1682–1727. М., 2019.

Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах: Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.

Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах русского государства в 1682–1689 гг. СПб., 1999.

Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006.

Статейный список П.И. Потёмкина (Франция) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954.

D.O. Manin
Yekaterinburg (Russia)
Ural Federal University

POTEMKIN'S MISSION TO SPAIN, FRANCE AND ENGLAND IN 1680–1682. AND THE COURT STRUGGLE IN RUSSIA

The article considers the events of 1680–1682 in the context of the biography of the Russian diplomat P. Potemkin in order to reconstruct the position of some nobleman during the political crisis of 1682. The main source is interrogation of Potemkin held by the Ambassador's Office under the guidance of the Prince V. Golitsyn. The problems and peculiarities of Russian diplomacy of 17th century, the role of personality in interstate relations and the specifics of Prince V. Golitsyn's cadre reforms strategy are considered. The conclusions about the role of the events of 1682 in P. Potemkin's state career, the peculiarities of the tactics of Moscow servicemen in the events of political struggle and the peculiarities of the Prince V. Golitsyn's foreign policy program in 1682 were made.

Keywords: P. Potemkin, Prince V. Golitsyn, Russian Ambassador's Office, Moscow uprising of 1682, Russian-French relations.

Т.К. Шаипов
Москва (Россия)
Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова

РУССКИЕ ПОСЛЫ В ИТАЛИИ В 1656–1657 гг.: СПОРЫ О ПОЧЕСТЯХ

В статье анализируются некоторые церемониальные и личные конфликты между русскими послами во время их пребывания в итальянских землях. В то время как статейный список, составленный послами, являет картину согласия в деле отстаивания интересов царя, документы итальянского происхождения дают информацию о спорах, в которых дьяк Алексей Посников утверждал свое право на равные почести со стольником Иваном Чемодановым.

Ключевые слова: Россия, Венеция, Флоренция, дипломатия, посольство, Иван Чемоданов, Алексей Посников.

«Посольство, отправленное царем Алексеем Михайловичем к Венецианской республике в 1656 году — эпизод сам по себе довольно мелкий в общем ходе русской жизни XVII века и какими-нибудь “последствиями” не ознаменовался, и эпизод уже совсем ничтожный, можно сказать, микроскопический в истории итальянской, в самой Италии забытый едва ли не на другой же день после того, как названное посольство покинуло пределы Аппенинского полуострова…», — так в одной из своих работ писал выдающийся отечественный историк и исследователь итальянских архивов Е.Ф. Шмурло о посольстве Ивана Чемоданова и Алексея Посникова в Венецию [Шмурло 1932, с. 1]. Если исходить из тех конкретных политических целей, что в ходе дипломатической миссии ставили друг перед другом русские послы и принимавшие их венецианцы, то стоит признать это суждение справедливым. С другой стороны, посольство стало своего рода культурным событием и привлекло внимание местных жителей и высокопоставленных лиц. Этот интерес нашел отражение в документах итальянского происхождения, многие из которых были проанализированы и опубликованы [Бумаги Флорентийского архива 1871. Ч. 1; Шмурло 1932; Аннинский 1934; Шаркова 1972, Di Salvo 1997]. Сравнение этих источников со статейным списком, составленным русскими послами в ходе миссии, может дать определенную

пищу для размышлений как в плане трактовок отраженных в них событий, так и различий между двумя культурами, русской и итальянской. Одним из таких вопросов для размышления является статус и взаимоотношения его глав, Ивана Чемоданова и Алексея Посникова.

Для начала нужно кратко охарактеризовать положение двух посланников в служилой иерархии Московского государства. Иван Чемоданов был сыном стряпчего с ключом (с 1614 г.) и ясельничего (с 1626 г.), которого также звали Иван Иванович Чемоданов. Иван Чемоданов-младший впервые упоминается в Дворцовых разрядах в 1624/25 г. как стряпчий, в дальнейшем — в качестве стольника и рынды во время дипломатических церемоний при царском дворе. Скорее всего, это стало главным дипломатическим опытом Чемоданова. В 40-е и 50-е гг. XVII в. он служил воеводой в городах Усерд и Путивль [Беляков 2017, с. 32–33]. Таким образом, Иван Чемоданов принадлежал к московским служилым чинам и занимал определенное положение при дворе первых Романовых. Алексей Посников, в свою очередь, принадлежал к категории приказных служащих. До своей венецианской миссии он был подьячим приказа Большого дворца (1645), Монастырского приказа (1652–1653) и Устюжской четверти, а незадолго до отправления в Венецию в мае 1656 г. был произведен в дьяки [Там же, с. 33]. В Посольском приказе он не служил и не имел опыта работы с дипломатической документацией.

Несмотря на очевидную разницу в положении, перед поездкой в Венецию и Чемоданов и Посников получили статус «посланников» и оба присутствовали на аудиенции у царя: «У руки были у Государя в Золотой полате» [ПДС. Т. 10, стб. 931]. Личная аудиенция перед поездкой была важным элементом дипломатической практики Московской Руси: через физический контакт послы воспринимали частицу сущности государя, который воплощал в себе государство [Юзефович 2007, с. 49, 52]. Очевидно, что степень «репрезентации» у членов посольства была различной: Чемоданов как родовитый представитель московских чинов был первым по положению фактотумом Алексея Михайловича. Венецианский дипломат Альберто Вимина, побывавший в России с дипломатической миссией в 1655 г., перед прибытием русской делегации сообщил венецианским сенаторам, что из 2 глав русской делегации именно Чемоданов является собственно послом, *ambasciatore*. В частности поэтому у границ города русских встретила делегация во главе не с двумя, а лишь с одним сенатором — но им был Анджело Коррер, один из наиболее знатных и опытных дипломатов Республики [Caccamo 1986, с. 253]. Следуя этой логике, во время первой аудиенции Чемоданова посадили рядом с дожем. Но стольник выразил неудовольствие, что «товарыща его дьяка» не посадили вместе с ним, и в итоге даже встал с собственного места [ПДС. Т. 10, стб. 1044]. Поэтому во время второй ау-

диенции венецианцы предоставили место уже обоим посланникам, но сообразно их «чести»: Чемоданов располагался по правую руку дожа, Посников — «в пятом месте меж владетелей», т.е. среди сенаторов [Там же, стб. 1052]. Здесь можно заметить как определенную церемониальную гибкость принимающей стороны, так и стремление русских посланников отстоять посольскую и, как следствие, государеву честь. Здесь также складывается впечатление, что Чемоданов как бы на правах «старшего» посла заступился за своего «младшего» коллегу. Но возможно, что на это повлияла позиция самого дьяка, высказанная им до этого.

В Тосканском герцогстве и Папском государстве, через земли которых делегация добиралась до Венеции, послами считали как Чемоданова, так и Посникова. В частности, папский легат в Болонье кардинал Ломеллини так писал о них в одном из своих донесений: «*Il primo di questi ambasciatori è personaggio di gran qualità, et è governatore perpetuo di Preslavia. Il secondo è segretario di Stato del gran duca di Moscovia*» [цит. по: Шмурло 1932, с. 21]. В списке членов посольства, который губернатор Ливорно Антонио Серристори послал тосканскому герцогу Фердинанду II, Иван Чемоданов назван *Signor Ambasciatore Primo* («Господин посол первый»), а Алексей Посников — *Signor Ambasciatore secondo* («Господин посол второй») [Бумаги Флорентийского архива 1871. Ч. 1, с. 6]. Возможно, эти обстоятельства давали *послу* Посникову основания претендовать на определенное равенство с *послом* Чемодановым. Иногда это порождало конфликтные ситуации. Так, во время пребывания послов в Ливорно тамошний купец Джузеппе Армано пригласил их к себе на ужин. Однако по какой-то причине дьяку показалось, что приглашение было адресовано только Чемоданову, и настаивал, что тому не следует его принимать. Он утверждал, что имеет равный с ним статус и требует соответствующего к себе отношения, поэтому пригласить стоило и его тоже. Все это породило перепалку, которая довольно быстро разрешилась, и в итоге послы поехали на ужин вместе [Там же, с. 23–24]. Позднее, уже во Флоренции, некий придворный поэт Бартоломеи написал сонет в честь Ивана Чемоданова, но не упомянул в нем об Алексее Посникове. По словам Серристори, случился такой скандал, что дело чуть было не дошло до драки. В итоге Бартоломеи пришлось написать сонет и для дьяка, но такое решение породило очередной скандал: Чемоданову не понравилось, что второй сонет был написан на более дорогой бумаге [Там же, с. 31]. Интересно, имела ли место подобная реакция со стороны дьяка в связи с портретом Чемоданова, написанным при дворе великого герцога знаменитым портретистом XVII в. Юстусом Сустермансом. К сожалению, опубликованные источники не содержат об этом информации, и здесь может потребоваться поиск в архивах Флоренции.

С одной стороны, претензии дьяка на равенство не могли быть подкреплены с позиций социального статуса: Посников принадлежал к другой прослойке служилых людей, нежели Чемоданов, который был родовитым представителем московских чинов. Однако он вполне обоснованно мог апеллировать к своему статусу посланника, которым он был наделен на время миссии. В русской дипломатической практике представители всех трех рангов (послы, посланники и гонцы) воплощали в себе царя, хотя и на разном уровне [Hennings 2016, p. 104; Юзефович 2007, с. 51]. С такой точки зрения претензии Посникова можно трактовать как стремление защитить свою посольскую честь, а также обрести символический капитал в форме престижа. Конечно, он не претендовал на право вести переговоры с правителями Тосканского герцогства или Венецианской республики. Вышеперечисленные конфликтные эпизоды указывают скорее на стремление получить почести, которые бы символически подняли его статус. Учитывая особенности дипломатии Раннего нового времени, которая во главу угла ставила понятия чести и престижа, подобные сообщения представляют исключительную важность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бумаги Флорентийского центрального *архива*, касающиеся до России: Итал. и латин. подлинники, с русским пер. гр. М.Д. Бутурлина. Ч. 1. М., 1871.

Памятники дипломатических сношений **[ПДС]**. Т. 10. СПб., 1871.

Аннинский С.А. Пребывание в Ливорно царского посольства в 1656 г. // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. Л., 1934.

Беляков А.В. Посольство И.И. Чемоданова в Венецию 1656 г. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2017. Вып. 8.

Шаркова И.С. Посольство Чемоданова и отклики на него в Италии // Проблемы истории международных отношений: сб. ст. памяти акад. Е.В. Тарле. М., 1972.

Шмурло Е.Ф. Посольство Чемоданова и Римская курия // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1932. Вып. 7.

Юзефович Л.А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007.

Caccato D. Alberto Vimina in Ucraina e nelle “Parti settentrionali”: diplomazia e cultura nel seicento veneto // Europa Orientalis. Studi e ricerche sui paesi e le culture dell’Est europeo. 1986. Vol. 5.

Di Salvo M. La missione di I. Cemodanov a Venezia (1656–1657): Osservazioni e nuovi materiali // Archivio italo-russo – Русско-итальянский архив. Vol. 1. Trento, 1997.

Hennings J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge, 2016.

T.K. Shaipov
Moscow (Russia)
Lomonosov Moscow State University

THE RUSSIAN AMBASSADORS IN ITALY IN 1656–1657:
HONOURS DISPUTES

The article contains an analysis of some ceremonial and personal conflicts between the Russian ambassadors during their stay in the Italian states. While the ambassadorial *stateinyi spisok* shows the picture of full coordination in defending the interests of the tsar, the Italian documents give information about arguments in which the *diak* Alexei Posnikov established his right to equal honours with the *stol'nik* Ivan Chemodanov.

Keywords: Russia, Venice, Florence, diplomacy, embassy, Ivan Chemodanov, Alexei Posnikov.

Н.Е. Домрачев
г. Москва (Россия)
Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова

СОСТАВ ПОЛЬСКОЙ ПОСТОЯННОЙ МИССИИ В МОСКВЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ П.М. СВИДЕРСКОГО (1673–1677 гг.)

Доклад посвящен анализу персонального состава польской резиденции в Москве под руководством Павла Михала Свидерского (1673–1677). Основой доклада стали делопроизводственные материалы Посольского приказа, относящиеся к его взаимодействию с польским резидентом. Среди них — три списка «двора» Свидерского и периодически подаваемые в Посольский приказ прошения об отпуске в Речь Посполитую его «людей». В результате было обнаружено, что несмотря на регламентацию численности посольств в Андрусовском мирном договоре, Посольский приказ практически не интересовался реальным количеством людей польского резидента. Однако особенности длительного функционирования дипломатической миссии накладывали объективные ограничения на состав «двора» Свилерского. В результате при нем постоянно находились ок. 10 чел., часть его «людей» периодически отъезжала в Польшу, их состав менялся. Кроме того на дворе у резидента проживали купцы, торговые агенты, оказавшиеся в России поляки и другие категории населения. Одновременно при резиденте могло находиться более 40 чел.

Ключевые слова: Русско-польские отношения в XVII в., Посольский приказ, Павел Михал Свидерский, польская постоянная дипломатическая миссия, поляки в Москве XVII в.

В сентябре 1673 г. в Москву в качестве польского резидента «до боку… царского величества» прибыл стольник новогрудский, королевский дворянин Павел Михал Свидерский в чине посланника [Бантыш-Каменский 1897, с. 146]. Впервые в истории русско-польских отношений был учрежден новый по своей сути дипломатический институт — постоянное дипломатическое представительство. Его главным отличием от классических окказиональных (т.е. разовых) посольств Раннего нового времени была неопределенность: неопределенность в целях, потому что не было четкой задачи, ради которой отправлялось посольство и по завершении которой оно должно

было вернуться, неопределенность в сроке пребывания, потому что от дипломата требовалось служить, пока его не отзовет государь. Эта неопределенность порождала организационные проблемы: какая сумма потребуется на содержание резидента? За чей счет он будет работать? Как организовать регулярную связь резидента со своим государем? Не менее остро в работе «резиденции» должен был встать вопрос о численности миссии. Пышная свита, — неизменный атрибут традиционных посольств, который служил для репрезентации чести и величия государя, — сталкивалась с объективной проблемой ее содержания в течение неопределенного срока. В частности, сделанные ранее наблюдения над численностью русских «резиденций» под руководством В.М. Тяпкина, П.Б. Возницына, И.М. Волкова, Б.М. Михайлова, действовавших в 1670–1690-е гг. (с перерывом в 1677–1687 гг.), показали, что русская постоянная миссия пошла по пути резкого сокращения штатов и наращивания функциональности своих членов: у каждого должна быть практически полезная функция, членство в миссии ради ее многолюдности более не устраивало [см. напр.: Колегов 2011; Домрачев 2020]. В этой связи представляется крайне важным оценить соответствующие процессы в польской постоянной миссии в Москве. Данный вопрос в историографии ранее не рассматривался.

До организации «резиденций» в русско-польских отношениях численность посольств регулировалась жесткими правилами. Начиная с Андрусовского договора 1667 г. русские и польские дипломатические миссии разных рангов были строго регламентированы по численности людей и лошадей в свите дипломата. В частности, возглавляемые посланниками посольства не должны были насчитывать более чем 30 человек и 50 лошадей [ПСЗ. Собр. 1. Т. 1, с. 665]. Регламентация численности была связана, в первую очередь, практикой содержать посольства за счет принимающей стороны. И Московское государство, и Речь Посполитая не были готовы брать на себя расходы по обеспечению всех желающих. К ним, как правило, относились купцы, желавшие воспользоваться выгодами дипломатического статуса и сэкономить на путешествии. Впрочем, дипломатам не воспрещалось брать с собой людей сверх положенной нормы. Им просто не полагалось содержание: «а что сверх числа постановленных посольских людей и лошадей прибылые купецкие люди будут, и тех написать имяны, сколько их будет, чтоб от рубежа ехали на своих проторях» [Там же, с. 665–666].

Уникальные возможности для изучения динамики состава польской резиденции П.М. Свидерского дают документы Посольского приказа, отложившиеся в результате взаимодействия с польским резидентом. Эти материалы сейчас компактно хранятся в Ф. 79 «Сношения России с Польшей» РГАДА. Они представляют собой преимущественно столбцы, разбитые на коллекции по годам [РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1673 . № 11; 1674 г. № 3; № 17;

1675 г. № 5; 1676 г. № 6; 1677 г. № 5]. Столбцы за 1673 и 1-ю пол. 1674 г. переписаны в посольскую книгу [Там же. Кн. 158]. Затем ее пополнение прекратилось. В связи с необходимостью контролировать численность посольств по Андрусовскому договору и общим порядком пребывания иностранцев в России XVII в., который предполагал их обязательную регистрацию в Посольском приказе, сведений о персональном составе миссии Свидерского отложилось достаточно много. В первую очередь это списки членов его посольства (или, как он сам называл, «двора»), которые он подавал трижды, при своем прибытии в Смоленск в августе 1673 г., в августе 1674 г., когда обсуждался вопрос о закрытии польской миссии, и в августе 1677 г. перед отъездом из Москвы после окончательного свертывания резиденции. Помимо этого Свидерский регулярно подавал в Посольский приказ списки своих людей, челяди, польских купцов, для выдачи им проезжих грамот. Наконец, в делопроизводстве Посольского приказа отложились следственные дела, связанные с незаконной продажей людьми Свидерского табака, вина, драками, одним эпизодом убийства его челядника и одним эпизодом разбоя в отношении его людей. Они содержат имена членов «двора» Свидерского, особенно челяди. Таким образом, представленный комплекс документов позволяет не только проследить динамику состава польской постоянной миссии, но и оценить состав его личных слуг, челяди, которая обычно не интересовала русское дипломатическое ведомство и при работе с другими польскими посольствами не учитывалась. Важно отметить, что членство в составе резиденции в данной работе трактуется максимально расширительно: помимо списочного штата к ним также отнесены лица, регулярно жившие и периодически ночевавшие на дворе польского резидента в Москве. Простые посетители, которых также было немало, но которые на дворе резидента не ночевали, не учитываются.

Численность миссии резидента Свидерского, прибывшего в ранге посланника, заявленная при его приезде в Россию, подчинялась правилам Андрусовского договора. Помимо его самого в его свиту были включены брат резидента королевский секретарь Станислав Свидерский, католический священник («ксенз») Михал (Михаил) Комар, писарь Анжей (Андрей) Урбицкий, конюший Войцех (Войтех) Кобылацкий, кухмистр Ян Ганс, посольские дворяне Михал (Михаил) Докуцкий, Якуб Берницкий, Ян Каменицкий, Ян Багановский, Томаш Мархач, Захариаш Юстицкий, Ян Яхимович, Теодор (Федько) Мискович, Юзеф (Иосиф) Лядинский, Якуб (Яков) Асамовский, Павел Янкевский, Самуэль (Самойло) Хайнацкий. Помимо них в состав посольства были включены три писаря (русский, латинский и немецкий), два «хлопца покоевых», два гайдука, два повара, четыре возницы, четыре конюха, челядь священника и секретаря С. Свидерского [Там же, л. 10 об.–11 об.]. Таким образом, без учета челяди, численность миссии польского рези-

дента достигала 35 чел. и превышала установленные нормы. Впоследствии, Посольский приказ не будет учитывать неопределенное число челядников и станет опираться именно на цифру 35 чел. [Там же, л. 84].

В начале сентября 1673 г. в Посольском приказе началась подготовка выдачи положенного посольству Свидерского жалования, и снова был поднят вопрос о его численности. На основании подборки прецедентов с 1667 г., после заключения Андрусовского договора [Там же, л. 85 об.], 3 сентября 1673 г. глава Посольского приказа А.С. Матвеев принял решение выдавать на содержание посольства Свидерского 10 руб. в день [Там же, л. 96–96 об.]. При этом превышение численности миссии над установленной в договоре, не вызвало серьезных препятствий. С точки зрения Посольского приказа Свидерский получал содержание из расчета на 30 чел., а дополнительные люди оставались на его ответственности: он мог содержать их за свой счет, или перераспределить в их пользу царское жалованье за счет остальных членов миссии.

После официальной аудиенции («приезда») Свидерского у царя Алексея Михайловича 4 сентября 1673 г. статус его миссии поменялся: она официально стала постоянным дипломатическим представительством, а не традиционным посольством, как заявлял о себе Свидерский на пути в Москву. Это потребовало пересмотра принципов финансирования. 11 сентября 1673 г. в ходе аудиенции («ответа») в Посольском приказе он предложил, чтобы «его королевского величества резидент бы ис казны его королевского величества на Москве пребывал» [Там же, л. 74]. В ответ царь и его советники должны были за свой счет содержать своего резидента в Варшаве. Правда, через неделю Свидерский потребовал себе выдачи «конского корму по 5 четьи овса, по 5 возов сена на неделю и дрова, сколько будет надобно, а сам де он со всеми своими людьми учнет жить на своих проторех, а из скарбу Речи Посполитой ничево к нему не пришлют для того, что он послан от королевского величества, а не от Речи Посполитой» [Там же, л. 172 об., 174]. Просьба была удовлетворена.

Тогда же был урегулирован вопрос о посылках резидентом своих людей в Речь Посполитую. В ходе очередного «ответа» Матвеев сообщил Свидерскому, что «по указу великого государя нашего его царского величества гонцом, когда тебе потребно будет послать к его королевскому величеству, отпуск возбранен не будет» [Там же. 1673 г. № 11, л. 8]. Это разрешение стало основой для фактического оформления права беспрепятственного проезда за рубеж и обратно любым лицам от имени польского резидента. В указах в Смоленск о пропуске таких людей начали регулярно фиксироваться формулировки: «и вы б их ис Смоленска велели отпустить за рубеж, на которые они места ехать похотят, а как они из-за рубежа назад приедут в Смоленеск, и вы б их ис Смоленска велели пропустить к Москве» [Там же. Кн. 158, л. 193 об.].

Таким образом, к середине сентября 1673 г. оформились правила финансирования миссии Свидерского, а также система пропуска в Речь Посполитую и обратно его людей. «Резиденция» содержалась за счет польской стороны и доходов самого резидента, а русская сторона обеспечивала отопление и транспорт. При необходимости польский резидент мог подать в Посольский приказ уведомление о пропуске за рубеж нужного числа лиц, и на них оформлялись необходимые проезжие документы. Это позволило Свидерскому самостоятельно регулировать численность своего штата исходя из собственных задач и финансовых возможностей и не зависеть от Посольского приказа. На протяжении всей работы польского резидента в Москве русское дипломатическое ведомство не пыталось превратить выдачу проезжих грамот людям резидента в инструмент давления на него. Разрешения на проезд выдавались во всех задокументированных случаях. Единственным исключением стали попытки Посольского приказа ограничить численность приезжающих к Свидерскому евреев. В частности, летом 1674 г. в указе в Смоленск было предписано «еврей из-за рубежа не пропускать» [Там же. 1674 г. № 3, л. 145–147]. Впрочем, регулярное повторение этого требования в августе и в ноябре того же года свидетельствовало о недостаточной эффективности этой меры.

Постоянное содержание представительного «двора» и челяди, очевидно, становилось обременительным для Свидерского. С конца 1673 г. начинается процесс отъезда из Москвы людей резидента. Первая крупная группа во главе со шляхтичем Якубом Берницким и 5 челядниками уехала 31 октября 1673 г. [Там же. Кн. 158, л. 192 об.–193.]. К концу года польскую миссию в общей сложности покинуло 15 чел., в том числе брат резидента Станислав Свидерский, шляхтичи Ян Каменицкий (Каменский) и Ян Багановский (Барановский) [Там же, л. 334]. Вторая волна отъездов была связана с началом обсуждения вопроса о ликвидации польской постоянной миссии летом 1674 г. В июле, когда Свидерским были получены письма вельмож Речи Посполитой о возможном отзыве резидента из Москвы, он начал вывоз людей и рухляди. За месяц в Польско-Литовское государство было отправлено две группы людей общей численностью 45 чел. (больше, чем официальная численность миссии), в том числе купцы-«евреяне». В августе Свидерский подал список с актуальным составом своей миссии. В нем помимо самого резидента зафиксированы священник Михал Комар, дворяне Анжей Урбицкий, Матеуш Марисач (вероятно, он же Томаш Мархач), Войтех Кобыленский (Кобылацкий), Ян Корсак, Ян Докуцкий, Ян Бордынский, Себастьян Дмитриев, Анжей Яборский, Ян Годуновский, Ян Русеновский, Ян Стрелковский, Вавринец Рогачевский, Анжей Нечай, Василий Урбанский, Вавринец Темишкевич, Ян Ивановский, два гайдука, два повара, два возницы, два конюха [Там же, л. 549–550], всего 26 чел., не считая челяди.

В составе польской миссии по сравнению с первым списком остались 6 чел.: Михал Комар, Анжей Урбицкий, Ян Корсак, Войцех Кобылацкий, Томаш (Матеуш) Мархач, Ян (Михал) Докуцкий, Ян Бордынский.

Люди Свидерского активно курсировали между Москвой и Речью Посполитой. В первую очередь, это касается Захариаша Юстицкого (Вестицкого), который был приказчиком («фактором») резидента и регулярно ездил за королевским жалованием и в маетность Свидерского. В документах за 1673–1675 гг. зафиксировано 6 случаев его отъезда из Москвы. В маетность резидента регулярно ездили его челядники, а их состав по мере возвращения, очевидно, отчасти менялся. Кроме этого, не стал постоянно жить при польской миссии ксендз Комар. Он уехал в августе 1674 г., а затем приезжал еще как минимум 2 раза [Там же, л. 566; 1674 г. № 3, л. 104; 1675 г. № 4, л. 171]. В 1677 г. в качестве ксендза польской миссии в Москву прибыл Бонифаций Брежевский [Там же. 1676 г. № 6, л. 142–143]. Дважды в 1674 и 1675 гг. в Москву приезжал брат резидента Станислав Свидерский, причем в 1675 г. он в качестве королевского посланника поехал в Персию [Там же. 1675 г. № 4, л. 171].

В то же время достаточно быстро подворье польского резидента, расположенное на Кулишках за Варварскими воротами стало центром притяжения польской «диаспоры». Там начали останавливаться торговые агенты вельмож Речи Посполитой и, впоследствии, самого короля, приезжавшие в Москву для покупки пушнины и других товаров. Все они имели с собой специальные сопроводительные письма от своих патронов к Свидерскому с просьбой всячески им помогать. Периодически там стали жить литовские купцы со своей челядью. Туда начали приходить и укрываться пленные поляки, сбежавшие из холопства и искавшие защиты у польского резидента. В литературе распространено мнение, что традиционно Посольский приказ стремился ограничить контакты иностранных дипломатов с местным населением и даже полностью их изолировать [Юзефович 1988, с. 77]. Для этих целей служили приставы и стрелецкий караул на дворах, где стояли дипломаты. Подобная охрана была организована и на подворье Свидерского на Кулишках. Там дежурил отряд стрельцов во главе с сотником. Стрельцы должны были проверять всех, кто приходит, и не пускать чужих [РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1677 г. № 5, л. 177–178]. Однако на практике это работало плохо. Отряд караульных стрельцов менялся раз в 2 дня, стрельцы не помнили, кто живет на дворе резидента, и в сопровождении его людей и челяди, как правило, пускали всех. В частности, в августе 1675 г. челядник Свидерского по имени Моисей «взял… с собою» могилевского купца Степана Антипьева «к резиденту на двор, а ехал тот могилевец на двор к резиденту на телеге… а как к резидентову двору приехали, и он де, Моисей, сказал караульщиком, что тот де человек приехал на телеге резидентове и живет он у резидента на Москве, а не приезжей» [Там же. 1675 г. № 4, л. 294–295].

После 1674 г. постоянный состав «двора» польского резидента в Москве был небольшим. Фактически, при резиденте жили конюший Ян (Михал) Докуцкий, «шафар» Ян Бордынский, челядь Ян Русановский, Ян Стрелковский, Вавринец (Лаврентий) Рогачевский, Вавринец (Лаврентий) Тимошевич, скорняк Ивашко Бутаков, Себастьян Дмитриев (вероятно, он же Каменский), толмач Ян Березовский, который жил с женой. Остальные члены «двора» постоянно менялись. В среднем их численность составляла 30–40 чел., а в отдельные периоды могла превышать 45 чел.

Для содержания такого количества людей, очевидно, королевского жалования и личных доходов самого резидента было недостаточно. Безусловно, купцы и их челядь могли содержать себя за собственный счет. Однако Свидерский не препятствовал, чтобы его люди занимались промыслами и торговлей. Их организаторами, как правило, были купцы-евреи, жившие при резиденте. На дворе польской миссии начали нелегально торговать табаком и вином. В частности, в феврале 1675 г. был задержан человек стольника П. Мещерского по имени Павел Самойлов, который, по его словам, «напредь сего приходил на тот двор, где стоит польской резидент, одинова летом и выпил у ево, резидентова человека, у евреенина, купив вина на четыре деньги». В день задержания он хотел поступить также [Там же, л. 130–132]. В 1677 г. один из задержанных посетителей двора Свидерского рассказал стрельцам о работе на дворе польской миссии пивоваренного промысла: гайдук резидента по имени Янко, торговал на его дворе пивом «с ведома резидента, а то пиво дает ему продавать ево, резидентов, пивовар, родом евреин, а для той пивной продажи дает ему, резиденту, тот евреин-пивовар с вари по два и по три рубли, за то, чтоб он пивной продажи не заказал» [Там же. 1677 г. № 5, л. 276–277, 280, 282].

Перед отъездом из Москвы в августе 1677 г. Свидерский подал список своих людей. В состав миссии на тот момент входили писари Францышек Верцынский, Станислав Стибла, подконюший Михал Докуцкий, «шафар» Ганц (Ян) Бардынский, толмач Ян Березовский с женой, шляхтичи Антоний Метальницкий, Ян Щуцкий, Мартин Отрашкевич, Ян Русановский, Ян Стрелковский, Ян Гродковский, Лаврентий (Вавринец) Рогачевский, гайдук Ян с двумя челядниками, гайдук Василий Михайлов, возница Ян Канотоп, Ян Фаритар, скорняк Лаврентий (Вавринец) Тимошевич с сыном Николаем, скорняк Василий Увар Ивановский, Константин Кузенкович, Василий Якимович, Прокоп Ивановский, Федор Мартинович, Захар Зудрицкий, Ян Бутак, Анжей Шкловец, Ян Ацышевский, стряпчий еврей Исаак Аврамов с челядником [Там же, л. 433], всего 33 чел. с учетом челяди.

Таким образом, анализ списков членов польской постоянной миссии и прошений Павла Свидерского об отпуске в Польшу его людей, позволяет

говорить о том, что в польской «резиденции» к 1674 г. сформировалось постоянное ядро, которое насчитывало около 10 чел. и просуществовало до конца работы Свидерского в Москве. Большая часть состава резиденции постоянно менялась. Общее количество членов миссии могло одновременно достигать 45 чел. При этом по сравнению с первоначальным «двором», приехавшим в Россию в 1673 г., персональный состав резиденции значительно изменился. Помимо собственно членов постоянной миссии и их челяди на дворе у польского резидента в Москве проживали купцы, торговые агенты, беглые пленные, их челядь. Они редко задерживалась дольше 2–3-х месяцев. Всего за период 1673–1677 г. на дворе у Свидерского на Варварке в Москве жило более 160 чел.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Полное собрание законов Российской империи **[ПСЗ]**. Собр. 1. Т. 1. СПб., 1830.

Российский государственный архив древних актов **[РГАДА]**. Ф. 79. «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Кн. 158. (Посольская книга, содержащая копии документов, связанных с взаимодействием Посольского приказа с польским резидентом П.М. Свидерским).

РГАДА. Ф. 79. «Сношения России с Польшей». Оп. 1. 1673 г. № 11. (Столбцы с документами, связанными с взаимодействием Посольского приказа с польским резидентом П.М. Свидерским в 1673 г.).

РГАДА. Ф. 79. «Сношения России с Польшей». Оп. 1. 1674 г. № 3. (Столбцы с документами, связанными с взаимодействием Посольского приказа с польским резидентом П.М. Свидерским в 1674 г.).

РГАДА. Ф. 79. «Сношения России с Польшей». Оп. 1. 1674 г. № 17. (Столбцы с документами, связанными с приездом и взаимодействием Посольского приказа с польским резидентом П.М. Свидерским в 1673 г.).

РГАДА. Ф. 79. «Сношения России с Польшей». Оп. 1. 1675 г. № 4. (Столбцы с документами, связанными с взаимодействием Посольского приказа с польским резидентом П.М. Свидерским в 1675 г.).

РГАДА. Ф. 79. «Сношения России с Польшей» Оп. 1. 1676 г. № 6. (Столбцы с документами, связанными с взаимодействием Посольского приказа с польским резидентом П.М. Свидерским в 1676 г.).

РГАДА. Ф. 79. «Сношения России с Польшей». Оп. 1. 1677 г. № 5. (Столбцы с документами, связанными с взаимодействием Посольского приказа с польским резидентом П.М. Свидерским в 1677 г.).

Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России по 1800 г. М., 1897. Ч. 3.

Домрачев Н.Е. Русская постоянная дипломатическая миссия в Польско-Литовском государстве в 1670-е–1690-е гг. и ее переводчики: к вопросу о комплек-

товании и обязанностях // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021.

Колегов С.С. Постоянные дипломатические представительства России в Европе во второй трети XVII — начале XVIII в.: дис. …канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011.

Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется…». М., 1988.

N.E. Domrachev
Moscow (Russia)
Lomonosov Moscow State University

THE STRUCTURE OF POLISH PERMANENT DIPLOMATIC MISSION AT MUSCOVITE COURT UNDER THE LEADERSHIP OF PAWEŁ MICHAŁ SWIDERSKI (1673–1677)

The report is devoted to analysis of the personal structure of the Polish permanent diplomatic mission at Muscovite court under the leadership of Paweł M. Swiderski. Bureaucratic documents of the Ambassadorial Chancellery about communication with polish resident-envoy lay in the basis of the report. There are three lists of Swiderski`s retinue and petitions about leaving his people to Poland, occasionally submitted to the Ambassadorial Chancellery, among those documents. In result, despite on reglamentation of the number of embassies in the Andrusovo treatise, the Ambassadorial Chancellery almost had no interest in the real staff of the Polish mission. But features of continuous work of the residency objectively restricted the retinue of Swiderski. In result, he permanently had about 10 people, the other part of his staff occasionally left to Polish-Lithuanian Commonwealth, and their structure changed. In addition, at the resident`s court lived merchants, trade agents, Poles, who had emerged in Muscovy, and others. At the same time more than 40 people could be with Swiderski.

Keywords: Russian-Polish relations in the 17th century, Polish permanent diplomatic mission in Russia, Paweł Michał Swiderski, the Ambassadorial chancellery, Poles in Moscow in the 17th century.

Ф.Ю. Бохан
г. Минск (Беларусь)
Белорусский гос. ун-т

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В БОРЬБЕ МАГНАТСКИХ ГРУППИРОВОК РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В 1-й ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Материал посвящен проблеме развития политической культуры Речи Посполитой на белорусских землях. Обращаясь к современному определению «политические технологии» автор определяет методы и подходы, которые активно использовались магнатскими группировками при борьбе за власть в 1-й пол. XVIII в. В работе дается характеристика приемам политических технологий и приводятся конкретные исторические факты, подтверждающие их применение.

Ключевые слова: Речь Посполитая, политические технологии, магнатские группировки, политическая культура.

Одна из задач политологии, относительно молодой науки, — подытожить знания о сфере человеческой деятельности, связанной с реализацией целей общественных групп и социальных институтов, которые управляют общественными отношениями, создают властный контроль и соперничают за власть. Именно исторический опыт даёт возможность осмыслить методы и приёмы, которые могут использоваться при воздействии на общественность для достижения определённых интересов. Исторические исследования с привлечением политологических сведений с одной стороны позволяют более глубоко анализировать те или иные события, с другой — уже реализованный исторический опыт может помочь делать прогнозы для нынешнего времени.

Несмотря на то, что в XVIII в. ещё не существовало понятия «политические технологии» и науки о политике в целом, методы политических технологий активно применялись во время магнатской борьбы за власть. В указанный период широко употреблялись самые разнообразные меры для решения политических задач. Это иллюстрируют конкретные исторические события.

По определению политолога А.И. Соловьёва, политические технологии представляют собой совокупность последовательно применённых процедур, приёмов и способов деятельности, направленной на наиболее опти-

мальную и эффективную реализацию целей и задач субъекта в некоторое время и в определённом месте [Соловьёв 2006, с. 326]. Таким образом, к политическим технологиям можно отнести все методы политической борьбы, которые используют политики. В том числе и те, которые из современной точки зрения являются незаконными. Так, например, подкуп также входит в число политических технологий.

Во времена Речи Посполитой (*Далее* — РП) при борьбе за власть магнатские группировки активно применяли три следующих приёма политических технологий:

1. Подкуп, который являлся неотъемлемым элементом сеймов РП. С его помощью магнатские группировки могли склонять делегата сейма к принятию определённого закона. Также метод мог использоваться для противоположных целей.

2. Агитация, которую активно применяли во время кризисных ситуаций или королевских выборов.

3. «Чёрный пиар», или «чёрная агитация» — метод, направленный на дискредитацию определённых лиц или группировок.

Подкуп, как политическое средство достижения определённых целей, употреблялся чаще остальных. Можно было подкупить всего одного депутата сейма и пользуясь правилом «Liberum veto», полностью сорвать заседание сейма. Таким образом за 112 лет существования этого закона, было сорвано 73 сейма. Учитывая существовавшую систему власти РП с правилом «Liberum veto», стоило только определить кандидатуру того посла, которого требовалось подкупить. Особенно эффективным такое средство было по отношению к представителям мелкой шляхты, которые гипотетически могли занять влиятельное положение в государстве. Полученные от подкупа деньги они могли использовать в будущем для основания новой магнатской династии.

Одним из наиболее интересных случаев, который в дальнейшем стал решающим для судьбы государства, является элекционный сейм 1764 г. На нем с помощью подкупа депутатов в размере нескольких миллионов рублей (из рук посла Российской Империи) был избран бывший посол РП в России Станислав Август Понятовский. Надо отметить, что в тот момент Понятовскому повезло. После смерти предыдущего короля, Августа III, знать готовилась избрать его сына Фридриха Кристиана, но тот вскоре после смерти отца умер и сам. В свою очередь сын Фридриха Кристиана — Фридрих Август был несовершеннолетним и потому не мог участвовать на выборах короля [Грыцкевіч 1994, с. 52]. Таким образом, особенной конкуренции на должность короля РП не было и сторонникам Понятовского оставалось лишь выплатить деньги на подкуп «колеблющихся» делегатов сейма.

Во времена РП не употреблялось понятие «агитация». Однако предпринимались меры, направленные на убеждение делегатов сейма для принятия

политических решений. Широко употреблялись так называемые «инструкции». Это были созданные по специальному шаблону письма к делегатам сеймов, которые занимали нейтральную позицию в отношении обсуждаемых проблем. С помощью инструкций они должны были склониться к одному из вариантов голосования. Такие инструкции использовали не только делегаты сеймов или инициаторы обсуждений определённых вопросов сейма, но и представители иностранных государств, например, послы и генералы. Так, ими пользовались представители Российской Империи и Австрийского Эрцгерцогства.

Инструкции могли содержать различные призывы и требования, которые по большей части были необязательными для выполнения. Однако в отдельных случаях необходимость исполнять инструкции была «добровольно-принудительной». В критические моменты за неисполнение инструкций их авторы-инициаторы могли публично обвинить ослушавшихся депутатов сейма.

В 1733 г. во время уездного предэлекционного сеймика в Лиде, на котором избирались делегаты на общекоролевский сейм, была опубликована инструкция из 48 пунктов от городского старосты Юзефа Сципиона дель Кампо к лидским послам. В самом первом пункте данной инструкции высказывалось недовольство действиями лидских делегатов на прошлом конвокационном сейме. На том сейме происходила жёсткая борьба между магнатской партией «Фамилия» (Потоцких и Чарыторыйских) и партией Радзивиллов, Сапег и Огинских. «Фамилия» обозначила кандидатом на должность маршалка сейма от Великого Княжества Литовского (*Далее* — ВКЛ) самого Сципиона дель Кампо, который был одним из четырёх делегатов от Лидского уезда. Желая, чтобы коллеги проголосовали за его кандидатуру, Сципион отправил им инструкцию. Однако лидские послы в полном составе проголосовали за его прямого конкурента. Более того, из-за этих голосов Сципион проиграл. Поэтому его обида на послов ещё более усилилась. На следующем уездном сеймике Сципион решил отомстить. В этих целях он написал инструкцию, чтобы его обидчиков не отправляли на следующий сейм в качестве делегатов. Однако депутаты сеймика отреагировали на это крайне негативно и Сципион был вынужден убегать с заседания от разъярённых шляхтичей [Мацук 2020, с. 113].

Из случаев использования «чёрного пиара» в РП ярким примером могут служить события 1700–1702 гг., которые происходили на северо-востоке ВКЛ. В это время происходила крупная магнатская борьба между родом Сапег, которые занимали наиболее влиятельные должности в государстве и имели в подчинении крупные владения, и коалицией магнатов во главе с Радзивиллами, Пацами, Огинскими и Вишневецкими («Республики»). Преимущество было не на стороне Сапег, поскольку их противники имели

значительное превышение ресурсов и человеческих сил. Кроме того, в борьбе против Сапег использовали армию ВКЛ.

В ноябре 1700 г. около местечка Олькеники произошло решающее сражение, в котором армия Сапег была разгромлена, а руководителя армии Михала Сапегу захватили в плен, а затем убили. Сразу после битвы начались переговоры между воюющими сторонами, во время которых Сапеги не теряли надежд оставить за собой хотя бы часть бывших владений. Кроме того, Сапеги рассматривали вариант приглашения шведской армии в ВКЛ в целях их военной поддержки.

По этой причине переговоры между партиями переросли в съезд знати всего ВКЛ, который происходил с согласования короля РП Августа II. Съезд проходил в Ружанах — резиденции Сапег и длился 4 дня, но на нем так и не получилось согласовать мирный договор. Тогда были решено провести следующий съезд уже в столице ВКЛ — Вильно, но и на нем ничего не решилось. После этого прошло ещё 2 съезда, во время которых Сапеги лишь ещё больше рассорились со своими противниками и даже нейтральной знатью, так как начали требовать возвращения своего довоенного положения. В конце концов терпение у коалиции кончилось.

Ещё после битвы под Олькениками был заключён договор о переделе имущества Сапег между Радзивиллами, Вишневецкими, Пацами и Огинскими, условия которого начали исполнять. Но когда Сапеги инициировали переговоры, выполнение условий договора приостановили [Віцько 2011, с. 61]. Позже стало понятно, что мирного договора всё-таки не будет, произошёл пятый съезд знати, уже без Сапег. На нем опубликовали новый договор о разделе имущества, которое поддержало большинство литовской шляхты [Віцько 2011, с. 63].

Сапеги, узнав, что скоро лишатся почти всего имущества, приняли решительные меры. Потеряв всю армию, кроме гарнизонов отдельных фортеций (вроде Старого Быхова), Сапеги решили мобилизовать собственных крестьян. Крестьянам сообщили о том, что их земли ждёт передел между другими магнатами. В своих обращениях Сапеги рассказывали о крайне тяжёлых условиях жизни и сильном угнетении крестьян на тех землях, которые имеют их враги. Поэтому крестьян призывали взяться за оружие и поднять вооружённое восстание. Крестьянская реакция была такой, как и задумывалась: 40 тыс. крестьян начали стихийные нападения на части антисапежинской коалиции, которые уже успели войти во владения Сапег [Мацук 2016, с. 56].

К тому времени РП и Швеция успели начать боевые действия на границе государств. Учитывая то, что Сапеги имели тесные связи с королём Швеции, крестьянская армия гипотетически могла координировать действия со шведами. А само количество повстанцев даже превышало размеры

шведской армии. И это представляло опасность уже для всей РП, а не только для литовской магнатерии. Поэтому на борьбу с крестьянским восстанием было решено отправить все возможные силы, которые только были. Часть армий была снята со шведского театра боевых действий, таким образом, облегчая путь шведам вглубь ВКЛ.

Тем не менее такие решения способствовали сдерживанию крестьянского движения. С новыми подкреплениями получилось захватить или принудить к капитуляции последние замки Сапег. С прекращением их сопротивления закончилось и восстание крестьян.

Несмотря на поражение восстания, затягивание борьбы дало возможность всем представителям рода Сапег уехать из РП. Кроме того, из-за ослабления королевской армии, которую первоначально планировалось использовать против шведов, последние заняли большую часть РП. Захваченные земли шведы отдали Сапегам обратно.

Когда после Полтавской битвы шведская армия отступила из ВКЛ, у «республиканцев» уже не было сил на очередной этап магнатской борьбы. Поэтому в 1710 г. был подписан договор, по которому Сапеги оставляли за собой большее количество владений, хоть о былой мощи рода речи не шло.

Таким образом, в исторической перспективе данный шаг по созданию «чёрного пиара», который с первого взгляда выглядел несомненной авантюрой, стал для Сапег спасительным. Род сохранил одно из ведущих мест среди магнатерии РП.

Анализируя использование политических технологий в РП XVIII в. становится понятным, что сильная политическая нестабильность и внутригосударственная напряженность вынуждали выбирать наиболее действенные средства, которые, конечно, не могут быть приемлемыми для современного общества. Однако, надо понимать, что политическая культура РП развивалась в очень драматические времена. Шляхта осознавала, что именно благодаря её усилиям решается судьба государства. Вероятно, что политическая система РП, несмотря на её недостатки, на самом деле была не устаревшей, а напротив — новаторской. И если бы это государственное образование продолжило существование в XIX ст., возможно, оно могло бы стать примером для других европейских государств, которые получили парламентарную систему значительно позже.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Віцько Д. Рэспубліканска-сапежынскія перамовы на з’ездзе ў Горадні восенню 1701 г. // Беларускі гістарычны агляд. 2011. Сшыткі 1–2 (34–35).

Грыцкевіч А. Старонкі нашай мінуўшчыны. Мінск, 2009.

Мацук А.У. Грамадска-палітычнае жыццё Вялікага Княства Літоўскага ў часы бескаралеўя 1733–1735 г. Мінск, 2020.

Мацук А.У. Полацкі кашталян Мікалай Шэмет у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай у першай трэці XVIII стагоддзя // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. 2016. № 9.

Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. М., 2006.

F.Yu. Bokhan
Minsk (Belarus)
Belarusian State University

POLITICAL TECHONOGIES IN STRUGGLE OF MAGNATE GROUPS OF POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH IN FIRST HALF OF 18th CENTURY

The material is devoted to the problem of the development of the political culture of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the Belarusian lands. Referring to the modern definition of “political technologies”, the author defines the methods and approaches that were actively used by the magnate groups in the struggle for power in the first half of the 18th century. The article characterizes the techniques of political technologies and provides historical facts that confirming their application.

Keywords: Polish-Lithuanian Commonwealth, political technologies, magnate groups, political culture.

В.И. Князев
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ПУБЛИЧНЫЕ ДОМА ПЕТЕРБУРГА XVIII в. В ВОСПОМИНАНИЯХ ДАЙКОКУЯ КОДАЮ

В настоящей статье рассматриваются и описываются публичные дома Петербурга XVIII в. по воспоминаниям японского капитана Дайкокуя Кодаю. Их местоположение, архитектура, интерьер, стоимость пребывания, профессиональный этикет девушек, трудящихся в домах терпимости. Материал, представленный японским капитаном, сопоставляется со сведениями об японских домах терпимости «веселого квартала» Ёсивара в Эдо, полученными из научных трудов.

Ключевые слова: публичные дома, Петербург, Дайкокуя Кодаю, Ёсивара, Япония, куртизанки, «Хокуса монряку».

В письменной традиции проблематично точно установить, когда на территории России появились представители Страны восходящего солнца. Однако не подлежит сомнению тот факт, что это произошло по случаю расширения России на Восток [Серебрякова 2016, с. 20]. В Японии в период Сегуната Токугава (1603–1868) действовала политика сакоку, согласно которой страна была закрыта от других государств. Следовательно, Япония не вела внешней торговли, ограничиваясь лишь внутренним сбытом продукции, осуществляемым посредством малокаботажного судоходства. Письменные источники отечественного происхождения XVIII в. отмечают, что многие японцы-каботажники, о каковых есть сведения, попадали в Россию случайно, как правило, вследствие штормов и кораблекрушений. Здесь же, в России, пострадавшие японцы заканчивали свой век, трудясь уже на благо другого государства. Ситуация переменилась, когда в 1783 г. к восточным границам России прибило разбившееся судно капитана Дайкокуя Кодаю. Позже ему в 1787 г. вместе с русскими удалось из обломков корабля соорудить баркас и отправиться в Иркутск, где их встретил профессор Кирилл (Эрик) Лаксман. Желая вернуться домой, Кодаю пишет несколько прошений на имя Екатерины II о возвращении на родину, но ответы не удовлетворяют его просьбы [Черевко 2010, с. 191]. 28 июня 1791 г. по приказу всесильного

канцлера А.А. Безбородко Кодаю и Кирилл Лаксман прибыли на аудиенцию во дворец Екатерины II, где они были гостеприимно встречены. Уже в 1792 г. было организовано посольство в Японию во главе с сыном Кирилла Лаксмана — Адамом, дабы доставить Кодаю на родину и попытаться установить торговые отношения [Файнберг 1960, с. 54].

За время пребывания Дайкокуя Кодаю в чуждом ему государстве им были засвидетельствованы этнографические, природно-климатические, бытовые и прочие сведения о России. Накопленный пласт знаний лег в сочинение Кацурагавы Хосю «Хокуса монряку», начавший составлять его в 1792 г. во время допроса Кодаю и закончил в 1794 г. [Кацурагава Хосю 1978, с. 19]. Прикладным сюжетом, описанным в источнике, стали сведения капитана Кодаю о публичных домах Петербурга. Эти данные по-своему уникальны, поскольку деятельность публичных домов на территории Российской империи была запрещена, а непотребных особ подвергали гонениям со стороны Калинкинского рабочего дома [Князькин 2003, с. 103–106], в то же время в информации Кодаю утверждается, что бордели были разрешены правительством [Кацурагава Хосю 1978, с. 195]. С другой стороны, в русском обществе было не принято говорить о существовании подобных заведений. Хотя позже, уже с XIX в. женщинам, прошедшим полицейский контроль, в возрасте от 30-ти до 60-ти лет дозволялось открывать собственные дома терпимости в квартирах, что было экономически прибыльно, но располагались они непременно на удаленном расстоянии от мест культуры (школ, церквей и т.д.) [Татарникова 2016, с. 159]. В то же время в японской культуре XVIII в. существовали в жизни горожан «веселые кварталы», где были не важны всевозможные сословные принадлежности, а центральная роль при их посещении отводилась наличию денежных средств ради самоутверждения. В Японии открыто действовали публичные дома, которые являлись весьма доходным делом для государственной казны [Гришелева 1989, с. 108].

Как сообщает капитан Кодаю, на территории Петербурга действовало четыре публичных дома, первый из которых находился через одну улицу к западу от императорского дворца, а также три дома терпимости имелось на Васильевском острове. Более того, из его сведений удается узнать, что существовали некие «тайные логова», для которых действовала очень строгая система наказаний, согласно чему куртизанка, оказывающая услуги нелегально, подвергалась расправе совместно с гостем. К слову, в XVIII в. в Петербурге наибольшим спросом пользовались бордели Фонарного переулка, вероятно, переулок берет свое наименования, от кабака, находящегося на окраине [Тюнин, Радошнова 2015, с. 64]. По воспоминаниям Кодаю в публичных домах проживало около 30 «прославленных красоток», совместно с ними находилось очень много молодых девочек. В качестве сравнения можно привести статистические данные, которые приводит в своей

статье А.И. Татаринова Сибирского региона XIX в.: тогда в Омске действовало 6 домов терпимости, где проживало 24 куртизанки, в Тобольске — 8 притонов с 28 обитательницами, в Томске 22 непотребных дома с 78 «жрицами любви», при этом, число зеленых домов росло [Татарникова 2016, с. 160]. В самом же Петербурге, по подсчетам И.В. Князькина, к сер. XIX в. действовало 152 публичных дома и около 900 блудниц [Князькин 2003, с. 123], а на территории Российской империи активную деятельность к этому времени вели 1216 домов разврата [Зюбан 2011]. Плата за угождения в подобных заведениях взималась разная — от 5 до 1 рубля серебром, за кушанье платили отдельно, но от посетившего их капитана аванса никто не требовал [Кацурагава Хосю 1978, с. 197–199]. Испанский дворянин дон Франсиско де Миранда, совершивший путешествие по России в 1787 г., сообщает, что во время его нахождения в петербургском публичном доме с него взяли плату в размере 10 руб., хотя требовали 25 руб., тогда как в Москве за интимные услуги с испанца взимали 1 руб. [Елисеева 2008, с. 528]. «Хокуса монряку» заявляет, что благодаря данной ценовой политике подобные заведения посещали как чиновники, так и простой народ. Историк А.Б. Каменский подтверждает известия японского источника, в то же время добавляет, что завсегдатаями борделей были в основном военные, а учреждения содержались за счет иностранных средств [Каменский 2006, с. 229]. Среди отечественных именитых лиц, посещавших бордели были: супруги графского рода Безбородко, супруги придворного чина Турчаниновы, родовитый помещик Соймонов и т.д.

В Японии для поддержания общественного порядка при подобных заведениях, в частности в Эдо, отводились специальные участки для создания «зеленых домов». Начиная с XVII в., наиболее известным «веселым кварталом» был Ёсивара, который находился на одной из главных дорог Эдо. В этом квартале действовало от 2000 до 3000 блудниц, но в самих домах проживало около 30-ти девушек (дзёро). Между дамами и их клиентами существовал определенный этикет, где особое внимание уделялось почтительности, что создавало собой особый ореол романтичности и приукрашивало столь древнюю профессию [Гришелева 1989, с. 109]. Российский исследователь А.Н. Фесюн сопоставил наглядный прейскурант цен Ёсивары, проиндексировав цены XVIII в. и переведя их в доллары. Он установил, что стоимость услуг была около 180 долларов. В то же время существовали уличные «жрицы любви», их услуги обходились потребителю в 1,5 доллара [Куланов 2013, с. 84]. Как в России, японский клиент, помимо интимных услуг, оплачивал накладные расходы: еду, питье и т.д. Также существовали «низкосортные заведения», в которых намеренно спаивали клиентов, после чего посетитель засыпал, а затем его обворовывали [Там же, с. 86].

С точки зрения архитектуры и интерьера, дома терпимости Петербурга выглядели великолепно. Когда Кодаю увидел величие одного из заведений,

он даже задал вопрос Софье Турчаниновой: «Чей это дворец?». Дом представлял собой шестиэтажное здание, на 40 кв. саженей (≈ 182 м^2), внутри которого был большой двор. Первый этаж сдавался под кабак, второй этаж служил жилым помещением и кухней, площади третьего этажа и расположенных выше служили для приема посетителей [Кацурагава Хосю 1978, с. 196–197]. К слову, уже в 1861 г. такое устройство непотребных домов будет юридически закреплено, когда в Петербурге будет узаконена деятельность домов разврата [Лебина, Шкаровский 1994, с. 20]. Исходя из общих правил, потенциальный клиент сих заведений мог легко опознать непотребное учреждение в городском пространстве по красному фонарю у входа, белым занавескам утром и красным занавескам на окнах по ночам [Малышева 2014, с. 94–95].

Итак, гостей проводили на третий этаж, в комнату около 15 кв. саженей (≈ 68 м^2), отделанную камнем, в такой обстановке им был представлен радушный прием. В центре был накрыт стол, рядом стояли стулья, на подоконнике размещались горшки с диковинными цветами. После застолья одна из девушек-прислужниц показала комнаты девиц: первая комната — была размером около 10 кв. саженей (≈ 45 м^2), на стенах виднелись зеркала и картины, остальное убранство состояло из стола и цветочных горшков; размер второй комнаты равнялся площади около 8 кв. саженей (≈ 36 м^2), она выполняла функцию игровой, поскольку в ней находились бильярд, шахматная доска, скрипка, подзорная труба и прочие вещи; последняя комната — небольшая спальня с кроватью завешанной шторой из шелкового люстрина, вышитого золотой нитью. Кровать покрывало одеяло из белого шелка, набитое птичьим пухом, рядом лежало шесть подушек, поскольку в России один человек пользовался тремя подушками. Под окном располагалось два комода, один из красного дерева, а другой из иудина дерева (речь идет о церцисе европейском). Прочие комнаты были выполнены таким же образом [Кацурагава Хосю 1978, с. 196–197].

Японский Ёсивара представлял собой защищенную территорию, которую окружали рвы и глухие стены. Вход был один — главные ворота. Такая практика действовала с целью предотвращения побегов неплательщиков, да и в целом для контроля в квартале. У ворот были посажены ивы, которые являлись символом публичных домов, а главные улицы украшались деревьями сакуры. Близ входа в Ёсивару гостя встречали освежающим чаем и туалетными принадлежностями. За стенами располагались дома тех самых женщин, а также чайные домики, где пришлые вносили предоплату за угождения, а также договаривались о дальнейших свиданиях [Гришелева 1989, с. 109]. Дома свиданий строились в форме открытой решетки, через которую хорошо было видно женщин, но, если посетитель хотел провести время с лучшими жрицами, то ему приходилось довериться слухам, поскольку

таких куртизанок скрывали от взора, им хватало лишь славы. После, клиента отводили к дому на углу улицы Кё-мати. Этот дом представлял собой четырехэтажное здание европейского типа, исключающий помпезность. Войдя внутрь, клиент оказывался в декорированной гостиной с креповым футоном (подушкой). Апартаменты спутницы состояли из трех комнат: первая — гостиная; вторая — приемная; третья — спальня [Куланов 2013, с. 81–83]. В комнате, где ожидала куртизанка своего гостя, называлась дзасики, пол которой был покрыт восемью циновками. В ней располагалась токонома (полка) для ритуальных приношений, свитков и каллиграфических надписей. Среди комнатного убранства были музыкальные инструменты (струнные сямисэн и гэккин), цветы в керамических вазах, чайный набор, шкаф для одежды, иногда были фигурки животных и книги [Фесюн 2020, с. 14–15].

В соответствии с петербургской культурой приёма посетителей в публичных домах, рабочая смена борделей начиналась с угощения посетителей кушаньем и вином. Обслуживающие девушки мало походили на простых людей, их лица были напудрены и нарумянены, а прически были украшены искусственными цветами. Позже в комнату входили другие дамочки, которые были украшены цветами. Согласно «Хокуса монряку», вероятнее всего, это были немки. Среди русских женщин преобладали солдатки, вдовы и дочери нижних чинов [Тюнин 2015, с. 64]. Когда барышни вступали в комнату, они кланялись присутствующим, после чего занимали стулья около окон. Во время пира прислуживающие дамы играли волнующие душу мелодии на скрипках и кото (европейский вариант цитра — струнный инструмент), прочие молодые особы танцевали. Визитерам также разрешалось петь и танцевать. К танцам допускалось по четыре человека, после чего совершали поклон и к пляскам подключались следующие лица [Кацурагава Хосю 1978, с.196–197]. Из имеющихся сведений видно, что публичные дома не ограничивались сферой предоставления интимных услуг, напротив, это были места увеселения.

Для того чтобы организовать успешный день в Ёсивара, было необходимо пройти ряд регламентированных процедур. Как отмечалось ранее, пришлый встречался со своей спутницей в чайных домиках, после чего дзёро (куртизанка) покидала заведение, оставляя заказчика со своими служанками (хикитэ-дзяя). Прислужницы в свою очередь начинали потакать и ублажать посетителя во всем. У камеристок был определенный гастрономический распорядок подачи угощений, сначала это был чай со сладостями, а позже сакэ с различными закусками. Затем в комнату входили певица, танцовщицы и тайко-моти (человек с барабаном), садились за стол к гостю и выпивали вместе с ним, после чего приступали к своим трудовым обязанностям. В сопровождении всей «свиты», к 12 ночи, заказчика вели к дому спутни-

цы на ночь, где его встречали две других служанки. В окружении служанок гостя приводили в приемную комнату, куда приносили чай и сладости. Кокетка была обязана выйти к своему клиенту при любых обстоятельствах, более того, она должна была обращаться с гостем как с близким посетителем [Куланов 2013, с. 82–84]. Одеяние дзёро (куртизанки) строго выстраивалось исходя из фиксированных правил относительно материала, способа пошива, цветов и узоров для одежд. Таким образом, никакой куртизанке не разрешалось одеваться во что-либо, несоответствующее ее рангу [Фесюн 2020, с. 51].

Итак, публичные дома Петербурга XVIII в. являли собой относительно элитарные заведения, куда мог попасть любой желающий, но за большие деньги, схожая ситуация наблюдалась в японском Ёсивара. В русском и японском публичном доме посетитель при внесении оплаты окунался в мир грез, сопровождаемый пением и плясками в окружении очаровательных дам, угощающими спиртным и закусками. Общность российской и японской культуры также прослеживается в архитектуре зданий, уготованных под публичные дома. Зачастую дома терпимости сооружались многоэтажными, по европейскому типу, где каждому этажу отводилось свое назначение, а убранство состояло из дорогостоящих предметов интерьера. Служащие борделя делали все возможное, чтобы ублажить гостя, исходя из своего профессионального этикета. В общей специфике публичных домов России и Японии отражено, что время пребывания в такого рода заведениях соизмерялось размером кошелька клиента, и чем он был больше, тем разностороннее протекал досуг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных водах («Хокуса монряку»). М., 1978.

Бабиков К.И. Проституция в России // *Пушкарева Н.Л., Бессмертных Л.В.* «А се грехи злые, смертные…»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов, богословов XIX – начала XX в.: в 3 кн. Кн. 3. М., 2004.

Гришелева Л.Д. Формирование японской национальной культуры (конец XVI – начало XX вв.). М., 1989.

Елисеева О.И. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М., 2008.

Зюбан М.Н. Российские дома терпимости: середина XIX столетия — 1917 г. // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3 (19). URL:http://scientific-notes.ru/pdf/021-018.pdf

Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006.

Князькин И.В. История петербургской проституции. СПб., 2003.

Куланов А.Е. Обнаженная Япония: Сексуальные традиции Страны восходящего солнца. М., 2013.

Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге: 40-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в. М., 1994.

Малышева С.Ю. Публичные дома терпимости и проститутки в досуговой и повседневной жизни Казани: второй половины XIX — начала XX вв. // Гендерные роли и модели поведения. Казань, 2014.

Серебрякова С.Г. Пребывание японца Дайкокуя Кодаю в России. СПб., 2016.

Татарникова А.И. «Продажная любовь» как явление повседневной жизни городов Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (73). Ч. 1.

Тюнин В.И., Радошнова Н.В. Проституция в дореволюционной России и её регламентация // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1.

Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960.

Фесюн А.Г. Ёсивара: Город наслаждений. М., 2020.

Черевко К.Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII — начало XXI века). М., 2010.

V.I. Knyazev
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

WHOREHOUSES 18th CENTURY PETERPURG IN MEMORIES OF DAIKOKUY KODAYU

This article examines and describes the brothels of St. Peterburg of the 18th century according to the memoirs of the Japanese captain Daikokuya Kodayu. Their location, architecture, interior, cost of stay, professional etiquette of girls working in brothel houses. The material presented by the Japanese captain is compared with information on Japanese hospitals in Yoshiwara's "merry quarter" in Edo, obtained from scientific papers.

Keywords: public houses, Petersburg, Daikokuya Kodayu, Yoshiwara, Japan, courtesans, "Hokusa Monryaku".

П.М. Селиверстова
г. Москва (Россия)
Московский городской педагогический ун-т

ФРИДРИХ И ВИЛЬГЕЛЬМИНА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ

В статье представлен анализ переписки между прусским королем Фридрихом II Гогенцоллерном и его сестрой Фредерикой Софией Вильгельминой Прусской, маркграфиней Байрейтской. Опыт исследования эпистолярного наследия королевской семьи показал, что политическая проблематика неоднократно становилась важной частью личных бесед. Автор рассматривает роль источников личного происхождения во внешней политике Пруссии XVIII в., а также вовлеченность родственников прусского короля в международную дипломатию. Изучение переписки раскрывает сложность взаимоотношений Вильгельмины и Фридриха на фоне проблем престолонаследия и военных конфликтов.

Ключевые слова: Пруссия, переписка, Фридрих II, международные отношения, Просвещение, Вильгельмина Прусская.

Фигура Фридриха II Гогенцоллерна по сей день для многих остается образом противоречивого и расчетливого военачальника, добившегося признания своего государства на мировой политической арене. Из-за характера и подчас резких высказываний отмечали в нем и черты женоненавистника. Однако публикация личной и государственной переписки короля позволила пролить свет на новые грани взаимоотношений Фридриха как со своими подчиненными, так и близкими ему людьми. Особое внимание к эго-документам проявляется в Европе еще с XVIII в.: автобиографические практики стали давать человеку Нового времени возможность осознать себя в качестве исторического субъекта [Сдвижков, 2019, с. 21–22]. Для эпохи Просвещения становится характерным использование дружеского и сентиментального формата писем [Там же, с. 31], однако в случае общения Фридриха с сестрой заметно, что комплименты и взаимные признания обусловлены не только формальностью.

Фредерика София Вильгельмина была старшей дочерью прусского короля Фридриха Вильгельма I и его супруги Софии Доротеи Ганноверской.

Ей удалось расположить к себе наследного принца пониманием и любовью, которыми отец и мать не могли обеспечить по разным причинам. Сближало их и то, что собственной личной жизнью распоряжаться они не могли. С тех пор, как дед Вильгельмины взошел на английский трон, королева София Доротея не отпускала мысль о брачной связи между своими детьми и детьми ее брата: Вильгельмина должна была выйти замуж за Фридриха Людвига, будущего принца Уэльского, а Фридрих жениться на Амалии. Королева изначально была полностью захвачена этой идеей и в конце концов сумела добиться того, чтобы Фридрих Вильгельм I тоже благосклонно отнесся к плану. Но желание Софии Доротеи все равно не осуществилось. При английском дворе ее брата существовала антипрусская партия, которая всеми силами стремилась помешать реализации проекта. С политической точки зрения, многое говорило о двойной свадьбе и связанном с ней более тесном включении Пруссии в лагерь западных держав, но семейные фронты были настолько ожесточены, что о союзах пришлось забыть.

В 1730 г. произошла знаменитая семейная катастрофа: вместе со своим другом Гансом Германом Катте, офицером в Потсдаме, наследный принц попытался бежать за границу, но, как известно, потерпел неудачу. Фридрих Вильгельм предал обоих военному суду, который, хотя и признал себя несостоятельным в деле Фридриха, но приговорил молодого Катте к смертной казни. По приказу отца Фридрих в ноябре 1730 г. наблюдал казнь своего друга через окно тюремной камеры, после чего упал в обморок. После этого акта наследный принц был заключен в тюрьму в крепости Кюстрин [Die Lieblingsschwester…]. Все это время Вильгельмина беспокоилась о жизни своего брата. Сама она, как решил Фридрих Вильгельм, должна была выйти замуж за наследственного принца Байрейта. Их благополучие пошло бы на пользу реабилитации наследного принца, по заверениям отца. Если бы Вильгельмина отказалась, Фридрих продолжал бы оставаться в Кюстрине в качестве заключенного. Поэтому у нее не оставалось другого выбора, кроме как согласиться на предложение отца, желая помочь своему младшему брату. Маркграфы были дальними родственниками прусского королевского дома. При отсутствии наследника мужского пола, байрейтское маркграфство переходило бы к Пруссии.

Фридриху пришлось жениться на Елизавете Кристине Брауншвейгской против своей воли, своей сестре накануне свадьбы он писал так: «Эта особа не красива и не уродлива, у нее нет недостатка в уме, но она очень плохо воспитана, застенчива и лишена знаний о жизни <…> я всегда сохраняю с вами ту искреннюю дружбу, с которой наши сердца были связаны с самой нежной юности» [OEuvres... p. 4].

Вильгельмина стала женщиной, с которой он имел самые близкие отношения на протяжении всей своей жизни. Отношения эти неизменно ос-

новывались на рано установившейся личной симпатии, духовной близости и эмоциональной привязанности. В то же время их династические роли переплетались с самого рождения [Kohl].

Однако общение разворачивалось в сложном взаимодействии человеческих наклонностей и абсолютистских устремлений эпохи Просвещения, где прямое влияние оказывали и напряженные сдвиги в династической структуре. Сама маркграфиня отмечала в мемуарах, что чем ближе становилась для Фридриха перспектива прихода к власти, тем холоднее было и его отношение. Его планы на будущее также заставляли ее задуматься: «Скоро к нам в Байрейт приехал мой брат, Фридрих. Он был в самом дурном настроении и не мог даже владеть собой; <…> Он сказал мне: “Наш старик медленно угасает, он не проживет и месяца. Я знаю, что он дал тебе какие-то обещания, но я не буду в состоянии их выполнить. Весь мир удивится, когда узнает, что я совсем не тот, каким все меня представляют. <…> Все мои помыслы направлены лишь на то, как бы увеличить мою армию; все же остальное останется, как и при отце. Что касается вас, то я советую после смерти твоего дурака-тестя, распустить весь ваш придворный штат и зажить, как обыкновенные дворяне”» [Фредерика София Вильгельмина]. Несмотря на то, что визит Фридриха через несколько дней закончился примирительно, интимные отношения брата и сестры все же надломились. Вильгельмина понимала, что была «любимой сестрой» только до тех пор, пока служила интересам своего брата. В своих письмах он всегда говорил о дружбе и признательности, но в личном общении Фридрих продолжал оставаться холодным и безразличным. Это также не изменилось, когда Вильгельмина в октябре 1740 г. отправилась в Берлин. Однако новые обстоятельства, появившиеся после вступления Фридриха на престол, смогли объяснить причину поведения: главной мыслью, занимавшей его, было завоевание Силезии. Осознав всю важность нового статуса брата, уже в июне 1740 г. маркграфиня писала Фридриху о своих надеждах: увидеть процветание государства при его правлении. На протяжении всей военной кампании 1740–1742 гг. Вильгельмина беспокоилась о жизни своего королевского брата, хотя его письма звучали довольно уверенно и успокаивающе.

Хотя переписка Вильгельмины с братом и представляла собой образец гармонии, их отношения неоднократно подвергались тяжелым испытаниям. Маркграфиня, его бывшая покровительница, теперь была подчиненной. При попытке избавиться от любовницы мужа путем свадьбы с австрийским графом, Вильгельмина получила от Фридриха весьма гневное письмо. Причиной тому стало обещание, данное отцу: не выдавать прусских придворных дам замуж за иностранных подданных, чтобы не потерять земельное имущество государства. Личные мотивы веским поводом, по мнению Фридриха, стать не могли [OEuvres... p. 142].

В 1745 г. Франц Лотарингский, супруг Марии Терезии, стал новым императором Священной Римской империи. По пути на коронацию, которая традиционно проходила во Франкфурте-на-Майне, Франц и Мария Терезия также прошли через территорию Байрейта. Поэтому для Вильгельмины и ее супруга было естественным официально принять императорскую пару и познакомиться с ними обоими. Наконец, небольшое маркграфство Байройта было нейтральной территорией, и поэтому, несмотря на все родственные связи Пруссии, казалось целесообразным ладить с Домом Габсбургов. Для Фридриха II, который все еще находился в состоянии войны с Австрией, поведение Вильгельмины казалось предательством. Долгое время казалось, что дружеские отношения брата и сестры окончательно разорвались, и только благодаря усилиям брата, Августа Вильгельма, весной 1747 г. им все же удалось примириться.

После смерти матери в 1757 г. маркграфиня не допускала ни малейшего сомнения в том, что она твердо стояла на стороне Пруссии в войне, которую вел ее брат. Каждая его победа приносила ей радость, а после поражения впадала в глубокую скорбь. Вильгельмина даже пыталась участвовать в политических интригах. Это могло стать опасным ходом, но она хотела заверить королевского брата в своей безусловной верности. Поэтому она решила отправить графа де Мирабо (Луи Александра), своего камергера, в Париж [Кастр 2008, с. 30]. Новому дипломату было поручено пообещать пятьсот тысяч экю госпоже де Помпадур, влиятельной любовнице французского короля, чтобы она убедила Людовика XV в необходимости заключения мира с Фридрихом II. Прусский король сам был полностью увлечен этой идеей и поблагодарил Вильгельмину в своем письме от 7 июля 1757 г. [OEuvres... p. 335–337]. Вильгельмина повиновалась брату, хотя тем самым и выступила против собственной страны, потому что Байрейт оставался нейтральным даже в Семилетней войне. Но французский двор оказался непреклонен, и переговоры провалились.

Вильгельмина также встала на сторону Фридриха II, когда летом 1757 г. тот поссорился с младшим братом Августом Вильгельмом. Именно на Августа Вильгельма король возложил вину в поражении при Колине в июне того же года. Письмо, которое она написала Фридриху, было чрезвычайно лестным, однако тот оставался неумолим в своем гневе [Ibid, p. 338].

Обмен письмами между братьями и сестрами прусского королевского дома предоставляет важную информацию об отношениях внутри семьи, а также периодически дает необычайно личные заявления двух партнеров по переписке, с одной стороны, и, с другой стороны, дает представление о разнообразном обмене интеллектуальными интересами и политическими комментариями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Фредерика София Вильгельмина. Мемуары маркграфини Байрейтской. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XVIII/1720-1740/Wilhelmine_von_Preussen/text2.htm

Die Lieblingsschwester Friedrich des Großen // Die Gartenlaube. URL: https://de.wikisource.org/wiki/Die_Lieblingsschwester_Friedrich_des_Gro%C3%9Fen

OEuvres De Frederic Le Grand. Correspondance de Frédéric avec sa sœur Wilhelmine, margrave de Baireuth. Vol. 27_1. URL: http://friedrich.uni-trier.de/de/oeuvres/27_1/id/002000000/toc/text/

Кастр Р. Мирабо. Несвершившаяся судьба. М., 2008.

Сдвижков Д.А. Письма с Прусской войны. Люди Российско-императорской армии в 1758 году. М., 2019.

Kohl K. Die Rolle der Wilhelmine von Bayreuth in Friedrichs Dynastieverständnis. URL: https://perspectivia.net/receive/ploneimport_mods_00000094

P.M. Seliverstova
Moscow (Russia)
Moscow City University

FREDERICK AND WILHELMINE:
POLITICAL ISSUES OF PRIVATE CORRESPONDENCE

The article presents an analysis of the correspondence between the Prussian king Frederick II of Hohenzollern and his sister Frederica Sophia Wilhelmina of Prussia, Margrave of Bayreuth. The experience of researching the epistolary heritage of the royal family has shown that political issues have repeatedly become an important part of personal conversations. The author examines the role of sources of personal origin in the foreign policy of Prussia in the 18th century, as well as the involvement of the relatives of the Prussian king in international diplomacy. The study of the correspondence reveals the complexity of the relationship between Wilhelmina and Friedrich against the background of problems of succession to the throne and military conflicts.

Keywords: Prussia, correspondence, Frederick II, international relations, Enlightenment, Wilhelmine of Prussia.

В.С. Ившин
г. Екатеринбург (Россия)
Уральский федеральный ун-т
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

КОНЦЕПЦИЯ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКОГО МОНАРХИЗМА КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX в.

На основе методологии Кембриджской школы истории понятий (Кв. Скиннер, Дж. Покок и др.) рассматривается концепция Смутного времени в творчестве Г.Р. Державина в контексте политической культуры российского монархизма рубежа XVIII–XIX вв. Автор приходит к выводу, что концепция Смуты в творчестве Державина предполагала сравнение актуальной ситуации настоящего с исторической ретроспективой, а также служила историческим примером демонстрации смены форм правлений.

Ключевые слова: революция, мифологизация, история понятий, галломания, российский консерватизм, патриотизм, Пожарский.

Впервые сюжет о мифологеме Смуты в российской политической культуре 1800–1810-х гг. начал разрабатываться М.Г. Альтшуллером в контексте истории «Беседы любителей русского слова», но он ограничился лишь анализом творчества С.А. Ширинского-Шихматова в контексте «Беседы…» [Альтшуллер 2007, с. 115–140]. Подробный анализ мифологемы Смуты в российской литературе 1806–1812 гг. дал исследователь А.Л. Зорин. Он связал обращение к данной тематике с окончательным разделом Речи Посполитой в 1795 г., а также метонимией дат 1612/1812 гг. и патриотическими риториками Отечественной войны 1812 г., потребовавшей, с его слов, мобилизации российского общества [Зорин 2001, с. 157–187]. Похожую позицию отразил исследователь А.Ю. Минаков, считающий обращение русских консерваторов к Смутному времени в 1806–1812 гг. запросом российского общества на «национальную историю» [Минаков 2011, с. 118–119]. В.С. Парсамов связывает появление сюжетов Смуты в канун 1812 г. с «культивированием национальной самобытности» на фоне патриотического подъема после Тильзитского мира 1807 г. Он отмечает, что в годы Отече-

ственной войны сюжеты Смуты «практически не продуцировались», а лишь были аллюзией и реминисценцией, отсылавшей российских образованных подданных к общеизвестным событиям [Парсамов 2020, с. 188–190].

Обращение к мифологеме Смуты в политической культуре российского монархизма конца XVIII — начала XIX в. не было исключительно ситуативной мобилизующей реминисценцией. Здесь мы близки к А.Л. Зорину, что контекст российской политической культуры конца XVIII — начала XIX в. включал раздел Речи Посполитой (хотя он был ключевым), и уже упомянутую метонимию дат. Обращения к сюжетам Смуты включали также рамочную тему рефлексии о Французской революции и начавшуюся в послетильзитской России «галлофобию», вместе с патриотической риторикой в канун и Отечественную войну, когда в «Великой армии» («армии двунадесяти языков») Наполеона оказались поляки, воевавшие на стороне французов. Все это в сознании российских подданных напоминало иностранную интервенцию периода Смуты. Мифологема Смуты стала «универсальной» концепцией: в ней уживались и рефлексия о французском «безначалии», и телеологизм монархического правления (включая риторики о монарших добродетелях, доказательства «вечности» и необходимости института российской монархии), и взгляды на социальную структуру вкупе с патриотическими воззваниями.

О фигуре Г.Р. Державина написано много, в большей степени как о великом поэте XVIII в. Но, как доказывает А.Ю. Минаков, в политической биографии Державина, наряду с Державиным-поэтом сосуществовал Державин — видный представитель «русского консерватизма» нач. XIX в., один из основателей первого объединения «русских консерваторов» — «Беседы любителей русского слова» [Минаков 2010, с. 7–15]. Державин же был один из тех, кто наиболее активно использовал концепцию Смуты в конце XVIII — начале XIX в.

Панегирическая литература конца екатерининского царствования, отметившаяся одной из первых рефлексий о Французской революции 1789 г. уже имела экземплификацию исторических персоналий Смуты. Так, в оде «На взятие Варшавы» 1794 г. Державин призывал «восстать великого мужа» — Д.М. Пожарского для усмирения в России «ея крамолу» [Державин 1864, с. 644]. Здесь Пожарский, конечно, упоминается лишь мимоходом, как фигура противостоящая полякам во время Смуты и подавления польского восстания 1794 г., которое прочно ассоциировалось российскими подданными как Польская «революция», подготовленная французами. Однако панегирический жанр не предполагал подробного сюжета об упоминаемых в них фигурах, будь то Пожарский или греко-римская образность. Здесь важен риторический акт такого упоминания, и сама конфигурация фигуры Пожарского, становившаяся многогранной: победитель поляков-интервентов

во время Смуты, освободитель России, а теперь потенциальный победитель французской «революционной гидры».

Этот тезис подтверждается другим панегириком Г.Р. Державина, написанным в 1789–1790 гг., его название в полной редакции звучало как «На коварство во время возмущения французов, к чести князя Д. М. Пожарского, *яко укротителя междоусобия и утвердителя монаршей власти*» (курсив мой. — *В.С.*) (опубликована впервые в 1798 г.) [Державин 1957, с. 392]. Пожарский представал здесь не только «спасителем Отечества», но и «утвердителем» монаршей власти на российском престоле:

Ты спас от расхищенья царство,
Ты власть монарху утвердил [Там же, с. 154].

Далее, Державин фактически призывал Пожарского «восстать» из мертвых и закончить «химерическую» Французскую революцию:

Восстань, восстань на голос лиры,
<…>
Подпорой будь в Европе тронов:
Твой сильный глас, как Цицеронов,
Заставит злобу оробеть [Там же, с. 154].

Советский филолог И.З. Серман отмечал, что «ода как будто мало связана с событиями революции…», а ее общий пафос был направлен на порицание пороков российских подданных [Серман 1967, с. 68–69]. На наш же взгляд, данный панегирик имел амбивалентную цель: через порицание революции, Державин предостерегал российских подданных от увлечения французской революционной тематикой. В таком ключе ода принимает совсем иной оттенок, а Пожарский становится воплощением идеальном морального облика российского дворянства, сражающегося не из собственной «корысти», а из любви к Отечеству и русскому народу — тех моральных качеств, которыми, по мнению Державина, должны были обладать российские поданные.

Всплеск публикаций, посвященных мифологеме Смутного времени в политической культуре российского монархизма произошел в 1806–1812 гг. Один за другим выходит сочинение Г.Р. Державина «Пожарский, или освобождение Москвы» (1806), С.Н. Глинки «Пожарский и Минин», драма М.В. Крюковского «Пожарский» и др. Общий пафос всех сочинений был обращен к образности Смутного времени и ее продуцировании на современные пораженческие настроения российского общества. Как указывал А.Л. Зорин, всех этих авторов связывала принадлежность к кругу Шишкова-Державина, а в будущем «Беседы…» [Зорин 2001, с. 162].

Державин в своей трагедии «Пожарский, или Освобождение Москвы» вкладывал в уста одного из героев пьесы Палицына, строки о «коварном» Борисе Годунове, который обманным путем взошел на российский престол. Однако в описании воцарения Годунова российский образованный подданный мог увидеть образ Наполеона, избранного по аналоги с российским царем на царствование / пожизненное консульство:

Чрез казнь вельмож, дары, войск подкуп, лесть везде,
Всеобщим яко бы избранием на царство.
Но гнусные дела чтоб в мутной скрыть воде
И сделаться царем любезнейшим народу… [Державин 1805].

В пьесе после «свободы» началась всеобщая «анархия»: «грабежи», «кощунство на святыню», «страсть к пьянству» и др. — все эти образы использовались в панегириках для описания последствий Французской революции. Державин неоднократно отсылал к образу Наполеона, «похитившему» французский престол у Бурбонов:

Как хищники корон, то ж злы цари творят,
Не знав, что хитрыя и пагубны толь средства,
Балуют, тлят народ, и семя всем бедам… [Там же].

Пьеса оканчивалась монологом Пожарского о том, почему он не может быть новым царем: «Не может трона тать [вор] владеть спокойно славой // …Я [Пожарский], усмиряя их, могу тираном стать» [Там же]. В духе российского классицизма, Державин ставил Пожарского перед моральным политическом выбором между тиранией и восстановлением законной монархии. Показателен еще один фрагмент этой же пьесы:

Он [тиран] козни новые всечасно вымышляет,
Чтоб скрыть свой мрачный нрав или тем, или другим:
Сегодня *лавров он*, а завтра *пальм желает*… (курсив мой. — *В.С.*) [Там же].

Последняя строчка отсылает нас к Египетскому походу Наполеона, а общая направленность отрывка напоминает жизнеописание карьеры Наполеона: образ французского полководца и «монарха-консула» как раз к 1805–1807 гг. трансформировался в образ «похитителя» престола и «тирании». На наш взгляд, последний монолог должен был отождествляться современниками с недавними актуальными событиями во Франции. Кульминационными строками в монологе Пожарского были призывом к восстановлению «законной» монархии: «Законы без грозы [монарха] — бесстрашным эха

звуки» или «Законы ж русские, обычай, власть ли Бога // Повергли с детства нас владычеству царей…» [Там же]. Пьеса заканчивалась избранием на царствование «законного» монарха — Михаил, под скипетром которого, вновь «все царства счастьем превышает» [Там же].

Итак, мифологема Смуты, использованная Державиным в контексте политической культуры российского монархизма конца XVIII — начала XIX в. предполагала сравнение актуальной политической ситуации настоящего с исторической ретроспективой, а так же сравнение политического между формами правлений. Это отразилось в использовании глоссария о формах правлений и категорий актуального настоящего в отношении Смуты: «безначалие», «вольность», «тирания» и т.д. Именно в таком контексте, моральный выбор Пожарского, в интерпретации Державина мог восприниматься, как трансформация «законной монархии» в «тиранию», и напротив: «тирании» при «торжестве законна» и «морали» обратно в «законную монархию». Моральная сторона этих произведений давала осмысление современной политической повестке глоссария о формах правлений в отношении Французской революции и «тирании», а также аргументов в пользу института российской монархии. Подобные произведения предполагали хотя и косвенную, но критику прочих, немонархических форм правлений через доказательство невозможности их существования в истории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Державин Г.Р. На взятие Варшавы // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 1. СПб., 1864.

Державин Г.Р. На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского // Библиотека поэта. Л., 1957.

Державин Г.Р. Пожарский, или освобождение Москвы. СПб., 1805. URL: http://derzhavin.litinfo.ru/derzhavin/drama/pozharskij/pozharskij.html

Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007.

Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла… Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.

Минаков А.Ю. Г.Р. Державин как представитель русского консерватизма // Вестник ТГУ. 2010. Вып. 7.

Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011.

Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М., 2020.

Серман И.З. Державин. Л., 1967.

V.S. Ivshin
Yekaterinburg (Russia)
Ural Federal University

G.R. DERZHAVIN'S CONCEPT OF THE TIME OF TROUBLES IN THE POLITICAL CULTURE OF RUSSIAN MONARCHISM IN THE LATE 18th — EARLY 19th CENTURIES

Based on the methodology of the Cambridge school of the history of concepts the concept (Q. Skinner, J.G.A. Pocock and other) of the Time of Troubles in the works of G.R. Derzhavin in the context of the political culture of Russian monarchism of the turn of the 18th–19th centuries is considered. The author concludes that the concept of the Time of Troubles in the works of Derzhavin assumes the comparison of the situation of present with a historical retrospective and serves as a historical example of demonstration by changing the forms of government.

Keywords: revolution, mythologization, history of concepts, gallomania, Russian conservatism, patriotism, Pozharsky.

Е.В. Охотникова
Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ДВИЖЕНИЕ ТОЛСТОВЦЕВ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

Данная работа описывает движение толстовцев конца XIX — начала XX в. Статья разделена по смыслу на 2 части. В первой части описывается зарождение идей и толстовства и их мировоззрения, во второй части описывается их деятельность и реакция государства на деятельность толстовцев.

Ключевые слова: толстовство, Л.Н. Толстой, мировоззрение, движение.

Зарождение идей толстовства началось на рубеже 1870–1880-х гг., когда Л.Н. Толстой обратился к религиозно-философским поискам и написал «Исповедь», в которой отразилась его собственная философская система. У этих идей в 1883–1885 гг. появились последователи: В.И. Алексеев, Н.Н. Ге, В.Г. Чертков, И.И. Горбунов-Посадов, Д.А. Хилков, П.И. Бирюков, Н.Л. Озмиздов, А.М. Бодянский и др. Самым первым единомышленником Л.Н. Толстого был В.Г. Чертков, знакомство которых произошло в 1883 г. [Бирюков 2000. Т. 3].

В первый раз об идеях толстовцев упоминается в отчете обер-прокурора К.П. Победоносцева за 1886 г., в котором говорится о полемике, поднятой разными лицами против Л.Н. Толстого [Пругавин 2020, с. 179]. Началом полемики послужила его «Исповедь», которая была выпущена заграницей на французском языке, и распространялась в рукописях и литографиях. Полемика имела философский и богословский характер.

Отношение Л.Н. Толстого к толстовцам он определял для себя одной фразой «Я — толстой, а не толстовец». [Пругавин 2020, с. 227]. Мировоззрение толстовцев Л.Н. Толстой заложил в книге «Исповедь. О жизни», но в дальнейшем толстовцы сами дополнили постулаты движения.

В своем труде Л.Н. Толстой размышляет о смысле жизни и приходит к заключению, что смыслом жизни является вера. Он поднимает вопрос истинности веры. Л.Н. Толстой сравнивает в «Исповеди» два сословия — зажиточных и небогатых и приходит к выводу, что вера небогатых людей придает им смысл жизни, которая в первую очередь выражается в труде.

Писатель определяет для себя смыслом жизни — нравственное самосовершенствование в соответствии с верой. В своем труде он обращается к простому трудовому народу, который находит для себя идеалом. И он определяет, что: «Задача человека в жизни — спасти свою душу; чтобы спасти свою душу, нужно жить по-божьи, а чтобы жить по-божьи, нужно отрекаться от всех утех жизни, трудиться, смиряться, терпеть и быть милостивым» [Толстой. Гл. 13]. Толстой в своем произведении критикует церковь, как таковую, поскольку несмотря на то, что протестанты, католики, православные исповедуют одну и ту же религию, каждое из этих течений считает другое еретическими (особенно католики и православные), а свою церковь истинной. Так же Лев Николаевич выражает идею пацифизма, т.е. «не противление злу насилием». Все эти идеи писателя отразились в идеях толстовского движения.

В дальнейшем идеи Толстого были развиты толстовцами. Если говорить об основных идеях толстовцев, то они признавали алкоголь вредным, что выражалось в их пассивном действии — отказе от вина, тоже самое касалось и табака, они признавали целомудренный образ жизни и принцип вегетарианства, поскольку для них было важным не проливать кровь животных.

Толстовцы отказывались от личной собственности и делали ее общественной, в этом проявлялся их коммунистический образ жизни.

Они не признавали никакую земную власть, признавали только Бога. Они уговаривали духоборов не подчиняться требованиям правительства, не платить податей, не исполнять воинскую повинность. Толстовцы не несли полицейские и другие обязанности по сельскому управлению, уклонялись от уплаты повинностей (натуральной, квартирной, дорожной и подводной).

Толстовцы признавали «полное отречение от всех потребностей и привычек современного человека, идеализирующие нищету и диогеновское существование» [Пругавин 2020, с. 232].

Мировоззрение толстовцев было основано на отречении от тела и концентрации внимания на совершенствовании духа. Одними из афоризмов толстовцев являлись: «все люди — братья», «все — дети одного отца», «весь мир есть дом Божий».

Они являлись пацифистами и отрицали любые формы насилия. Они видели необходимость в кротости, смирении и непротивлении злу. Толстовские идеи повлияли как на дворян, некоторые из которых отказывались от права собственности на землю, так и на крестьян, которые формировали многочисленные земельные крестьянские коммуны.

В разных странах мира появлялись общины и коммуны, которые строят свою жизнь согласно принципам религиозно-нравственного учения Л.Н. Толстого.

Толстовцы занимались пропагандой идей Толстого. Центром пропаганды было издательство «Посредник» В.Г. Черткова 1884 г. Издательство выпускало различные книги, которые были доступны для простого народа благодаря низкой цене и широкой доступности. В 1901 г. пропаганда толстовства велась путем распространения в народе книг и брошюр. К примеру, на Кавказе по рукам русских переселенцев передавались брошюры под названием «Народные листки», печатанные в Женеве. Цель брошюр — попытка убедить в ложности господствующей Церкви и ее учреждений и в незаконности существования государственной власти, побудить не подчиняться ей.

В России движение толстовцев было официально запрещено, поэтому судьба его была весьма трагична. В делопроизводственных документах зафиксированы судебные процессы по отношению к толстовцам. Ярким примером является дело В.А. Молочникова. В 1908 г. он был привлечен к суду за удержание и распространение книг Толстого. Л.Н. Толстой пытался помогать толстовцам в их судьбе и не без внимания писателя обошлось дело Молочникова. Он пытался оправдать толстовца, поэтому нанял опытных адвокатов Н.К. Муравьева и В.А. Маклакова, которые помогли смягчить участь подсудимого. В следующем деле 1910 г., в котором Молочникова привлекли за побуждение некоторых лиц к отказу от военной службы, благодаря участию Льва Николаевича и нанятых им адвокатов удалось добиться оправдательного приговора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Толстой Л.Н. Исповедь. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0440.shtml

Бирюков П.Н. Биография Л.Н. Толстого в 4-х томах, 1905—1922. Т. 3. М., 2000.

Варфоломеев Ю.В. «Дело «толстовца» В.А. Молочникова (по материалам архивных документов Государственного музея Л.Н. Толстого)» // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/journals/izvestiya/pdf/2013/12/13/%D0%92%D0%B0%D1%80%D1%84%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%B5%D0%B23.pdf

Макарова Е.А. Общественно-политическая жизнь толстовцев в конце XIX — начале XX вв.: дис. ...канд. ист. наук. М., 2015.

Пругавин А.С. О Льве Толстом и о толстовцах: очерки, воспоминания, материалы. М., 2020.

E.V. Okhotnikova
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

MOVEMENTS OF TOLSTOYANS IN LATE 19th
AND EARLY 20th CENTURY

This article describes a social movement of tolstoyans in late 19th and early 20th century. This paper has 2 parts. The first part describes the birth of ideas of tolstoyans and their ideology, the second part describes their activities and government's reaction to their activities.

Keywords: tolstoyanism, L.N. Tolstoy, ideology, movement.

П.А. Сперанский
г. Екатеринбург (Россия)
Институт истории и археологии УрО РАН,
Уральский федеральный ун-т
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

РЕФОРМЫ П.А. СТОЛЫПИНА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЙ В ИСТОРИИ РОССИИ

В статье осуществлен историографический анализ трудов, касающихся модернизационных преобразований России в эпоху П.А. Столыпина. Показано, что в современной исторической науке имеет место широкий спектр мнений: от негативных оценок столыпинской реформации, до признания ее полной эффективности. Сделан вывод о необходимости продолжения изучения обозначенной тематики, с целью проведения более скрупулезного анализа последней в российской истории имперской модернизации.

Ключевые слова: модернизация, историография, дискуссии, теория модернизации, П.А. Столыпин, реформы.

В современной отечественной историографии программа реформ П.А. Столыпина находится под пристальным вниманием многих исследователей. За последние 30 лет в свет вышло огромное количество трудов: от крупных научных монографий до публицистических статей, освещающих преобразования российского премьер-министра. Преступая к историографической характеристике столыпинского курса оговоримся, что из всего многообразия современной литературы основное внимание будет сосредоточено лишь на тех работах, которые по нашему мнению, наиболее точно показывают сущность модернизационных трансформаций, происходивших в России в противоречивый период нач. XX в., отражают их уникальность и национальное своеобразие.

Предлагая концептуально-историографическую характеристику столыпинских реформ следует отметить разноплановость оценок роли реформ кабинета Столыпина в процессе российских модернизаций. Так, среди отечественных историков достаточно популярны пессимистические оценки

результативности государственной деятельности российского премьер-министра. Например, А.С. Ахиезер отмечает, что либеральные идеи, которые составляли ядро программы П.А. Столыпина носили весьма ограниченный и абстрактный характер. Прогрессивные преобразования, по мнению исследователя, были обречены на провал, что вело за собой прерывание альтернативной линии по переходу к модели либеральной цивилизации [Ахиезер 1991, Т 1, с. 303, 305]. Тема катастрофического запаздывания реформ имеет место в исследовании О.Г. Вронского, в котором автор небезосновательно полагает, что прогрессивный курс, взятый на вооружение Советом министров, смог пробиться сквозь тяжелый панцирь традиционного общества лишь с колоссальным опозданием, а его активное применение было бы наиболее эффективным в 1880–90-е гг., когда идеология проведения реформ уже вызрела и они были жизненно необходимы [Вронский 2000, с. 264].

Однако современная российская историческая наука не зацикливается лишь на концепциях исторического пессимизма и порождает на свет более взвешенные и актуальные оценки. В этом плане весьма интересным представляется взгляд на модернизацию нач. XX в., высказанный А.П. Корелиным. Ученый обращает внимание на дискуссионные аспекты осмысления возможностей самодержавия и его деятельности в нач. XX в. и доказывает, что по своему характеру столыпинская программа реформ представляла собой комплекс системных преобразований, рассчитанных на интенсификацию перехода от самодержавных форм власти к представительному правлению и правовому государству. Однако, с точки зрения историка, в силу ряда негативных факторов отсталости усилия российского премьер-министра не только не увенчались успехом, но и в серьезной мере стали причиной радикализации политической ситуации в стране [Корелин 2007, с. 88–115].

Модернизационные трансформации, которые переживала Россия в нач. XX в., не обошли вниманием и представители «Уральской школы модернизации». В коллективной монографии «Акторы российской имперской модернизации (XVIII — нач. XX в.): региональное измерение» ученые рассматривают преобразования П.А. Столыпина в качестве финальной фазы имперской модернизации России. Считая, что природа триггеров российских модернизаций кроется в военных кризисах, историки указывают, что поражение в русско-японской войне дало импульс реформистским начинаниям Столыпина и экономическому подъему 1905–1914 гг. Однако авторы обращают внимание и на то, что экономический бум протекал на фоне колоссального разрыва между отсталым сельским хозяйством и развивающейся промышленностью. Итоги преобразований, с точки зрения ученых, успешными назвать нельзя: более 3/4 населения страны осталось в традиционном состоянии, что свидетельствовало о незавершенности модернизационного перехода в России в имперскую эпоху [Акторы... 2016, с. 52].

В современной отечественной историографии яркий след в изучении столыпинских реформ оставила деятельность «Фонда по изучению наследия П.А. Столыпина». В изданных при непосредственной поддержке фонда научных трудах, их авторы, П.А. Пожигайло, К.И. Могилевский, К.А. Соловьев доказывают, что реформы правительства имели серьезный успех, а вина в их незавершенности лежит исключительно на обстоятельствах внешнего характера [Пожигайло 2007; Могилевский, Соловьев 2011]. Однако, необходимо отметить, что в данных работах, на наш взгляд, присутствует идеализация программы реформирования, равномерности воплощения ее в жизнь, а также непосредственных результатов. Декларации и действия кабинета П.А. Столыпина представляются авторами в качестве последовательного комплекса мероприятий, а исследовательский акцент в основном делается на идеях и планах реформ, а не на их ходе и непосредственных результатах.

Столыпинской модернизации посвящен цикл статей В.В. Шелохаева. В них ученый фокусирует внимание на рассмотрении главных отличительных черт курса премьер-министра, отмечая, что П.А. Столыпину удалось создать целостную программу масштабного реформирования России, аккумулировав в ней рациональные и перспективные проекты своих предшественников, синтезируя как национальный, так и западноевропейский опыт преобразований. Предложенная программа системных реформ, по мнению автора, представляла собой особый национальный консервативно-либеральный вариант модернизации России, который в условиях переходного времени был наиболее оптимальным вариантом, отсекающим, с одной стороны, правоконсервативную модель переустройства страны, а с другой, леворадикальные варианты, способные стимулировать национальную катастрофу [Шелохаев 2012, с. 34–35; Шелохаев 2016, с. 405].

По мнению М.А. Давыдова, преобразования П.А. Столыпина стали примером наиболее успешного в российской истории процесса общественного реформирования, который позволил стране иметь первый в мире среднегодовой темп промышленного развития, начать успешную аграрную реформу, в значительной степени сократить отставание от наиболее развитых стран Запада. Однако, отмечает исследователь, это была модернизация, которая шла вопреки: вопреки ее категорическому неприятию со стороны традиционалистских элит, вопреки доминированию антирыночной психологии, вопреки непоследовательной правительственной политике в отношении крестьянства [Давыдов 2018, с. 33–34]. Особо в подобной модели «модернизации вопреки» автор подчеркивает роль фигуры самого П.А. Столыпина и его главного детища — аграрной реформы, ставшей катализатором развития в России агротехнологической революции и резко усилившей интеграцию крестьянства в общегражданское правовое пространство [Давыдов 2017, с. 123–124; 2020, с. 27, 35].

Значительная часть современной отечественной историографии, касающаяся вопросов столыпинской реформации, посвящена рассмотрению одного из самых важных и дискуссионных начинаний премьер-министра — реформы в области аграрных отношений. Так, Н.Л. Рогалина, например, отмечает, что кабинетом П.А. Столыпина была сформулирована четкая идеология, разработана правовая база и был запущен механизм реформ, способствовавший интенсификации аграрного производства. Однако, по мнению исследовательницы, в основе идеологии реформирования лежало заблуждение об априорных внутренних потенциях, ждущего своего окончательного освобождения крестьянства и возможности успешного аграрного развития путем демонтажа общинного уклада. Для российских реалий такой путь аграрной модернизации оказался неорганичным и недостаточным [Рогалина 2012, с. 3–10].

Анализируя меры, предпринятые правительством П.А. Столыпина в аграрном секторе, А.Н. Медушевский признает правильность общей стратегии реформы, утверждая, что это была не просто «революция сверху», а продуманный комплекс мер, затрагивающий интересы большинства социальных страт Российской империи нач. XX в. Из существенных минусов реформы историк выделяет сопротивление ее проведению традиционалистских слоев, проблемы правового обеспечения, связанные с существованием правового дуализма и переходных форм собственности, а также трудности реализации столь масштабных планов реформирования в условиях сжатости исторического отрезка времени [Медушевский 2015, с. 289, 291].

Таким образом, подводя итоги обзору отечественной историографии реформаторской деятельности П.А. Столыпина, можно заключить, что в современной российской исторической науке за последние 30 лет сформировалась обширная палитра оценок хода и последствий последней в истории империи эволюционной попытки модернизации. В историографии имеются как апологетические трактовки программы преобразований премьер-министра, так и критические оценки деятельности столыпинского правительства. Однако большинство исследователей придерживается взвешенных оценок реформ, признающих как их негативные, так и позитивные черты.

Отметим также, что проанализированные нами концепции весьма подробно рассматривают многие аспекты столыпинских преобразований и представляют достаточно конструктивный анализ модернизационных процессов, протекавших в России в нач. XX в. Однако модернизационный дискурс продолжает существовать в поле исторической методологии по сей день, а имеющие место дискуссии так и не привели к какому-либо единому знаменателю. Это дает возможность исследователям продолжить работу по изучению обозначенной тематики и провести более скрупулезный анализ накопленного исторического материала по проблемам последней в российской истории имперской модернизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акторы российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016.

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. Новосибирск, 1991.

Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). М., 2000.

Давыдов М.А. Модернизация Витте-Столыпина и ее специфика // ВТЭ. 2017. № 1 (1).

Давыдов М.А. О проблемах российской модернизации // Российская история. 2018. № 3.

Давыдов М.А. Аграрная реформа П.А. Столыпина: основные направления и историческое значение // Уральский исторический вестник. 2020. № 1.

Корелин А.П. Столыпинские реформы: исторический опыт и уроки // Отечественная история. 2007. № 3.

Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII — начало XXI века. Москва; Берлин, 2015.

Могилевский К.И., Соловьев К.А. П.А. Столыпин: личность и реформы. М., 2011.

Пожигайло П.А. Столыпинская программа преобразования России. М., 2007.

Рогалина Н.Л. Первый этап столыпинской аграрной реформы: институциональный аспект // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2.

Шелохаев В.В. Столыпинский тип модернизации России // Российская история. 2012. № 2.

Шелохаев В.В. На разные темы. М., 2016.

P.A. Speranskiy
Yekaterinburg (Russia)
Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS,
Ural Federal University

STOLYPIN'S REFORMS IN CONTEMPORARY DISCUSSIONS IN THE HISTORY OF RUSSIA

The paper provides a historiographic analysis of scientific works related to the modernization transformations of Russia in the era of P.A. Stolypin. It is shown that in modern historical science there is a wide range of opinions: from negative assessments of the Stolypin reformation to the recognition of its full effectiveness. It is concluded that it is necessary to continue the study of the indicated topics in order to conduct a more scrupulous analysis of the latest imperial modernization in Russian history.

Keywords: modernization, historiography, discussions, modernization theory, P.A. Stolypin, reforms.

Е.В. Шуравин
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ БАССЕЙНА Р. ВАЛА В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ

В статье приводится характеристика источников по истории заселения западных районов Удмуртской Республики. Были проанализированы письменные, картографические и археологические источники с учетом природных факторов. Автор выделяет перспективные направления для последующей более подробной разработки темы.

Ключевые слова: заселение, археологические поселения, Ландратская перепись, карты, р. Вала, Удмуртская Республика.

Изучая процессы заселения территории, важно опираться на все существующие источники об истории края. Сопоставление источников друг с другом, с особенностями территории, позволяет говорить о закономерностях в процессах освоения территории в прошлом. Актуальность исследования заключается в необходимости систематизированной информации о тех процессах, которые имели место в западных районах Удмуртской Республики, в частности, в период первой фиксации здесь удмуртского населения.

Бассейн р. Валы заселялся еще во времена мезолита, о чем свидетельствует археологический материал. Археологические карты Вавожского и Увинского районов Удмуртской Республики позволяют говорить о том, что в этот период человека для проживания привлекали, прежде всего, сама р. Вала и ее наиболее крупные притоки (например, р. Ныльга). Однако говорить о системе расселения на тот момент, руководствуясь лишь археологическими источниками, достаточно трудно. Активное заселение и освоение территории бассейна р. Валы начинает происходить с XVI в.

Вопросами заселения исследуемой территории, одним из первых, начал задаваться А.А. Спицын. Опираясь на сведения Б.Г. Гаврилова, он упоминает два родоплеменных объединения удмуртов — Ватка и Калмез, которые продвинулись на восток с Вятки, заселили западные и северные территории современной Удмуртии [Спицын 1893, с. 96]. Ученый прокомментировал

данные процессы следующим образом: «Теснимые черемисами, вотяки с правого берега Вятки перешли на левый, на берега р. Кильмези и ея притока Валы, которая до того времени никем не была занята и покрыта была дремучими лесами» [Спицын 1893, с. 96–97].

Несколько другие взгляды о расселении удмуртов высказывал М.Г. Худяков. По его мнению, изначальным районом проживания калмезов была не Кильмезь, а Чепца, откуда они были вытеснены удмуртами-ватка, бежавшими с Вятки от русских колонистов [Худяков 1917, с. 35–36]. Покинув Чепцу, калмезы заняли бассейн реки Кильмезь и выгнали оттуда чудь и марийцев. Однако исследователь опирался в большей мере лишь на этнографические материалы, не располагая данными археологии.

При обращении к истории расселения на территории бассейна р. Валы в XVI–XIX вв. были проанализированы следующие источники: археологические поселения, письменные источники, исторические карты.

Археологические источники. Одно из первых археологических исследований территории р было проведено московским археологом А.П. Смирновым. В 1936 г. Удмуртским научно-исследовательским институтом и краеведческим музеем была организована экспедиция под руководством А.П. Смирнова для изучения южных и юго-западных районов Удмуртии. Главной задачей новой экспедиции был поиск памятников археологии в бассейне р. Валы, от её верховьев и до устья. Экспедицией были обследованы все более или менее крупные притоки Валы, в административных границах Можгинского, Увинского, Сюмсинского, Вавожского районов Удмуртии и двух смежных районов Кировской области. А.П. Смирновым была составлена карта-схема маршрута обследования, на которой были отмечены все обследованные памятники археологии. В дальнейшем, в 1970–1980-е гг., силами Камско-Вятской археологической экспедиции полевые работы здесь проводили Р.Д. Голдина, Т.М. Гусенцова, Л.Д. Макаров, О.П. Вотякова, И.Ю. Пастушенко и др. В 2016 г. на территории Вавожского района был проведен мониторинг археологических памятников под руководством Е.М. Черных и С.А. Перевозчиковой.

Всего на исследуемой территории обнаружено 39 археологических поселений XVI–XIX вв. Большое количество поселенческих памятников на территории говорит о перспективности изучения здесь системы расселения. Однако археологически памятники практически не изучены, что является перспективой дальнейших исследований.

Письменные источники. Большую роль в изучении истории населения края играют исторические источники. В административно-территориальном аспекте рассматриваемая территория до 1552 г. входила в состав Арской даруги Казанского ханства. После административных реформ Петра Великого 1710 г. эта территория вошла в состав Казанского уезда Сибирской

губернии. Самые ранние сохранившиеся сведения по истории заселения территории содержатся в материалах Подворной (Ландратской) переписи 1716–1717 гг., которая также включает данные предшествующей переписи 1710–1711 гг. Анализ таких источников был проведен В.С. Чураковым [Чураков 2009]. На основании переписей исследователь выделяет на территории бассейна р. Валы, входящей в Арскую дорогу Казанского уезда, на нач. XVIII в. около 67 поселений. Основная часть поселений располагалась в среднем течении р. Валы по притокам (рр. Нылга, Ува, Седмурча, Кылт, Лумпо). Помимо этого, в научный оборот были введены сведения о населенных пунктах, затронутых I–X ревизиями 1722–1858 гг. [Пислегин, Чураков 2016].

В 1-й пол. XVIII в. в крае появляются первые русские переселенцы, что в некоторой степени связано с учреждением в 1740 г. в г. Казани Казанской Новокрещенной конторы и началом миссионерской деятельности. В XIX в. переписи документируют интенсивный рост населенных пунктов, количество их увеличивается почти вдвое. В большей степени это были русские починки. Первоначально русские селились в места, не имевшие инородческого населения, однако к 1833 г. (VIII ревизия) значительное число русских зафиксировано и в удмуртских селениях [Пислегин, Чураков 2016]. Уже к концу XIX в. ранее моноэтническая удмуртская территория имела примерно равное количество удмуртских и русских жителей.

Исторические карты. Исторические карты являются важнейшим источником, содержащим информацию о местоположении старых поселений, улиц, дорог, сооружений и т.д. Сопоставление нескольких разновременных карт для одной территории наглядно отражает динамику в ее историческом заселении.

В процессе картирования археологических памятников и поселений, известных лишь по письменным источникам, определенно существует трудность с их локализацией. В имеющейся научной литературе и архивных материалах информация об этом очень лаконична. При недостаточности или вообще отсутствии точных географических ориентиров приходится полагаться на источники различного происхождения, в том числе на исторические карты. Для исследуемой территории на исторических картах известны следующие типы поселений: село, деревня, починок, выселок.

Стоит отметить, что названия удмуртских населенных пунктов на картах содержат многие исчезнувшие ныне топонимы, гидронимы, «воршудные» (родовые) имена. Данные топонимики подтверждают моноэтничность первоначального заселения территории. Подавляющее большинство населенных пунктов содержат в своем названии «воршудную» принадлежность, характерную для удмуртов, в то время как новообразованные починки и выселки имеют русскоязычные имена.

Наибольшей информативностью в решении вопросов локализации исторических поселений обладают такие карты, как «Планы генерального межевания Российской империи», «Специальная карта Европейской России» И.А. Стрельбицкого, «Почвенная карта Малмыжского уезда» Е.С. Филимонова.

Целью начатого в 1766 г. в России генерального межевания являлось точное установление границ земельных владений как отдельных лиц, так и крестьянских общин, городов, церквей и прочих возможных собственников земли. «План генерального межевания» для территории бассейна р. Вала имеет довольно плохую сохранность. Однако он содержит достаточное количество поселений, как существующих до сих пор, так и уже исчезнувших. Остальные перечисленные выше карты сохранились в хорошем состоянии и имеют цифровые версии в общем доступе.

Ценную информацию о поселениях 2-й пол. XIX в. дает «Почвенная карта Малмыжского уезда» Е.С. Филимонова. Данная карта наглядно демонстрирует по большому количеству починков процессы активного освоения новых территорий, в первую очередь, русским населением.

Анализ и сопоставление ряда исторических карт позволяет говорить и о мобильности удмуртских общин. Зачастую можно наблюдать картину, как один и тот же населенный пункт может иметь до трех местоположений. Такие сведения подтверждаются этнографическими данными [Шуравин 2019, с. 221]. Возможно, одной из причин перемещения поселения могло быть неудачное географическое положение.

Важнейшую роль при заселении территории играют экологические факторы. Для традиционного общества природный контекст при выборе места обитания являлся одним из ключевых. Так, для территории бассейна р. Вала на первоначальном этапе самым важным фактором была речная сеть, поскольку, в условиях залесенности, реки являлись свободными транспортными коридорами, по которым было возможно передвижение. На более поздних этапах (начиная со 2-й пол. XIX в.), когда долины рек были освоены, люди постепенно начинают заселять водораздельные участки, и на первый план выходит качество плодородия почв. Так, в этот период, по историческим картам, на территориях ландшафтов с плодородными почвами начинают активно появляться новые населенные пункты (починки, выселки и т.д.). Ещё позже важнейшим фактором для освоения территории становится ландшафтная мозаичность, т.е. когда в пределах небольшой территории есть и фрагменты плодородных почв, и лесные массивы (вероятно, на менее плодородных почвах), и реки, и месторождения общераспространённых полезных ископаемых.

Подводя итог, можно говорить о перспективности изучения процессов заселения территории бассейна р. Вала. Письменные источники и истори-

ческие карты содержат в себе необходимую информацию для первичного исследования. Однако для более детального изучения процессов заселения назревшими выглядят археолого-этнографические исследования. Этими исследованиями и планирует заниматься автор.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Пислегин Н.В., Чураков В.С. Справочник по малому административно-территориальному делению Удмуртского Прикамья (по данным I–X ревизий) [Электронный ресурс]. Ижевск, 2016. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Спицын А.А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. М.,1893. Вып. 1

Худяков М.Г. Древности Малмыжского уезда // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1917. Вып. 1–2. Отд. 3.

Чураков В.С. Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII — начала XVIII вв. [Электронный ресурс]. Ижевск, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Шуравин Е.В. Исторические карты как источник по локализации поселений удмуртов XV–XVIII веков (на примере Вавожского района Удмуртской республики) // Материалы Всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Курган, 2019.

E.V. Shuravin
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

SOURCES ON THE HISTORY OF SETTLEMENT OF THE VALA RIVER BASIN IN THE LATE MIDDLE AGES AND MODERN TIMES

The article describes the sources on the history of settlement of the western regions of the Udmurt Republic. Written, cartographic and archaeological sources were analyzed in conjunction with natural factors. The author identifies promising areas for further more detailed development of the topic.

Keywords: settlement, archaeological settlements, Landrat census, maps, Vala river, Udmurt Republic.

Научное издание

Составитель Пузанов Д. В.

Европа в Средние века и Новое время:
Общество. Власть. Культура
Материалы IX Всероссийской, с международным участием,
научной конференции молодых ученых.
Ижевск, 23–24 ноября 2021 г.

Печатается по решению Ученого совета
Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ
УрО РАН
и Ученого совета Института истории и социологии
Удмуртского государственного университета

Авторская редакция

Оригинал-макет И.В. Широбоковой
Дизайн обложки В.В. Долгова

Подписано в печать 24.03.2022. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 12,03. Уч. изд. л. 11,99.
Тираж 300 экз. Заказ № 558.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426004, Ижевск, Ломоносова, 4Б, каб. 021
Тел.: + 7 (3412) 916-364, E-mail: editorial@udsu.ru

Типография Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18